

Мансуров Андрей

16+

Стать Ведьмой. Школа

Тёмное фэнтези

Андрей Арсланович Мансуров

Стать ВЕДЬМОЙ. Школа.

Героическое фЭнтези

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41296372

SelfPub; 2019

Аннотация

Как жаль, что волшебная сказка о Гарри Поттере, да и вообще все произведения о Школах Волшебства – только красивые, но именно – сказки. А настоящая учёба и жизнь мага, волшебника – тяжёлая и кропотливая работа! Убедиться в этом лично приходится героине этой книги – наивно-восторженной вначале и повзрослевшей и переоценившей многое из своих убеждений в конце, самой обычной девушке-студентке земного университета. А то, с чем ей приходится сталкиваться в процессе новой работы – и ужасно, и мерзко, и... страшно! Не сломают ли хрупкую наивную душу испытания реального мира чародейства? Не превратится ли девушка в циничную и бездушную машину?..

Содержание

1.Теория	4
2.Практика	186

1.Теория

Платье испорчено!

Сердце, почуяв грядущую беду, дёрнулось: будто собака с поводка – завидев кошку, когда банка с майонезом ещё только появилась из холодильника, несомая расчётливой рукой...

Нет, не то, чтобы платье уже вообще носить стало нельзя – можно.

Если предварительно замочить в тазу, не скупясь присыпав новым «всесильным» порошком, а затем, через час, выстирать с этим самым порошком... Высушить. Погладить с отпариванием...

Вот только некогда всё это делать. До начала Бала осталось пятнадцать минут, а только на замачивание нужно хотя бы полчаса. Или час. Потом – стирка. И на нормальную сушилку плотного и тяжёлого стрейтча нужен минимум час. Даже утюгом. Или феном.

А в мокром платье идти – верное воспаление лёгких. Да и всё равно: *того* вида уже не будет!

Евгения привычно сдерживалась, чтобы не кусать губы, и не орать благим матом, как требовала душа. Выглядеть лишь слегка расстроенной у неё получалось «на автомате». А ещё она...

Чувствовала, ощущала эмоции торжества, умело скрытые сочувственно-сокрушёнными «оправданиями» залятой подруги, наигранно хватавшейся то за лицо, то за грудь:

– Ой, Женечка! Что же я наделала! Какой ужас! Гос-с-поди, как же ты теперь пойдёшь?! Ах-ах, какое было платье! Ну... Давай я куплю тебе другое! Так будет честно!

Боже! Сколько таких гадостей – «укусов», «плевков» и подколок ей уже пришлось пережить за то, по идее, счастливое время, которое зовется детством! В особенности – от «подруг», которые были или состоятельней, или подлей, или просто злобней – похоже, все они инстинктивно чуяли именно в ней наиболее опасную конкурентку. В плане охмурения парней. Которых в Новой Антоновке, деревне, в которую ей приходилось ходить, чтобы учиться в школе, и так кот наплакал. И ненавидели её всем классом.

Уж «девочки» постарались, чтобы и парни обращали внимание на её немодную одежду и китайскую дешевенькую косметику. И намеренно провоцировали её «враждебные» резкие ответы ехидными шуточками. Так, что в последний учебный год она, наученная горьким опытом, лишь презрительно отмалчивалась. Что ошибочно принималось за слабыхарактерность.

Ну а внешность...

Соперница?.. Красивая какой-то непонятной, скрытой пока даже от неё самой, глубинной, *истинной*, красотой? К которой, если предоставить их самим себе, рано или поздно

потянутся все парни, даже самые тупые?

Других причин для ненависти девок-ровестниц она найти не могла.

Ведь она никогда никому не становилась на пути. Во всяком случае, сознательно. Не скандалила. Не подсиживала и не злословила за глаза. Парней не отбивала. Да даже краситься перестала. Поскольку и мать была против «малевания лица». Дескать, изменять свою внешность – это «от лукавого».

Но на этот раз...

Огромная жирная блямба, мерзкое пятно, занимающее теперь, после неудачных попыток «срочно оттереть», а правильней сказать – размазать по всей груди и животу маслянистые потёки, словно бы издеваясь, нагло отблёскивало, отражая бликами свет двухсотваттной мощной лампочки. Разумеется, на спину платья оно уже тоже проступило.

Только что горделивая обладательница шикарного «выходного» платья, а теперь – никчёмной тряпки, лишь огромным усилием воли сдерживала крик отчаяния – знала, что этого только и ждут...

Шишь тебе, мерзавка расчётливая, слёз от неё не дождёшься! У нее была такая «школа злословия», что никому Бернарду Шоу не снилась! Но...

Может, все-таки зря она никогда никому ничем не... Вредила? А ведь могла бы. Наверное, не помешала бы и такая практика. И приобретенный опыт. Циничное презрение к тупым, но прагматичным и злобным, плюс адекватная «ответ-

ка». Расчетливость прожжённой интриганки.

Просто...

Или так уж заложила мать, или она от природы сама такая: «Все люди братья. И им нужно делать только то, что хочешь чтобы и тебе!...»

Но на этот раз...

Платье дорогое. Стипендия маленькая.

Ещё раз оглядев себя в зеркале, Женя, или Жека, как она предпочитала, чтоб её называли, чуть поджала губы. Кивнула. Голос сделала нарочито спокойным. Твердым:

– Знаешь, ты права. *Так* будет честно. Я согласна. На новое платье. Иди, покупай!

– Ой, Женечка, обязательно! – Женя не могла не услышать в тоне соседки по комнате ноток испуга и неприязни: ещё бы, в супермаркет ходили вместе, и платье обошлось недёшево! – Но – давай завтра! А сегодня гипермаркет уже закрыт – я не успею!..

Надежда, Надя, Надечка (мать её!..) дёрнула пухлым веснушчатым плечиком, обнажённым ассиметричной вызывающей кофточкой. Жека промолчала. Надя продолжила:

– Ну, ладно, значит, договорились: это – постираем, и подарим Таньке – вот умора будет! – а тебе я покупаю новое! Только без обид – нет, серьёзно! Я понимаю, что свинья, и что платье уже только в мусорное ведро, но... Так уж получилось! Прости-прости-прости! – попытка чмокнуть в щёку, которой Жека не препятствовала, но и не улыбнулась, как

обычно. Надежда прикусила нижнюю губу:

– Ладушки! Ну, я побежала: мне Максик уже звонок скинул – он внизу!

И точно: айфон подруги мелодично позвенкал. Парень Надежды, стало быть, уже торчит под липами.

Бедняга. Наверное, думает, что «оторвал» ценный клад!

Ну, пусть пока пообольщется: уж Жека-то знает, что из себя представляет её соседка, когда что-то происходит не так, или кто-то просто не желает сделать так, как Надюша *просит*... Или становится на пути к намеченной Цели!

Вот как сегодня стала она. На пути к титулу «королевы Бала».

А ведь всего-навсего выбрала и набралась смелости купить обалденное платье!

Так что только одна мысль о том, что кто-то будет выглядеть на Карнавале лучше, чем она, и сподвигла «Надюшу» на подлость: Жека *абсолютно* уверена – та специально, открывая банку с майонезом, уронила ту горловиной вниз прямо на разложенное на постели конкурентки платье. Она словно прочла мелькнувшую, подобно вспышке молнии в грозовом, затянутом чёрными тучами небе, подленькую мысль. Особенно чётко это ощущалось в последний миг: «Вот, пора!..».

Чёрт!

А ведь так бывало иногда – Жека *видела* то, что собираются сделать другие люди. Нет – не видела. *Предвидела!* Слово... Да, словно читала как бы их... мысли. Намерения.

Может, по жестам? Микромимике лица? Тела? Как в сериале «Солги мне».

Но ведь не докажешь, что соседка сделала это нарочно: сразу из лживого, и растянутого в хищном оскале злорадно-довольной улыбкой, жабьего рта, полились тысячи оправданий, что банка «запотела», да и «кровать стоит неудобно – как раз у холодильника».

Ну да: три шага – это как раз «у!...»

Вспоминая, как хищно кривились уголки губ соседки, когда она ещё и растёрла пятно тампоном из марли со стиральным порошком в безобразное не пятно даже, а – пятнище, Жека дёрнула щекой: никакого сомнения в злорадстве Надюсика у неё не осталось! Тем более что банку с остатками майонеза она сразу запихала обратно в холодильник, куда тут же отправились и нарезанные якобы «для перекуса» куски белого батона.

Жека заставила себя оторвать взгляд от захлопнувшейся двери, и перевела его на потертый чемодан, край которого всё еще торчал из-под её кровати.

Нет, в том убогом арсенале, что она привезла для «покорения» Ивановского Универа, ничего подходящего для «убийственного» прикида не имелось.

Скромненькие платица из ситца, которые столь любила её бабушка, и строгие чёрные юбки миди, с неизменными белыми кофточками в рюшечках, предпочитаемые матерью, для отвязной атмосферы Маскарада ну никак не подходят!

Даже если их порезать полосами, и выкрасить масляными красками в абстрактные пятна и полосы, как ей уже предлагали на Курсе.

И вот она, дура бесхребетная, и осталась опять одна!.. Весь поток будет веселиться и танцевать, скорее всего до утра, а она...

Она опять останется сидеть, а затем и лежать на кровати. И, кусая губы, зубрить фигню из конспектов. Или, глотая слёзы, представлять, какого парня она могла бы постараться сегодня...

Беспомощно вскинув руки к потолку, посылая про себя на голову «подруги» все мыслимые и немыслимые кары, она застонала. Ладони, опустившись, закрыли лицо. Худенькие плечики затрясло в судорогах так долго сдерживаемых рыданий.

Кровать... Где ты?

Подушка восприняла поступление очередной порции горячих слёз спокойно.

А ещё бы – ей-то что сделается! Это в головке той, что ночует на ней, проносятся сейчас Океаны сожалений и Моря сетований... Что было бы, если бы не!.. И как хорошо было бы, если бы ОН заметил, наконец, её – ну, пусть не совсем Золушку... Но ведь где-то близко к этому! Жаль, не приедет к ней сейчас на карете из лунного света Фея-крёстная.

Впрочем, феи-то обычно... Стараются помогать тому, кто и сам себе!..

О!

Что это за *мысль* только что ей!.. Не упустить бы!

Желание реветь сняло как рукой.

Она села. Да-да, вот это самое! Отлично выглядят! В меру воздушно... И растрёпанно! За работу!

Она вскочила: волна адреналина затопила сознание! Значит, подруга не хотела, чтобы она выглядела круче неё?! Так вот ...рен же этой с-сучке! Она не сдастся! И, наконец, впервые сделает кому-то *назло!!!* Хватит позволять вытирать о себя ноги! Пора показать зубки и характер. Нет карнавального наряда? Так будет! На что ей мозги?!

Подбежав к стулу, она придвинула его к гардинам: ага, отлично! Отстёгивается!

Когда тюлевая занавесь оказалась в руках, Жека, невольно морща нос, поразилась: боже, сколько пыли! Куда смотрит комендант общаги!

Впрочем, она знает, куда он смотрит. Причём – каждый вечер. До магазинчика, где днём официально, а ночью – из-под полы торгуют дешёвым красненьким – пара минут... Поэтому после одиннадцати в маленьком замкнутом мирке Общежития наступает «разгул демократии»!

Вот только впускать тех парней, кто согласился «подождать снаружи» для более «тесного» знакомства приходится через заложённое кирпичом до половины высоты окно прачечной – тоже, если разобраться, эпический подвиг! Не каждый даже мужчина отважится. Трезвым. А уж в обычном со-

стоянии – только чудо может позволить забраться вовнутрь с первой попытки! В «активе» окна уже имеется пара-тройка сломанных рёбер, две руки и нога! Про разбитые лица, поцарапанные руки и содранные коленки можно и не говорить. А уж порванных брюк и джинсов – десятками!..

Но подобрать ключи к надёжным ветеранам – амбарным замкам, которые дядя Петя, как все кличут Петра Степановича, навешивает на мощные запоры изнутри, доверяя охрану парадного и чёрного входов, когда «смотрит», ну вот никто до сих пор так и не смог!

Пока все эти воспоминания проносились в голове, Жека упихивала содранную с окна занавеску в тазик, поставленный на дно ванны с, кажется, века назад облупленной и потрескавшейся эмалью.

Вот зар-раза, не входит в таз в сухом виде. Ах, вот ты как со мной!.. Ну погоди же!

Она притащила все три пузырька, и стала поливать чёртову негнущуюся тюль, как выражалась их преподавательница по Дизайну, «в чисто произвольном порядке».

Всё-таки чернила – гениальное изобретение!

Не прошло и минуты, как перед ней оказалась «продвинутая» тряпка неопределённых сине-красно-зелёных тонов. На общем выгорело-желтоватом фоне. Отлично! А теперь вернём тряпку на окно. А само окно – откроем настежь! Обе створки! Оно на третьем этаже, и гвозди для «предотвращения провокаций и неприятностей», путем приколачивания

створок к косякам, как сделано на первом, не применялись!

Правда, на то, чтобы повесить занавесь сушиться обратно на зажимы, ушло минут пять. И белая футболка, что одета сейчас на ней, слегка извазякалась... Ничего, терпимо!

Это же – футболка.

Займётся-ка она теперь собой!

На то, чтобы поднять и зафиксировать волосы в стоящую дыбом пышную копну, ушли остатки лака из её баллончика, и весь почти непочатый баллончик Надюсика. Ничего – мстительно ухмыляясь во весь рот, подумала Жека, – она «купит подруге новый!»

Ну, или хотя бы пообещает...

Чтобы столь сложная конструкция не развалилась преждевременно, она завязала пока вокруг снопа пояс от любимого ситцевого платычка. Ничего – для *такого* можно пожертвовать! Подумавав, отрезала и шнур от утюга. Отрезала от него вилку. После чего оказавшуюся в руках «пёструю ленту» уложила вокруг цветастого пояска, и пришпилила невидимками и заколками. Что там в зеркале?

У-у! Отпад! Вылитая ведьма.

Ну погоди же, Надюсик, она *станет* такой и характером, а не только внешне!

Чёрные колготки в крупную клетку (Если честно, не думала, что одеть их когда-нибудь отважится!..). Вот уж здесь её «тощие и кривоватые» ножки подойдут как нельзя – образ получится куда «достоверней»!

Теперь – красные туфли-лодочки, без даже крохотного каблочки. Красная кофта-батник. Ах, в ней маленький вырез? Ничего – сейчас будет большой!

После того, как она отложила портняцкие ножницы, её вырезом оказался бы, мягко говоря, недоволен, любой пури-танин, или моралист-ханжа, вроде Химика, вечно шпыняв-шего тех студенток, что приходили на занятия в совсем уж мини, и всю дорогу твердящего про «жигы», как он называет жиры, и свободные радикалы...

А посмотреть бы на арестованных. В-смысле, не-свобод-ных. Радикалов.

Не-е-ет, парни у них в Иваново уж точно не радикалы. И не занудные ботаники, или моралисты! Значит, нужно по-мочь им. Лучше увидеть. Потому что её упругая грудь кра-сивой формы – именно то, чему даже сволочь Надюсик по-стоянно завидует.

Осталось выкрасить ногти в ярко-алый пополам с чёрным, и наштукатуриться самой.

Подумав, она покрасилась агрессивно и гротескно, нама-зав чёрным на добрый сантиметр вокруг собственно глаза: так, как красились девчонки из Средней Азии, чтобы хоть как-то увеличить крохотные от природы щёлочки.

Безвкусно, глупо, зато – в стиле «Клеопатры»! Той, ста-рой, классической – с Лиз Тэйлор! А если встретится под-выпивший (Ну, или сильно близорукий!) парень, так вообще не поймёт, что это – не глаза, а толстый слой теней, заполня-

ющих всю глазницу!

Супер. Эти карминно-красные раны губ, томно-вызывающий, слегка призывный взгляд, нарисованная мушка над верхней губкой... Преувеличенно розовые щёки на фоне белого от пудры и муки лица. Но главное всё же – безумный блеск в экзальтированно-отчаянных, и словно действительно жутко увеличившихся, бездонных, глазах!

Ну Ведьма в чистом виде!

Она вытащила из потайного кармашка чемодана то, что давно стеснялась одевать даже под джинсы – воздушно-кружевные чёрные трусики. Подойдёт!

На то, чтобы наживую, прямо на себе, пришить к трусам и колготкам собранную не то в облако, не то – в спасательный круг, тюль, ушло непозволительно много времени: минут пятнадцать! Зато получилось крепко – так, как она старалась делать всё: на совесть!

Показав самой себе в зеркале остренькие белейшие зубки, она сжала кулачки: поберегитесь, девки! Она уж постарается вам доказать, что зря её считали безнадёжным синим чулком, и затюканной зубрилой!

Чтобы нахлынувшее приподнятое настроение не рассосалось под воздействием ненужных сейчас «правильных» мыслей и вдолблённых с пелёнок правил «хорошего» поведения, она смело отхлебнула три – Бог троицу любит! – немаленьких глотка из хранящегося в дверце холодильника «НЗ» – почти непечатой бутылки «Смирнофф».

Тьфу – гадость! Обжигающая и отдающая привкусом си-
вухи... Если это – «Смирнофф» – то она – маркиза Помпа-
дур!

Зато через полминуты ей хотелось не то, что на Маскарад
– а вообще в вечернее Небо! К настоящим чертям и ведьмам!

Завершающий штрих: она знает, где у дворника дяди Гри-
ши, каждую субботу помогающего дяде Пете «смотреть»,
хранится метла – в каптёрке на первом этаже!

Не сказать, чтобы её появление прошло незамеченным...

Потому что она специально дождалась паузы между пес-
нями.

Особенно приятно было ощущать себя пупом Вселенной,
когда она, манерно вихляясь, прошла через весь зал, меж-
ду как-то сразу прекратившими танцевать и глупо ржать и
ущиряться девками, и остановившимися, глядя на них, а за-
тем и туда, куда устремились все взоры, уже в большинстве
тёпленькими, парнями.

Да – она знала, что в первую очередь «офигеть» должны
именно девки! Для них она и оделась! Как, впрочем, и все
они... (А для парня куда интересней, когда девушка разде-
вается! Вот такое вот – циничное, но прагматичное наблю-
дение!)

Все эти дебилы стюардессы и морячки в драных тель-
няшках, безвкусные пресно-блондинистые «куклы Барби»,
Бабы-Яги и «медсёстры» расступались, а «мафиози», ков-

бои, сантехники, и черти в облегающих чёрных трико пооткрывали рты от зависти.

Ну, или вожделения!

А неплохо получилось, мать их ...тти! Тем более, она появилась из проёма дверей с громким свистом! (Вот уж спасибо голубятникам родного села – научили!)

Развешенные по стенам гирлянды и мигающие плети светодиодов она проигнорировала – хотя где-то глубоко отметила: а здорово красиво! Обвесили на совесть!

Вперёд!

После триумфального проноса играющего влево-вправо, и как бы живущего самостоятельной жизнью, зада, до дальнего торца зала, где на возвышении торчали колонки и остальное электроорушее добро, ей осталось лишь треснуть метлой Васю-диджея, и заказать, да таким визгливым, «ведьминым», голосом, что мужики стали морщиться:

– А ну-ка! Мою любимую – «Мама-Люба-Давай-Давай-Давай!..»

Прыщавый Вася поморгал пьяненькими близорукими глазёнками – видать, не понял, кто это... Но, когда она замахнулась уже черенком, всерьёз оскалив остренькие зубы и сощуриив злые глаза – заказанное старёе как-то очень быстро нашёл и включил!

После этого осталось только выйти на центр танцпола, и действительно – дать!

Первые полминуты ей, несмотря на до сих пор «пльву-

щую» голову, было всё же страшноовато – все настороженно тарасились, шушукаясь, и почёсывая в затылках, (это мужики) и злобно щурясь и шипя что-то друг другу на ушко, (это – «девочки») поражаясь тому, чего не каждая стиптизерша отважилась бы проделать с чёртовой метлой...

Затем произошло чудо!

К ней присоединился Пират в кожаных сапогах, повязкой на якобы выбитом глазу, и даже засунутым за широкий кожаный пояс старинным пистолетом (Не иначе, открутил от декоративной панели сувенира!): «парень её мечты» – Сергей Савченко, главный механик на Комбинате! На которого целились, облизывались, про похождения которого сплетничали, и за которым, несмотря на достоверность сплетен, бегали, вождедея и чуть ли не локтями расталкивая соперниц, буквально все девки их Универа, Комбината, и просто – района!

– Вася! Поддай жару! – после этого требовательного крика Сергей уже не сводил восхищённо-удивлённого взора с её... Хм... Оказавшейся почти открытой взорам всех похотливо облизывающихся экзотически одетых (или – полуодетых) кобелей, груди. Ну и, естественно – попки...

А пускай их!.. От плотоядных взглядов её не убудет!

Однако поскольку против лучшего каратиста местной Секции боевых искусств неписанный закон нарушать никто не посмел, Сергей, «застолбивший» первым столь очаровательную Ведмочку, облизывался с наибольшими основани-

ями! Но пока прыгал и извивался от души – под стать ей. Наконец, «мамалюба» кончилась.

Вася, не медля ни секунды, (Понял, что пьянка-гулянка пошла нешуточная!) запустил медляк. Сергей, заметивший, что она теперь не знает, куда деть ставшую вдруг лишней метлу, схватил за ворот пиджака какого-то «офис-менеджера»: «Ну-ку, поддержи! Да смотри – чтоб была в целости!» А молодец. Быстро сориентировался, и нашёл выход...

Но вот он разворачивается к ней:

– Госпожа мерзейшая из всех ведьмочек, разрешите пригласить вашу милость на?..

Ух ты, как изысканно этот избалованный женским вниманием гад умеет выражаться при случае!.. А может это и правда – основная составляющая его обаяния и шарма?.. Ведь женщины – «ушами»!..

Но поскольку именно об этом моменте торжества над сучками-конкурентками она втайне и мечтала, только огромным усилием воли удалось не завопить сразу: «ДА!!! КОНЕЧНО!!!», а томно проворковать, стрельнув в него исподлобья не раз отрепетированным «убойным» взглядом:

– Н-ну, хорошо... Я... Разрешаю. – ух ты, его проняло! Он даже сглотнул.

А уж как нежно и далеко от себя он держит её тоненькое тело...

Нет, так не пойдёт.

Она сама, с судорожным и многообещающим вздохом,

прижалась к нему, да так, что перехватило дыхание, охватив тоненькими ручками мускулистую шею, словно это – ее спасательный круг в штормящем море... Хотя, в-принципе, так и есть, конечно.

А что – оказывается, дурацкая занавеска очень даже прекрасно сминается, превращаясь буквально в лоскут, не мешающий ощущать его отлично накачанные ноги, пресс, и... интересную выпуклость в районе ширинки. Хм... Не перестараться бы. Но и скромничать хватит!.. Сейчас ей даже было наплевать, что, подмявшись книзу спереди, её умопомрачительная «юбка» автоматически задралась сзади, открывая взорам всех облизывающихся самцов, и исходящих желчью стервоз, как раз то место... Откуда растут её «пикантные» ножки!

Однако Сергей вёл себя по-джентльменски – ну так Пират же!

То есть – галантен, как в XVII-м веке! – и не водит, вожделенно сопя, потными руками по её спине и ниже, а лишь осторожно придерживает. И смотрит, смотрит, не отрываясь, в самую глубину её души сквозь гротескно покрашенные, но выразительные и глубокие, бездонные (Она знала!) глаза...

Лишь после второго, последовавшего сразу за первым, медляка, когда она уже чуть отдышалась, и позволила напряжённым мышцам спины расслабиться, сексапильно выгнувшись, он галантно же пригласил:

– Сударыня! Не соблаговолите ли позволить чем-нибудь

угостить вас? Может, стакан сока из зелёных жаб? Или коктейль издохлых крыс и пауков?

Она невольно прыснула:

– Было бы неплохо! И ещё с толчёными сушёными мухами! Солёными, конечно... Но если честно, стакан черносмо-родинного сока для «леди Майская ночь»... Предпочтительней! – ух ты, какое заковыристое слово она смогла выудить из памяти! Не иначе, «Смирнофф» стимулирует подкорку! А горечь унижения – изобретательность!

Он торжественно предложил руку. Она с царственной грацией опёрлась, и они, провожаемые завистливыми и ненавидящими взглядами, «проследовали» в буфет.

Бармен Саша, лишь взглянув на Сергея, уже схватился за микшер, и сбил что-то из не то апельсинового, не то лимонного сока с коньяком, запустив по стойке точно в огромную ладонь, ловко остановившую движение приземистого стакана. Из него пахнуло приятным пряно-ванильным ароматом, который ещё больше вскружил буйну головку...

На неотразимую Ведьму, приподняв брови до прямо-таки опасных пределов, Саша восхищённо выпялился, сходу приняв условия игры:

– Госпожа наиведьмейшая из всех ведьм! Рад приветствовать в нашем скромном барда... э-э... Вертепе! Чего-нибудь освежающего?

– О, да! – она похлопала ресницами с полукилограммом туши, – сок, пожалуйста!

– Черносмородиновый! – поспешил уточнить пират, уже успевший растолкать и оттереть от стойки парней в костюмах менеждеров, тарзанов и ковбоев, безропотно отступивших не столько под его локтями, сколько под убийственным видом его спутницы.

И вот они уже сидят на высоких стульях у бара, и потягивают свои напитки, снова загадочно глядя друг другу в глаза... То, что не пялился на её ноги лишь бодро отблёскивающий разноцветными лучиками на потолке, дискотечный шар с осколками зеркал, парочку не смущало. Жеку даже наоборот – бодрило.

Не часто она позволяла себе... А жаль! Ножки-то у неё на самом деле – хоть куда! Куда там коровятистой Надьке, или даже призовой охмурительнице Таньке!..

Санек перенёс активную деятельность по смешиванию-разливаю на другой конец стойки. Галдёж, стук и звон возобновились. Музыка снова орала что-то зажигательное. Однако она знала, чуяла волосами вспотевшего затылка и шеи: нет-нет, да и притягиваются взоры всех парней в зале туда, где сидит «мерзейшая из всех ведьм!». Что не может не злить остальных, знакомых и незнакомых конкуренток. Ха!

Но им двоим это нисколько не мешало. Ощущение волшебной сказки окутывало её, словно верблюжье одеяло – мягко и невесомо!..

Наконец Сергей, с лица которого всё не сходила слегка обалдевшая улыбка, покачал головой:

– Знаешь, я вначале тебя вообще не узнал! Думал, может, заезжий кто – случайно пожаловал в гости к родным, да и забрёл... Жека! Отпадно! Нет, в натуре – блеск! Я прямо чую, как остальные наши дебилы пялятся и облизываются – всей... э-э... То есть – спиной чую!..

– Спасибо, Сергей! – не могла не улыбнуться она. Но...

Почувствовала, как под действием кисло-сладкого сока и его пронзительного взгляда её опьянение и экзальтация от собственной смелости постепенно рассасываются, и остаётся подлинная она: маленькая неопытная девочка, выкинувшая фортель, а сейчас опасаящаяся за последствия... Как бы мама не наказала! И «подруги» не заклевали!

– Знаешь, мне очень приятно, конечно, что все придурки и суч... э-э... девочки пялятся. Но если честно, я так никогда бы не оделась, если бы не испорченное платье!

Он рассмеялся – просто и весело. Взял её ладошку огромной лапищей. Сверху накрыл второй. Но – не сжал, а лишь чуть сильнее обычного мягко пожал:

– Ты – умница! Я уже знаю про платье. Твоя сучка (Так всё же правильной сказать про эту «девочку»!) соседка не могла не «похвастаться»: так что все остальные... «девочки» уже успели позлопыхать... А теперь – поражены! Тем, что ты осмелилась – да-да, осмелилась! Чтобы решиться на *такое* – нужна вот именно смелость!

Она ощутила, как забилося крошечное сердечко там, за «смелым» вырезом. Телу стало вдруг так жарко: она чувство-

вала, как краска заливает лицо, начиная со лба, и переходя на шею и... Ниже. Но он приблизил её ладошку ко рту, и нежно чмокнул:

– А ещё ты очень мило краснеешь! И хочу тебе сказать сразу: других, может, ты и шокировала, и даже где-то обманула. Но я вижу, что ты – очень ранимая и неиспорченная! Даже в этих бесподобных трусиках!

Она... Рассмеялась. Ей стало действительно легко и весело: он не пошлый хам или похотливый кобель... А обычный парень. С юмором. Наверное, до того, как пошёл в кружок китайской борьбы, тоже страдал от... Того же, от чего и она. «Излишней скромности!» И «притеснений». Поэтому сразу и понял всё!

Она отхлебнула ещё сока, и весело глянула на него сбоку, чуть повернув голову:

– Сергей! Я знаю, конечно, что ты – известный сердцеед! Можно даже сказать – профессионал! И я вполне понимаю девчонок, которые буквально штабелями... Но можешь не стараться: меня ты покоришь ещё полгода назад – ты тогда просто посмотрел. Даже не подходил, не намекал...

Просто – *посмотрел*.

Она почувствовала, как несмотря на кажущуюся банальность этих слов, его ладонь напряглась, и покрылась мурашками. Что это? Смущение? Он – смущён?!

Взгляд, которым он продолжал смотреть ей в глаза, посерьёзней. Но паузу он прервал только через полминуты, по-

казавшейся ей вечностью:

– А я отлично помню этот момент. Ты выходила из Универса с соседкой, этой ... Ну, словом, Надюсиком... Я стоял под дубом у фонтана – ждал кого-то... Кого – уже не помню, а вот твой взгляд запомнил. Не хочу врать: я не подумал ничего типа «О! Какая девушка! Она должна стать моей! Единственной! Суженной!» Нет, такого не было.

Но *что-то* в тебе точно есть! Когда смотришь, вот, как сейчас. Нет, серьёзно, сразу мурашки бегут по коже, и становится ясно – ты уж извини! – что ты не от мира сего... Больше, чем – *просто Девушка!* Уж поверь – *это* есть не у каждой.

И вот ещё что...

Хочешь, чтобы то, что в тебе *есть*, проснулось полностью?

Она почувствовала странную робость. Такого ей ещё никто не говорил.

Но сама-то...

Да, она знала, что не такая как все.

Мать, когда отчитывала её за какие-нибудь проступки или шалости, никогда не... Била её. Даже не шлёпала. И даже в глаза старалась не смотреть.

Почему?!

Вначале она даже думала, что – приёмная. Что мать взяла её из детского Дома.

Однако годам к тринадцати, когда у неё началось пере-

рождение, и произошла первая менструация, лицо в зеркале однозначно показывало: нет, никакого детдома. Она – родная! Плоть от плоти, кровь от крови.

Просто – нелюбимая. Вот Машка, младшенькая – любимая. А она... Нет.

Сергей, молча наблюдавший за тем, что творилось с ней, очевидно, понял, что что-то не так. Что он, вольно или невольно, задел больную струну в её душе. Он встал:

– Идём-ка. Я... Должен кое-что тебе показать.

В старом парке оказалось только несколько парочек, хихикавших и повизгивающих по скамейкам и кустам – летняя ночь использовалась веселящимися по полной!

Они быстро прошли в дальнюю, ещё не обустроенную местной Администрацией, полузаброшенную часть парка – к павильону, где раньше размещался аттракцион «Кривые зеркала». Здесь не было скамеек и деревьев. Наверно поэтому вокруг и не оказалось никого. Ещё бы – слишком всё открыто, травы и кустов нет, а всё больше кучи строительного мусора, да ямы. Да и дорожки вокруг из гравия – неудобно!

Сергей отпер амбарный замок на створках своим ключом. Ого! Откуда у него ключ? И для чего?..

Что он делает тут, в пустом и гулком помещении, куда позвал её?

– Встань здесь, в центре. Закрой глаза. Успокоилась? – он видел, что она чуть ли не дрожит – ещё бы! Страшно! А ещё

очень стыдно. Сознаться, что она, хоть и страдала по нему, и готова была к...

Но – стеснялась! Того, что всё ещё девственница!

Хотя и непохоже было, что он привёл её сюда для банального секса...

– Закрыла? Хорошо. Не бойся. Отдышись. Постарайся стать... Серьёзной. Ну, такой, как всегда. Думай, например... Что тебе нужно сделать занудную, но – нужную работу. Да – работу.

Она... подрастерялась. Затем попробовала сделать так, как сказал Сергей. Хм-м... ну, предположим, ей предстоит очередной зубрёж перед зачётом. По той же химии...

– Вот так, да. Теперь скажи: «Я здесь и не здесь. Я везде – и нигде. Я – в Авалоне!»

Хмыкнув (Про себя!) она медленно и торжественно, как чуяла, он хотел, произнесла, словно это было неким волшебным заклинанием:

– Я здесь... И не здесь. Я – везде и нигде. Я – в Авалоне!

Почему-то вдруг пропал шум, до этого доносившийся сквозь стены и окна павильона со стороны Дома Культуры. Запах пыли и давно не проветриваемого пространства пустующего помещения тоже исчез.

Вместо этого пахло какими-то цветами. Розы? Нет, похоже, магнолии. (Нюхала она их как-то в оранжерее жены Председателя. Их сельсовета...)

А ещё почему-то пропало ощущение, что Сергей стоит рядом. Да и глаза... Не-е-ет, вокруг уже вовсе не темно!

Сквозь плотно сжатые веки она ощущала, что снаружи – и светло, и тепло. Гораздо теплей, чем было только что.

Но почему он молчит? Что случилось?

Она решила глаза открыть.

Гос-с-поди!..

Сквозь чистые – замечательно отмытые! – окна пробивалось ярчайшее солнце!

Она стояла в центре круглого павильона, вроде, несколько не изменившегося, но...

Но это – был *не тот* павильон!

Она поняла, что произнесённая фраза действительно сотворила Чудо.

Она – в *другом Мире*! Быть может, даже на другой Планете! Ну, или, если верить тому, что там болтают фантасты – в «параллельной Вселенной»! И...

Авалон?! Она до этого не задумывалась, но вроде это... Страна эльфов?!

Ну и что ей теперь делать?! Как вернуться?! Вот уж «погуляла» так погуляла...

Нерешительно она шагнула к двери. Та оказалась не заперта. И вот она...

В саду.

Но Боже – что это за Сад! Она задрала голову.

Тень дают цветущие акации, и... Каштаны. Значит, она

всё-таки – на земле? Или...

Пышные и огромные (В её рост!) кусты роз. Причудливые изгороди из вечнозелёных кустов. Вон стоит приземистая магнолия: усыпавшие её, словно огни в окнах – Новогоднюю ночь, белые бутоны и распутившиеся звёздочки цветов перебивают все остальные цветочные тона. А вот и тюльпаны – красные, фиолетовые и желтые головки побольше её головы! А это – скромная низкорослая лаванда в голубых точечках соцветий...

Как это сделано – что всё цветёт одновременно?!

Нет, определённо – дома, и не в теплице – такое невозможно!..

Где же она?..

Между кустов и деревьев появилась фигура: кто-то шёл по тропинке, от того, что раньше было Домом Культуры, а сейчас превратилось во что-то вроде древнегреческого Храма, с чёткими пропорциями, и великолепными белыми стенами и колоннами.

Приблизившись, фигура оказалась невысокой женщиной в простом белом платье, и с пышной (но, конечно, не настолько, как у неё...) причёской из медно-медовых волос.

– Здравствуй, Евгения. Не сильно испугалась?

– З-здравствуйте. Н-нет, не сильно... – она и правда не испугалась. Поздно бояться, когда по уши вляпалась! Ох, Сергей, ох, фокусник! Куда же это он её?..

– Ну и отлично. Ты в Авалоне. Идём. Я провожу тебя

к Главноуправителю, и он тебе всё расскажет. Почему ты здесь. *Кто ты*. И что сможешь делать дальше...

– Спасибо. А вы... кто?

– Я – Маддалена. Если останешься здесь, первое время я буду твоей... Кураторшей.

– Кураторшей?..

– Ну да. То есть – если у тебя возникнут вопросы, я постараюсь на них ответить. И помочь. Устроиться. В-смысле, обустроить твой быт. Здесь.

– Спасибо... А что – я могу и не остаться? То есть – смогу вернуться домой?

– Конечно! Домой ты сможешь вернуться в любой момент! Или можешь выбрать *это* Измерение, как базовое. Как можешь выбрать и Йотунхейм, или Валгаллу, Аид или Парнас, Дом Ориона, или... Ведь ты прошла через Портал, значит – сможешь проходить всегда! Словом, всё теперь будет в твоей власти, но! Лишь в том случае, если решишь остаться. И выберешь!

– Что – выберу?

– Измерение. А проще говоря – Мир, где захочешь жить и... работать! – они неторопливо двигались к Храму, и Жека поражалась – до чего же здесь светло и тихо, если не считать жужжания пчёлки и пения незнакомых птиц! Словно нет ни Заводов, ни Комбината, ни вечно гудящей ТЭЦ, ни... Словом – никаких людей и их вездесущих машин!

– Простите, что спрашиваю... Это – Рай?

Маддалена рассмеялась. Весело и непринуждённо. Всплеснула руками: «Все так говорят!»

Камень с души Жеки упал. Значит – есть надежда, что она всё же жива, а не умерла от переизбытка ощущений, эмоций, и чёртова «Смирнофф»-а!

– Нет, Евгения, это не Рай. Авалон – это, скорее, Пересадочная Станция. Промежуточный Мир. Ничейная земля. Может, читала «Хроники Нарнии»?

Жека с запоздалым сожалением покачала головой.

– Ну, неважно. Я попробую объяснить попроще. Ты летала на самолётах? Нет? Хм-м... А в поездах ездила? Ага, уже лучше. Ну так вот: наш мир, Авалон – это Вокзал. Из которого ты можешь на «поезде» магических сил попасть в любой Мир так же просто, как можешь переехать на электричке из Иваново в Москву. Только – мгновенно. А захочешь в Нью-Йорк – пожалуйста! Или – на луну! Да куда угодно! Здесь всё устроено так, чтобы человек мог попасть туда, где чувствует себя... Комфортно и легко. Дома. Или – туда, где будет работать.

– А выбрать... Дом... Как вы сказали, я смогу сама?

– Да. А попутешествовать по другим Мирам, и изучить их, ты сможешь в процессе обучения! И, разумеется, и после...

– Так я ещё буду учиться?!

– Только если захочешь. Остаться. Вот именно – обучиться. И работать.

Если же нет – просто вернётся. И продолжишь обыч-

ную жизнь, которую вела до этого. – показалось Жеке, или при этих словах её спутница несколько... Увяла? Словно погрузилась. Интересно бы узнать...

– А скажите, Маддалена... Много таких, как я, попадают сюда, в Авалон? И... выбирают себе какие-то... Миры для жизни? И... *Почему* они их выбирают?

Пока они поднимались по беломраморным ступеням во всю ширину фасада, Маддалена молчала. И только когда остановились на мгновение перед парадным входом, темнеющее отверстие которого имело поистине колоссальные размеры, произнесла:

– К великому сожалению, нет. Не более чем один на миллион может попасть сюда. Поверить в себя. И в то, что то, что происходит с ним – происходит. А не снится. Да и то...

Девятеро из десяти таких Кандидатов предпочитают вернуться. К привычному, родному. Забыть о том, где были и что узнали. И жить...

Так, как жили. И там, где жили. Сейчас очень трудно найти людей, готовых жертвовать своей Судьбой, своим «Я» для блага Миров. Будь то – своих, или вообще... Чужих. Все хотят жить для себя. И не «заморачиваться», как это сейчас называется, всякими сложностями и хлопотами. Проще говоря – все предпочитают смотреть фильмы и читать волшебные сказки о *чьих-то* приключениях... И ничего не делать самим. Это, кажется, называется эгоизм. Нет-нет, я не осуждаю таких людей – на то и свобода Выбора! Но...

Нам всё труднее работать. И поддерживать Баланс. И тебе, если решишься, придётся напряженно, а иногда – через слезы, и терзания души – твою совесть, сомнения, боль – работать. Чтобы поддерживать этот самый Баланс...

– А что такое – Баланс?

– Пусть лучше Верховный расскажет тебе об этом. Он куда лучше меня разбирается в вас, Землянах.

– А вы... Не землянка? – дикость этой мысли не поразила. А скорее, подтвердила её подозрения. Женщина пусть неуловимо, но – отличалась от неё. Она это чувствовала.

– Нет, конечно. Но моя планета давно погибла. В глупой и разрушительной Войне. Потому что никто не... – женщина закусила губу, – Лучше не будем сейчас об этом. Словом, с неё уже никогда никто не прибудет... Но – проходи, Верховный ждёт тебя!

– Простите... Я не хотела вас расстраивать... До свиданья. – она кивнула. Маддалена, вздохнув, тоже. Но её взгляд...

Что в нём? Сочувствие? Печаль? Горечь от осознания гибели своего Мира?.. Или... Сомнение в ней?

В том, сможет ли она... Выбрать? И – выбрать верно?

Работать? Это слово Маддалена употребляла, пожалуй...

Слишком часто.

Смутно сопереживая печали Маддалены по произошедшим Бог знает когда трагическим событиям, Жека не осмелилась расспрашивать дальше, хотя и хотела узнать – не в

ядерной ли войне погиб столь, кажется, похожий на их, мир. Но – она чувствовала! – ещё не время для расспросов. Она ещё не... Решилась. Наверное, пока не имеет права. Знать.

Повернувшись спиной к женщине, она двинулась в черноту портала.

Темнота – или ей это только показалось?! – сгустилась. Да, ощутимо сгустилась!..

За спиной словно пропали даже голоса птиц и жужжание пчёл. Тишина наваливалась почти зримой подушкой. Она уже шла словно не через воздух даже – а сироп. В котором медленней двигались, вязли, ноги, руки. И даже мысли, казалось, что-то тормозит...

А чернота делалась всё зримей, плотней! Теперь она напоминала даже не сироп, а студень, холодец!.. Только безвкусный и непрозрачный!

Странно. Вроде бы, «Верховный» ждёт её, и должен как-то облегчить... Или ускорить её прибытие. А вместо этого её обступила явно недружелюбная среда! И уже не видно даже входного проёма, от которого она отделилась – она готова поспорить! – лишь на несколько шагов! Да что же это такое, в конце-то-концов!..

А-а! Наверное, небольшая проверка.

Её смелости. И решимости. Способности упрямо и методично идти к Цели.

А то ведь – позади ожидает Беседка, откуда наверняка

можно легко вернуться домой, и...

И – что?

Продолжить знакомство с Сергеем? «Тусоваться» ближайšie четыре года со стервозными лицемерками, так называемыми подругами, а на самом деле – лютыми завистницами, вечно голодными до мужиков вообще, и «перспективных», то есть, состоявшихся в плане бабла, квартиры, и машины, в частности? Которых настоящими подругами назвать может лишь наивная и незлобивая дура вроде неё?.. Четыре года учиться...

На филолога? И потом всю жизнь биться с задиристо-борзыми и ленивыми детишками, которые уже не прячут айфон под партами, играя, или шаря по интернету прямо во время занятий, и читать нотации их заносчиво-вредным мамашам, которые во всех неудачах любимых чад будут обвинять только её, «занудно-правильную» и «вредную» училку...

Сейчас, в этом чуждом и странном месте, ей всё оставшееся позади казалось мелочным, пустым и нелепым сном. Пересыпанием не воды даже – а песка. Из пустого в порожнее.

С другой стороны – что ждёт её здесь, да и во всех этих многочисленных Мирах? В которых ей, возможно, предстоит побывать, жить... И работать?

И... Что же это будет за *работа*?..

Медленно, но настойчиво, словно вколачивая гвозди, она продолжала устремляться мыслями вперёд, отталкиваясь подошвами туфель от единственно материально твёрдой

вещи здесь – пола, и помогая «духу» кряхтением и прикусыванием языка...

Не-е-ет, она пробьётся, прoderётся, преодолет – она всегда брала не нахрапом, нахрапистым штурмом – а медленным, кропотливым напором, упорством и терпением...

Она пройдёт! Куда нужно.

Она обязательно пройдёт! Потому что, во-первых – хочет прийти, во-вторых – невежливо заставляя себя ждать слишком долго, а в-третьих, уже она сама очень хочет выяснить, что за Предложения ждут её там...

Комната, куда она без всякого перехода вдруг попала, показалась очень знакомой.

Точно! Это же единственная комната их Дома там, в родном селе!

Два узеньких окна, крашенные-перекрашенные реечки их переплётов со всё равно облупившейся, и торчащей слоями, краской. Печь: кирпичный, тоже многократно (Уж и не упомянуть, сколько раз!) белёный монумент, единственно вызывающий ощущение чего-то домашнего и родного!

Память услужливо подсказала, как уютно и тепло на её завалинке в долгие тоскливые зимние ночи...

Лежать на спине, развернув книгу к голой лампочке без абажура. И читать... О, возделенная мечта – после тяжелого и хлопотливого дня... Ах!..

Почерневшие брёвна стен, с торчащей кое-где, тоже почерневшей и превратившейся почти в труху, паклей. Скри-

пучий рассохшийся стол. Табуретки.

Всё, вплоть до чуть осязаемого запаха домашнего хлеба и парного томлёного молока из жерла всё той же печки – абсолютно так, как она помнит. Только...

Только вот у окна стоит, заложив руки за спину, и глядя в стекло, вовсе на Мать.

Пожилой бородатый мужчина в добротном чёрном костюме повернулся к ней.

– Здравствуй, Евгения. Прошу извинения за... Вторжение в твои дела. Я слышал весь ваш разговор с Маддаленой. Я наблюдал, как ты проходишь через Портал. Я...

Рад, что ты здесь. Уже одно это говорит о том, что ты – Другая.

Впрочем, ты и сама это знаешь. – она только чуть кивнула, ожидая продолжения. Ну, следил – и следил. Нормально. Для Волшебника. Если, конечно, это – волшебник.

– Нет, я не волшебник, как ты могла бы подумать. (Ого! Он, похоже, *видит* и её мысли!) Правильней было бы называть меня... Администратором.

Моя задача – ввести новоприбывших в курс дела, и... В дальнейшем консультировать по нашим Мирам, и тем возможностям, которые эти Миры предоставляют.

Отвечать на неизбежно возникающие вопросы.

После чего ни в коей мере не вмешиваться в... Выбор.

Вот теперь Жеке стало неудобно – неудобно за тот вид, в котором она предстала пред... Администратором. Она по-

чувствовала, что невольно опускает взгляд, и, возможно, краснеет. Мужчина быстро понял её состояние:

– Не надо стесняться. Здесь каждый может выбрать ту одежду, и даже то тело, которое ему понравится. Или – понадобится для... Работы. – он легко повёл рукой сверху вниз, и вдруг...

На ней оказался самый настоящий кринолин!

Узкий корсет, туго давящий на рёбра, отлично подчёркивал тоненькую талию, а трапециевидный вырез открывал именно столько от груди, чтобы и привлекать внимание, и... Скрывать! Вот. Та золотая середина, которую она с помощью ножниц слегка... Да и не слегка – перешагнула! Сразу видно – *этот* вырез кроил профессионал!

А уж снизу пышные складки великолепной светло-кремовой узорно-вышитой парчи делают её ножки и... э-э... то место, откуда они растут – вообще невидимыми. Но наверняка воображение заставляет всех, кто носит брюки, вождедель, домысливая, и облизываться!

Она придиричиво оглядела себя, вертясь и изгибаясь. Прикольно. Но всё же...

– Понял. Согласен: разумеется, непрактично, хоть и очень, очень блистательно... Монументально! Настоящее Барокко. – Верховный слегка прищёлкнул пальцами.

Ах, вот как. Это – уж точно от Диора! Боже, что за фасон! С претензией на неповторимость – наверняка такое платье носила одна из звёзд Голливуда на вручение ей Оскара!.. А

здорово, конечно, но...

– Да. Вызывающе. Зато – отлично подчёркивает достоинства фигуры.

– С-спасибо. Но мне бы...

– Понял. Пока не до «подчёркивания». Чего-нибудь простого, привычного и удобного. Повседневного и рабочего. Разумеется!..

На ней оказалась майка-кофточка, велюровый кардиганчик из гипермаркета, купленный пару недель назад, и джинсы с кроссовками. Она расслаблено вздохнула. Потом не удержалась:

– Но как же вы?..

– Легко. Весь Мир Авалона – большая иллюзия. Созданная нами для... Ну, об этом позже. Словом, практиковаться в магии здесь очень удобно. Если надумаешь остаться – именно с этого и начнёшь! А сейчас просто запомни, что одежда – самое лёгкое и простое, что можно себе сделать. Даже начинающему. А вот тело...

Острой вспышкой озарения её пронзила страшная мысль: волшебник-админи-стратор-то... Не шутит! Как одежду, наверняка можно менять и тела! Стать пухленькой блондинкой, или тощей стервозной брюнеткой. Крашенной хной рыженькой старушкой, или полулусым панком-подростком с неизменным ирокезом и пирсингом...

Усвоив эту нехитрую аксиому, она снова решила разлепить губы. Уж больно непривычно слушать и осознавать *та-*

кое:

– Простите, господин Администратор... Вы хотите сказать, что я смогу выбрать для себя... Любое *тело*?

– Совершенно верно. Как, впрочем, и любой из нас, живущих в Авалоне, или других Мирах. Например, чтоб поразить твоё воображение, я мог бы предстать в виде доброго волшебника – скажем, Гэндальфа! – ого! Гэндальф-то: один в один! – Или – в виде Джорджа Клуни, – это уже не так удивило, – Но я считаю это излишеством и лицедейством.

Да и лучше будет, если ты не будешь отвлекаться на посторонние ассоциации. Поэтому я – это я.

А вот число Миров, где внешний вид разумных существ похож... Хм-м... На тот, что сейчас у тебя, весьма ограничено. Впрочем, мы забегаем вперёд. Присаживайся, а я постараюсь коротко рассказать тебе, что это за место, и *почему* ты попала сюда...

Она выбрала табурет, на котором привыкла сидеть с самого детства. Хорошо, что щель, которая в детстве вечно прищемляла её тощий зад, закрыта сейчас вязанной крючком накидкой. Это бабка связала, уже перед самой своей...

Она знала, догадывалась, почему их беседа происходит именно в этом месте.

Дома каждый чувствует себя спокойней. Защищённым. На своём месте.

Словом – дома!

– Маддалена уже сказала тебе, что Мироздание, обитаемых Мирозданий, много. Конечно, не мириады, как надеются ваши учёные-оптимисты. Но и – не единицы. Несколько тысяч.

При этом таких, где живут люди, внешне хотя бы схожие с вами, так называемыми гуманоидами, не больше сотни. А таких, как вы – вообще всего три вида рас.

Я говорю это потому, что мало кто, даже из желающих остаться, выбирает сразу чуждую форму тела... Скорее всего, и ты, если надумаешь попробовать, выберешь такое тело, которое привычно для жизни, и не потребует управлять, скажем, восемью щупальцами и пятнадцатую псевдоподиями... – она не совсем представляла, каково это, но автоматически покивала, – Такое обычно, как это говорят, всасывается с молоком матери.

Теперь – о Миссии, которую мы здесь, в Авалоне, выполняем. Ну, или стараемся.

То, что везде существует хрупкое равновесие так называемого Добра и так называемого Зла, объяснять, наверное, не надо? – она снова покивала, – в Мире, например, Маддалены силы добра победили. Да-да, я не оговорился – там победили именно силы Добра. Как они себя называют.

В результате теперь там невозможно жить. И будет невозможно ещё много тысячелетий. Да – я вижу: ты хочешь спросить, как это – раз победило Добро, почему же невозможно теперь там жить?

Объяснить нетрудно. И – трудно. Потому что Добро – по-

нятие, которое определяют для себя только разумные существа. В силу своей специфики мышления. И формы тела. (Ну помнишь, например, даже у вас есть поговорка: «что русскому хорошо – немцу – смерть!»)

Для рыбака большая рыба – отличный улов и сытный обед. А для пойманного сазана – мучения и смерть. Так же и для коровы: когда её убивают для того, чтобы вы могли нажарить котлет и налепить пельменей... Пока – понятно? Хорошо, возьмём шире.

То, что плохо (Зло!) для, скажем, человека вроде тебя, может оказаться великолепным для бактерий-радиофагов. То есть таких, которые питаются радиацией. И они ждут – не дождутся, когда же вы начнёте свою термоядерную войну, чтобы колонизировать и занять вашу Землю... Или, скажем, то, что хорошо для воздушных медуз-иммунобилей, смерть – для жихов из Мату. Ну, это для примера, чтоб ты поняла, что Добро и Зло относительны. И существуют только тогда, и только для того, кто определил их... И его «подходящестъ», универсальность, для *всех* сразу – не-воз-мож-на!

Она кивнула. Понятно-то понятно... Но разве коровы и рыба – разумны? Правомочно ли приводить такие рассуждения?!

– О, разумеется, я вижу твои сомнения. Нет. Пока, – он выделил это слово, – рыбы и коровы неразумны. Но! Возможно, они могли бы таковыми стать, если б вы не ели их, а предоставили Выбор – в каком направлении им развиваться!

Ну, и – время, конечно!

Цивилизация коров? *Коров?! Ей* показалось это дикостью. Нонсенсом. Неужели он говорит серьёзно? Куда она попала? Что за морализаторский бред несёт этот старик?!..

И где же здесь – извечно пропагандируемая во всех книгах, и фильмах типа «Гарри Поттера» и «Властелина Колец», борьба Светлого и Тёмного?! – она открыла было рот...

– Евгения. Ты молодец. Проверка номер Два состоялась. – он улыбнулся. Она...

Почесала затылок.

– Действительно, Цивилизация коров – невозможна. Но не потому, что ты подумала. А потому, что коровы – травоядны. Не буду тебя обманывать, и разводить мораль и велеречивую демагогию. Жизнь жестока. А Разум – жесток в квадрате, если можно так выразиться... Вернее, таков - *начинающий* Разум. Ваш Дарвин тоже это отмечал...

Звучит кровожадно – но *все известные нам Цивилизации* построены буквально – на крови!

То есть – до Разума могут развиваться только... Хищники! Высшее звено пищевой Цепочки! И знаешь, почему? – о, да. Она начала понимать, куда он клонит! – Потому что только у них остро стоит вопрос *охоты и убийства* – то есть, добычания пищи из *мяса*! А поскольку мясо – очень калорийно, и насыщает надолго, соответственно, остаётся *время на что-то, помимо поиска, пережёвывания и переваривания пищи!*

Так что те виды организмов, которые извлекают энергию

для жизни из солнечного света, например, с помощью хлорофилла, как земные растения, или перкинссонские вуки, или те, кто питается этими самыми растениями, никогда не станут разумны – у них попросту нет стимулов, и времени самосовершенствоваться! Они все время наращивают... Тело! То есть – мускульную массу.

Ну и просто – переваривают пищу. Помнишь: «четыре огромных камеры желудка, и очень длинные кишки?..»

Он замолчал, не без хитринки глядя на неё. Она же... Вдруг спросила:

– Можно вопрос из не столь «общефилософской» области? Как обстоят дела с борьбой «Добра и Зла» у гуманоидов? Почему вы сказали, что в Мире Маддалены победило Добро?

– Разумеется, я могу дать и более конкретный ответ на конкретный вопрос. Всё очень просто. Почти в точности, как могло бы случиться и в твоём Мире.

Блок стран, где у руководства стояли так называемые «народные избранники», (Ну, то есть люди вроде ваших Президентов!) первыми напали на блок, где правили Тираны – те, кто самолично, силой, захватил власть, и навязал народам этих стран тоталитарный режим, Диктатуру и казарменную муштру... И «Добро» победило. (Хотя, как ты, наверное, уже догадалась – для проигравших они вовсе не были «добрыми»!)

Только теперь, как я уже говорил, жить там невозможно

всем. А мы... Мы не препятствовали. Поскольку этот Мир не входил... В нашу юрисдикцию. А те, в чью входил – предпочитают *не* вмешиваться. Их основной лозунг: «Нужно предоставить разумным расам решать самим за себя».

Ну а результат такого «невмешательства» – ядерная междоусобица.

– То есть... Получается, если уж война произошла – нет разницы – кто победит?

Он опустил глаза к полу, словно рассматривал вышитый бабушкой же коврик из нарезанных полосок старой одежды. Но в поднятом взгляде светилось удовлетворение.

– Ты быстро схватываешь. Или – *чуешь* ответ... Да, раз уж *атомная*, то есть – глобальная, Война разразилась, нет разницы – кто победит. Потому что – никто. Уничтожение будет тоже – глобальным. Закат Цивилизации... Да и, возможно, всей разумной расы – неизбежен. И вовсе не факт, что конкретные выжившие «сапиенсы» снова станут «Властителями планеты». Нам известно много примеров – на Хронасте людей сменили пауки, на Бюррее – опоссумы.

Поэтому наша, Хранителей, задача – *не допускать* самой Войны.

Для этого и нужно стараться поддерживать Баланс. А сейчас в вашем, например, Мире, Баланс смещён. Силы тех, кто считает себя «Добром» начинают думать, что пора прекратить диктат. Вернее, они не желают больше терпеть тот факт, что ими до известной степени могут управлять те, у кого в

руках сосредоточены почти все средства управления вашей Цивилизацией. То есть – деньги.

И появляется соблазн ударить. Первыми. По «эксплуаторам и наглецам, пытающимся всем диктовать свою волю, орудуя, как рычагом, колоссальными денежными ресурсами, и поработить...»

Ну, ты же смотришь телевизионные новости? Нравится ли тебе политика... ваших Врагов Номер Один? «Самовлюблённых и тупых» америкосов?.. Которые просто – работают на более хорошо замаскировавшихся врагов – Глобалистов? А-а? То-то!

– Но как же... Например, такая девушка как я, могу помочь?! Я же... Не политик?

– Объясню. Причём – с огромным удовольствием. Поскольку ты уже одним своим внешним видом подготовилась к наиболее подходящей тебе задаче!

– ?!

– Ты можешь стать... Ведьмой!

Сознание возвращалось урывками, неторопливо продираясь сквозь дебри паутины сна... Где она – в детстве, или в юности? Что ей сейчас делать – доить коров и кормить кур, или собирать учебник и конспекты в сумку?..

Но вот состояние полузабытья отступило. Она проснулась.

Глаза открыть, впрочем, не спешила. Уж больно приятные

ощущения...

Кровать оказалась куда мягче, чем она про неё помнила. Пружины не скрипели. И подматрачная сетка не пучилась угловатыми железяками, оставлявшими синяки на спине и боках, несмотря на наваленные бутербродом нагромождения из жиденьких старых одеял, из которых клоками через дыры торчала посеревшая вата.

И никто не шпенял её, грубо вытряхивая на пол, или срывая одеяло:

«Женька! Корова, коза, куры!»

Да, именно в таком порядке они и ждали её иногда не слишком-то ласковых рук и тёплых забот... А ведь, если вспомнить, они-то... Были ни в чём не виноваты!

Стыдно.

Так что и корову Зорьку она доила и выгоняла на улицу, к стаду, медленно двигавшемуся под присмотром деда Васи – пастуха с тридцатилетним стажем. И козу привязывала к колу на новом месте в огороде. И курам сыпала запаренной тюри из остатков обеда-ужина с комбикормом... Все – впопыхах, и не слишком аккуратно. И пинки и шлепки нерасторопным или наглым зверушкам тоже не «лучились» теплотой.

Работа начиналась с пяти утра, и распорядок её не менялся последние семь лет... А вот Машка могла поспать до полседьмого – когда её будили, кормили. И отправляли в школу. Обязательно чмокая на прощанье. А вот её...

«Ты – старшая. Сознательная. Поэтому должна...»

Лучше не вспоминать. Не так обидно и горько на душе.

С другой стороны – если б не суровая дисциплина, вряд ли она смогла бы, особенно глядя на поведение окружающих «девок-пофигисток», ставящих во главу угла не учёбу, а «выскакивание» замуж, подниматься рано, чтобы «переться» на первые пары, и сидеть там, быстро и терпеливо записывая, так, что потом ломило кисть... Чтобы давать потом всё тем же девкам-девочкам переписывать. А уж о том, чтобы заучивать трудное, и непонятное на первых порах, техническое, физическое, математическое...

Так что, получается, – спасибо, мама. Подготовила к... Самостоятельности. Ответственности. Привила её Сознанию дисциплину. Будь она неладна!..

Невольно память вновь вернулась к словам Верховно-управляющего из вчерашней беседы:

– Будь реалисткой. Подумай – только без глупых сантиментов, а честно взглянув себе в память и душу: кому ты там нужна? Есть ли человек, который станет сожалеть и плакать, если, например, ты навсегда уедешь жить и работать в Москву? А в Голландию?

А – на луну?

А что самое главное, ты всегда – стоит только пожелать! – сможешь возвращаться туда. Как на каникулы. Конечно, если захочешь...

Потому что здесь, в Авалоне, нет времени. То есть – *re-*

ально текущего времени. И вернувшись хоть сейчас, хоть через год, ты застанешь Сергея в том же павильоне, ждущим тебя. А в Доме Культуры всё ещё будет длиться «Хеллоуинский Маскарад».

Она тогда поразилась. Но подумала, что, собственно, ничего удивительного здесь нет – она чего-то такого и ожидала...

Авалон. Сказочная страна Эльфов. Да, райские сады и блаженное Безвременье.

А существуют ли они? Или Администратор сделает ей их, захоти она взглянуть?..

– А что будет с моим миром, если не...

– Вмешиваться? Идём. Я покажу тебе. Пример.

Он вывел её на крыльцо, легко отворив обычно всегда забухавшую и елозившую по уже протёртым ложбинкам в полу, дверь. Здесь она не забухала. И не скрипела тоскливым сопрано. Хорошо. Потому что не сводит зубы от звука...

Прошли они к пруду.

Пруд... Что-то с ним было явно не так!

– Посмотри! Я отмотаю всё назад. И ты проследишь, что, и почему получилось.

Перед её взором стремительно вдруг метнулось назад, к востоку, солнце, всё почернело, затем снова чиркнула по небу ярко-оранжевая полоска, затем всё ускорило ещё, и слилось во что-то серое, безликое... Но она успела заметить и вдруг возникшие, и мгновенно опавшие сугробы. И листья

– только что огненно-жёлтые, и тут же зелёные, и вот уже ветви снова голы! И – всё сначала...

Пруд вдруг остановился – от неожиданности она вскрикнула. Но осмотрела его подробно: пруд как пруд. Вон, по-над берегами – бляшечки ряски, под водой – ленты водорослей, и песочек... Водичка прозрачна. Благодать.

Вдруг она смогла видеть *сквозь* воду. Ух ты – щука!.. И караси. Караси, значит, едят зелень, а щука – их. Всё, вроде, логично. Пищевая цепочка. И вдруг...

К пруду приближается Верховный, протягивает руку, и вот – щука уже в ней! Он уносит рыбу к реке. И – Жека не видит этого, но знает – отпускает.

И что же?

А, вот опять всё слегка ускорилось. Караси... Растут. Плодятся. Едят. Едят больше.

Вот и водорослей не осталось. Но... Идиоты прожорливые! Они же перемерут с голода!

Чёрт возьми, так и происходит. Отощавшие тела всплывают брюхом кверху, и разлагаются, опадая на дно водоёма загнившими мерзкими лохмотьями с ниточками белых ребер. И вот уже никто не плавает, и водоросли не ест.

Бляшки, чудом сохранившиеся где-то на кромках, начинают снова заполнять...

Заполнили. Превратились в толстый ковёр. Боже! Вода застаивается, загнивает без кислорода! Таковую не то, что пить, или купаться – нюхать, насколько она помнит, невозможно!

И вот – буйно разросшиеся и отмирающие, укутывающие толстым чёрно-коричневым ковром дно водоросли превращают пруд в...

Болото, и... Торфяник.

– Я ничего нового тебе не показал. Ты такие загнившие пруды видала и там, дома.

– Да. Видала... Это... Экологическая катастрофа?

– Вот именно. Ты сразу очень точно подобрала название. Для произошедшего. Но это – грубая схема. Для социума, где управляют *мыслящие*, столь примитивная модель совершенно не подходит. Но принцип тебе теперь понятен – если нет щуки, нет ограничивающего, сдерживающего, и одновременно стимулирующего любовь к жизни, и борьбу за неё, фактора, в социуме, который не может, или слишком глуп, чтобы грамотно регулировать свои функции сам, наступает короткий период лже-благоденствия – ну, когда все караси росли и жирели! – а затем... Как бы тебе... Замятинскую антиутопию «Мы», конечно, не читала? – это был полупрос-полуутверждение.

– Н-нет. – она покачала головой.

– Жаль. Но смысл можно передать парой фраз: в Обществе, где царят тоталитарные методика, (Например, ты же знакома с понятием «коммунизм»?) ну, то есть, где жизнь всех людей регулируется *сверху*, и где нет борьбы с *внешними* жизненными обстоятельствами, а всё уже и так разжёвано, и положено в рот, и нет отдельных индивидуальностей, а есть

только – послушные «винтики»... Рано или поздно наступит застой. Ну, с этим-то понятием ты наверняка знакома. И, вижу, суть поняла.

– Да. Кажется. Люди становятся равнодушны. И перестают чего-то хотеть... Кроме только материальных благ – машина, супертелевизор, дом... А ведьмы, они, получается, навроде шук? Они... Стимулируют стремление к борьбе? За жизнь? И ограничивают. Но – что? Что они ограничивают? И – как?

– Вот всё это, и многое другое ты узнаешь, если... Согласишься. А пока ты не выбрала – извини. Секреты и законы, управляющие человеческим Социумом предназначены только для Посвящённых. Тех, кто готов пожертвовать своей Судьбой и жизнью. Временем.

Для кропотливой, а иногда попросту нудной рутинной работы – поддержания Баланса. Ну, Маддалена тебе уже сказала.

Да, наша работа вовсе не подвиги и приключения, а – в основном, расчёты, моделирование, и... Минимальные воздействия. Минимальные.

А то, что ты только что видела – просто... Вводная лекция. Простой Пример. Демонстрация причины и следствия. Следствия нарушения Баланса. Есть и ещё кое-что...

Слышала, наверное выражение «волки – санитары леса»? Всё верно, они отслеживают и убивают только старых, слабых и больных. Но – как ты считаешь, сами *олени* понимают,

что таким образом им просто...

Не дают вымереть от вырождения?! А? Вот то-то. – она поджала губы: точно! Вряд ли олени ценят оказываемые им «услуги».

– Согласен. Волков никто не любит. Дескать, и кровожадны, и беспощадны. Один злобный оскал чего стоит. (Она вспомнила – да, оскал... Не для слабонервных)

А ведь наша предвзятость – лишь предрассудок.

Природа мудра. Но вот её мудрость не всегда, скажем так... Красива, гуманна, и правильна с нашей, людской точки зрения. С точки зрения так называемой «человеческой» Морали. Говорю же – всё субъективно.

А волки, в принципе, дают модель и нашим действиям: убивают лишь столько и тогда, когда нужно есть. И без них... Как без щук! – он покачал головой, – Прости. За нудную и не слишком пока понятную лекцию. Но подробно смогу рассказать, только если... – он поднял брови. Она кивнула. Этот пример тоже вполне... Красноречив.

– Ну а сейчас давай вернёмся.

Они вернулись. В сотворённую возле пруда Избу... Её Дом. Дом?

В избе Верховный предложил ей располагаться «Как у себя. Потому что ты – у себя!», пожить, походить по лесу, подумать. Ещё подумать. Время... терпит. И – спрашивать, что окажется непонятным.

Ох, чует она – такого здесь будет много, если она... Н-да.

Вздохнув, и сладко потянувшись, она, наконец, открыла глаза.

Благодать! Солнышко разбросало кучу бликов-монеток по лавке, коврику и почти чёрным от времени, истёртым до торчащих выступами сучков, доскам пола. Судя по всему, сейчас – около шести. Давненько она так не залёживалась в постели! У-у, свобода!..

Спустив босые ступни на бабкин половичок, она порази-лась – все те воспоминания, из далёкого детства, и ощущение – *те самые!* Вот уж не знала, что можно всё это столь точно воспроизвести! Впрочем – он так и сказал: Мир Иллюзий!

Как она *помнит* – так и будет!

Уже не столь восторженно она открыла шкаф с одеждой, и выбрала старенькие привычные джинсы и простую фланелевую рубашку. Пойдёт-ка она умываться...

И ледяная вода в рукомойнике, и зубная щётка с торчащей во все стороны подвылезшей щетиной, и полотняное полотенце с выдранными клоками – всё как *там!* Или...

Или оно такое именно потому, что она его таким помнит, и вызвала к жизни – сама?! А... Можно ли его улучшить – чтобы было не столь... Патриархально. И – более удобно?!

Ладно – она спросит. Как спросит и о сотнях других, накопившихся в пухнувшей от дикости и непривычности происходящего, головке, вещей. А сейчас – завтрак.

Холодильник «Зил» приятно удивил разнообразием: тут

тебе и колбаса, и сыр, и початая банка сгущённого молока, с крышкой, до половины открытой старым, рычажным консервным ножом, и пучащейся опасно острыми, как она отлично знала, волнистыми краями!.. И даже свежие творог и сметана. А где же хлеб?

Она налила в свою старую, с отколотым кусочком эмали, чашку кипятку из полу-ведёрного электрического самовара, всю её жизнь стоявшего на столе. Псыкнула в него заварки из чайничка поменьше, привычно гордо сидящего на самоваре сверху. Вот и сахар. В сахарнице. И не на доньшке – «только для Машеньки», а насыпан горой... Ох.

Пока она ела ломоть душистого и мягко пружинящего хлеба из печи, заедая всем тем вкусным, неожиданно оказавшимся в её распоряжении, мысли буквально роились. Но проверить она решилась, лишь доев, помыв чашку, и вытерев крошки со стола.

Ух ты!.. Вот блин! Надо же...

Баночка с чёрной икрой стояла именно там, где она её себе вспомнила-вообразила – на верхней полке, прямо под испарителем, и за литровой стеклянной банкой с малиновым вареньем...

Достав её, она долго и сосредоточенно рассматривала на свету икринки сквозь замазанное изнутри серой слизью стекло, не сомневаясь, что и вкус окажется таким, как она помнит по тому единственному разу, когда...

Неважно.

Последняя соломинка для верблюда.

На глаза сами-собою навернулись слёзы. Одну выступившую и потекшую по щеке, она смахнула пальцем. Закусила губы почти до крови.

И поставила баночку на место, так и не открыв...

А ведь именно за это – за якобы съеденную ей икру! – её и наказали тогда, после Нового Года... Ох, Машка. Долго же ты потом заглядывала в глаза, и просила прощенья. (Когда мать не видела!) А Жека так до конца и не поверила в её искренность – не вступилась же, и не призналась, когда её в наказание закрывали на ночь в тёмном подполе...

Может, поэтому – из-за постоянного подсознательного ощущения своей вины! – сестра и не любила Женю?..

Сегодня на месте чёрного Портала оказался просто обычный коридор – совсем как в общежитии. Ну, может, чуть пошире, почище, и приятного кремового цвета – здесь-то ошметки масляной краски мерзкого вылинявшего ядовито-зелёного цвета со стен не свешивались, пучась от сырости и протечек с крыши и из труб отопления.

По коридору она просто прошла в самый конец Храма – туда, где, как им объясняли в пятом классе, на уроках Истории древнего Мира, находилась у этих самых древних греков святая святых – Алтарь Божества, которому посвящён Храм.

В простую деревянную дверь она постучала. Услышав: «Войдите», вошла.

Администратор, увидев её, встал из-за стола, где до этого что-то делал на компьютере, сосредоточенно стуча по клавишам.

Компьютер в первый миг поразил её. Уж больно он не вязался со зданием античного стиля, кринолинами, щукой и всем прочим «колдовством»... Потом она вспомнила – каждый работает так, и теми инструментами, к которым привык. А что – удобно!

– Здравствуй, Евгения! Надеюсь, отдохнула хорошо? – в его словах слышались мягкая забота и радушие. Он действительно рад её видеть. Вроде бы.

– Благодарю вас. Да, всё прекрасно. Настолько замечательно, что... Аж мурашки бегут по коже! Я сегодня вообразила себе даже баночку чёрной икры...

– А, ваш земной деликатес! Отлично. Видишь – как тут всё просто! – он воспользовался паузой, когда она сглотнула, снова вспомнив негативные ассоциации, связанные с чёртовым «деликатесом», – Присаживайся!

Тут же напротив него у стола возник мягкий стул. Она, благодарно кивнув, села.

Он тоже сел. Молчал. Ждал. Руки сложил перед собой. Она невольно проследила взглядом за прожилками вен – набрякшие, словно от тяжёлой работы. Или – нервов. Интересно, сколько ему лет? Наверное, много.

Профессиональный Психолог. Знает, видит, похоже, что она уже...

– Я решила. Я остаюсь.

– Отлично. Благодарю тебя от лица всех коллег. И от себя, конечно. Ты поступила храбро. Но ты не пожалеешь. Это – интересная работа! Скучно не будет.

Она кивнула, чуть растянув губы – улыбаться было... Страшно. Да и вообще – решиться оказалось куда страшней, чем она себе вначале... Похоже, тут сыграли свою роль и воспоминания об икре... И сотни других обид и несправедливостей.

Которые она, как ни старалась, на самом-то деле – так и не простила!

Просто не смогла...

Она сглотнула, пытаясь взять себя в руки. Нет, он не должен увидеть, что *там* она была несчастна и одинока, поэтому и... Или – не поэтому?.. Она пока и сама толком не понимала себя!

– А что мне теперь нужно... делать?

– Ну – как что?! Учиться!

Брови её полезли вверх. Не то, чтобы она совсем этого не ждала, но...

– Да-да – тебе придётся *очень* многому научиться. Потому что, хоть спекулятивный фильм о Гарри Поттере и показывает школу магов и сам процесс, как череду захватывающих приключений и чудес, в реальной жизни настоящей Ведьмы этот, по сути, скучный этап, неизбежен: кропотливое обучение – залог долгой и плодотворной жизни. Опасностей и вра-

гов у нас и правда – много! Но вот насчёт приключений и чудес...

Да ты увидишь сама – первый год здесь почти ничем от обычной школы отличаться не будет! Разве что... Предметы другие. Будет, особенно вначале, немного сложнее. Но и интересней. Потому что особый упор мы делаем на практических занятиях!

– А... Где я буду учиться?

– Хм... Выбери сама. Где ты училась, когда ходила в школу?

– О-о... – протянула она разочарованно. – Значит, снова таскаться по сугробам и грязи за пять километров в Новую Антоновку...

– Вовсе нет. Здесь же всегда вечное лето! Конечно, если только сама не захочешь – ну, как захотела с икрой... А ещё – нетрудно перенести избу с классами хоть к вам в село – в соседний дом! – он чуть прищёлкнул пальцами, – Готово! А если захочешь – так и вовсе будешь встречать учителей просто... Дома. Они придут сами. – он вновь щёлкнул.

– С-спасибо! Это... Это – чудесно! А с кем... я буду учиться? С другими... Ведьмами?

– Ну, нет. Здесь как раз фильм о Поттере врёт. Причём – нагло. Было бы непозволительной глупостью сажать и учить вместе столь индивидуалистичные... И специфически организованные натуры, как у Ведьм.

Да и мешало бы такое соседство самому процессу обуче-

ния! Отвлекало.

Поэтому – в «классе» ты будешь одна! Списать будет не у кого, схалтурить – вообще невозможно. И поговорить на уроке не удастся ни с кем, кроме Педагога.

С тобой будут заниматься только индивидуально! Концентрированно, так сказать.

И вот ещё что...

Тебе понадобится новое Имя.

– Почему?!

– Правильней спросить – для чего. Это просто. Подлинное имя Ведьмы входит почти в каждое произносимое ею заклинание. И если это имя слабо, слабее становится и воздействие на... Ну, скажем так: на то, что является предметом заклинания.

Она нахмурилась, пытаясь осмыслить. Он пришёл на помощь:

– Извини. Я никак не научусь выражаться просто – пора бы уж отойти от защиты Диссертации. Так вот: в Имени должна обязательно иметься хотя бы одна буква «Р».

Именно она настраивает мозг должным образом! Но... Или ты не хочешь менять Имя? Пойми: я не имею права тебе ничего, никаких решений, *навязывать* – я, как уже упоминал, просто – Консультант. Так что могу – только предлагать варианты. И рассказывать о возможных последствиях...

– Понятно. Нет, я и правда хотела бы... – ей и самой не слишком нравилось то, как её, быть может, специально, на-

зывала мать, а затем – дразнила сестра... «Женя-блаженя!» И ещё был такой дурацкий мультик: «Про котёнка Ж-ж-женю и Правила Движ-ж-жения!» Вот уж когда Машка потешилась вволю... – А какое это должно быть Имя?

– Собственно, любое. Дать список? – в руке Администратора вдруг оказался пухлый том.

– Спасибо, нет. Я уже давно... – она хмыкнула, – Можно мне назваться Сэрой?

– Конечно. Отличное звуко сочетание. Легко произносить. Кстати, это – одно из древнейших утверждённых Имен. Оно очень сильное. Поздравляю. – он кивнул.

– Спасибо. А... Мне можно теперь так представляться?

– Разумеется. – он тоже чуть усмехнулся, словно сразу став приземлённей и ближе, – Это только у туземцев Океании табу на подлинное Имя. (Ну, первичные суеверия Нулевого и Первого Уровней – тема изучения во втором Семестре.) А для всех остальных оно – твоя визитная карточка. Показатель твоей силы и способностей.

Так что поздравляю ещё раз. – он протянул руку, и она осторожно вложила свою ладонь в его. Администратор воздел другую руку кверху, нахмурил брови, чуть напрягся. Выкрикнул нараспев странную фразу.

В его поднятую руку ударила настоящая молния! Он крикнул:

– Именую тебя: «Сэра»!

Она содрогнулась: электрический разряд пронзил тело от

кончиков волос до пяток!

Надо же! А мир-то вокруг... Словно стал гуще, весомей, осязатей. Словно до этого она смотрела на него, как на экране телевизора. А сейчас вдруг шагнула вовнутрь...

Как в три-Д.

Но – здесь ощущение того, что теперь вокруг всё реальное и прочно-материальное, не исчезало, как в кино после выключения аппаратуры...

Она словно... Ожила. А до этого – дремала. И видела странный сон.

Странный и непонятный сон, где она может помочь... Спасать свой... и другие... Миры.

А вдохновляет... Как в сказке!

– Ты – Поименована! Добро пожаловать в Авалон! – теперь на лице Администратора сияла радостная улыбка во весь рот, и ей показалось, что даже его напряжённые до этого плечи расслабились. Неужели он всё же в ней... Сомневался до последнего момента?

А она сама? Разве и правда – не сомневалась в себе?!

Бросить всё!

И – бросить всех! Забыть, и фактически отказаться от друзей и родных!.. Носиться по чужим, и, скорее всего, враждебным Мирам, и выполнять тяжёлую и заставляющую нервничать и страдать за судьбы других людей и, и... Существовать, работать?! Неужели она и правда, согласилась на *это*?!

Да, согласилась. И теперь она – Сэра. И – чёрт побери! –

это ей уже нравится!..

Она вздохнула. Расправила плечи:

– Мэтр Администратор. Спасибо. И вот ещё что... Может, это запрещённый вопрос, но... А можно узнать, сколько кандидаток в Ведьмы у вас здесь учится сейчас? Ну, наших, земных?

Лицо мужчины словно застыло. Но когда он разлепил рот, голос звучал спокойно. Но это спокойствие отдавало (Она почувствовала и это!) напряжённостью:

– Вопрос не запрещённый. У нас здесь можно спрашивать практически... Всё.

А кроме тебя сейчас здесь никого нет. Из «ваших». Да и из «остальных». Но не о них речь. А конкретно о тебе!

– Но?..

– Статистика, должен признать, ужасна. Из почти миллиона присланных Вербовщиками кандидаток, лишь сто двадцать три из *всего* вашего Мира смогли действительно *поверить*, и попасть сюда, в Авалон. Сквозь Первую проверку прошли девятнадцать. Вторую – пять. (Надо отметить – кто забрался так далеко, обычно умён, и знает, чего хочет!) Остаться работать захотело трое. И ты в том числе. И это – за те триста лет, что я...

Нахожусь здесь, на этой должности.

– А они... – она сглотнула, – Ну, те, что из «наших»... Я могу с ними встретиться?

– Боюсь, что нет. Они, к великому сожалению, давно по-

гибли.

Так что учиться тебе придётся, как я уже говорил... В «гордом» одиночестве.

Сэра направилась по дорожке к дому, где, насколько она запомнила, жила Маддалена.

Маддалена вышла на порог странного угловатого и стеклянно-деревянного сооружения, несколько дом не напоминавшего (вот уж точно – она – не из *людей*...). Она словно чувала, что к ней идут. А, может, и правда, чувала?..

– Здравствуйте, Маддалена!

– Здравствуй, Сэра!

– А... Откуда вы знаете, что меня теперь так зовут?

– Мэтр Администратор передал. Но спрашивай – я же вижу, у тебя есть вопросы.

– Да... Да. Я только хотела узнать, можно ли мне остаться жить и... заниматься в доме, который сделал для меня мэтр Администратор?

– Разумеется! Разумеется можно. А если тебе захочется что-то изменить в нём... или окружающих тебя бытовых условиях... Ну, например, кондиционер поставить, пристроить дополнительную комнату, или сделать водяное отопление – достаточно сказать мне. Или мэтру Администратору. Или, – Маддалена заговорчески подмигнула, – сама можешь отлично справиться! Понимаешь – *как*?

Да, она понимала. Теперь. Баночка икры...

– И вот ещё что... – Сэра закусила губу, – Как погибли те, кто был здесь до меня? Ну, женщины из нашего Мира.

– Я точно не знаю этого, поскольку произошло это до того, как я появилась здесь – то есть, не меньше, чем сто восемьдесят лет назад. Но ты можешь узнать – в Архиве.

– Понятно... Спасибо, Маддалена! Больше вопросов, кажется, у меня нет.

– Всегда к твоим услугам, Сэра! Да и просто так заходи! Поболтаем.

– С-спасибо, Маддалена. Обязательно!

Преподавательница по Зельям выглядела как сторбленная годами, но отнюдь не безобидная старушка. Пряталась в её глазах некая хитринка...

Густые, кустистые, сросшиеся на переносице брови почему-то заставляли вспомнить о Соловье-разбойнике: казалось, вот сейчас их обладательница сунет в рот два пальца, свистнет громким посвистом, и... С деревьев посыплются яблоки. Ну, или шишки.

При ходьбе женщина опиралась на клюку – самую обычную клюку, чёрную и потёртую до полированности вверху, где её охватывали вовсе не слабые узловатые пальцы. И то, что это оказался никакой не вычурно-навороченный волшебный посох, неизменный магический атрибут всяких там Гэндальфов, Гедов, да матушек Ветровоск, Сэру порадовало. А то как-то уж слишком было бы экзотично. И неправ-

доподобно.

Тёмная одежда скрывала ноги и руки, оставляя видимыми только хитро прищурившиеся изучающие её глаза на морщинистом лице, и кисти рук – цвета переспелого банана. Покрытые сухой и шершавой, усыпанной пигментными пятнами, словно отстающей кое-где от мышц, кожей – так, будто с ними эту кожу уже ничего не соединяло.

Однако когда учительница для примера продемонстрировала, как может работать Зелье испепеления, и берёза в саду, догорев, опала крохотными кучками золы, легкомысленное отношение к предмету у Сэры пропало. Она, быть может, специально не предупреждённая, вынуждена была с возгласами удивления, и не только, отпрыгнуть, и затем отбежать подальше, чтобы падающие трещащие факелы не задели «буйну головушку»!

Ну правильно – поделом ей. Нечего было с таким скепсисом подкатывать глаза и тяжело вздыхать...

И если так пойдёт и дальше, затылок придётся лечить: там уже здорово расчёсано... Всё верно: за эти сутки она столько всего... Необычного. Странного. Волшебного.

– Смотри внимательно, запоминай. Здесь всё нужно запоминать. Потому что заглядывать в справочники и конспекты, – колдунья хмыкнула, – может времени и не оказаться! Поэтому – никогда не суетись: ни усваивая материал, ни... работая. Вот.

Перед ней, прямо над поверхностью учебно-обеденного

стола, заменявшего в её «школе» парту, и по другую сторону которого сейчас на «гостевой» табуретке сидела женщина, возникло и стало медленно поворачиваться небольшое растение: с корешками, зелёным стеблем, и листьями странной формы. Ух ты!.. Хм-м... Запомнила.

– Это – Медуница лекарственная. Видишь – её трудно спутать с другими растениями. Поэтому мы и начинаем с таких, обладающих ярко выраженными индивидуальными чертами. – голос, негромкий и мягкий, очень чётко выговаривал слова – словно русский язык для учительницы являлся иностранным.

– Потому что растения – они как люди, львы, зебры... Каждый приспособлен к своим условиям жизни и работы наилучшим образом. Поэтому у каждого – свой неповторимый внешний вид. Да, спрашивай. – Сэра, несмело поднявшая руку, спросила:

– Простите, миссис Ренилла, а как это – работа? Разве растения – работают?

– Конечно. В первую очередь, работа любого растения, даже самого ленивого – оставить после себя потомство (Это, кстати, вообще всех *живых* организмов касается!). Для этого им нужно накопить сил для выращивания из своего тела семян. Ну, то есть – вытянуть из почвы микроэлементов и веществ, из которых они строят своё тело – калий, кальций, фтор, бром... да таких много. Ну, и, конечно – воду. Ведь без воды – ну, ты знаешь! – не может жить никто! – Сэра

согласно кивнула. Пока всё казалось логично и понятно.

– Далее, им, то есть – растениям, нужно с помощью всяких хитрых приспособлений усвоить углерод из воздуха и азот из почвы... Расслабься. Чтобы не углубляться в дебри явно «любимой» тобой химии, – Сэра скромно потупила глазки, – скажу только, что без солнечного света это невозможно. Да.

Тут мы и подходим ко второму обязательному пункту работы. Это – накапливание энергии солнца. Потому что даже когда растение вырастило и рассеяло семена, оно, если оно многолетнее, продолжает жить. И здесь есть очень важный для нас, ведьм, момент.

Если растение однолетнее, его энергия максимальна в момент созревания семян.

Именно в это время мы его части и собираем, и сушим, и настаиваем – если делаем спиртовую настойку. Собственно, примерно то же самое делали и делают все травники, да и современные аптекари-заготовители лекарственных растений! – Сэра снова покивала. Да, всё, вроде, так просто и понятно! Одна травница жила даже в Новой Антоновке! И когда у Жени случился страшный – ну, почти дизентерия! – прострел, именно настойка от бабы Моти спасла её от больницы, или... Чего похуже. Потому что ноги тогда...

Уже не носили. Даже – до «деревянного домика».

– Ну, а если растение совсем уж многолетнее, с жёсткой прочной древесиной, как, скажем, деревья, заготавливать его части лучше, когда оно готовится к зиме – если это не ли-

стья. Собственно, листья с деревьев мы используем редко. Дерево же сбрасывает их каждый год – то есть оно выделяет в них то, что ему не нужно, что отработало, и от чего нужно избавиться – совсем, как у нас, людей... э-э... Поняла? Точно! Оно самое!

Вот поэтому все зелья из жёлтых и красных листьев и предназначены для... ослабления. Усиления депрессии, тоски. Или даже – убийства. Правда, медленного. Это называется – наведение порчи. Потому что объект атаки чахнет медленно, и никто не может понять, почему это происходит... Ну, ты, наверное, уже догадалась – отыскать следы Зелья в человеке очень трудно, научной медицине – так и вообще невозможно. Потому что Зелья – это *не* яды! (Яды тебе, кстати, будет преподавать Леди Барбро.)

А сейчас хватит с тебя Медуницы, – всё это время Сэра трогала, приподнимала соцветия, и ощупывала стебель, покрытый жёсткими короткими волосками, и бархатистые, тоже жутко пушисто-волосатые листья, нюхала, гладила, – Вижу, запомнила.

– Да.

– Тогда перейдём к её основным свойствам. Во-первых, волоски. Растение многолетнее, значит, то, что в листьях – применяется как отхаркивающее. И мочегонное. Ну, то есть, раз волоски выглядят *вот так* – внутри них те элементы, которые позволяют человеку очистить организм от того, что ему мешает: мочи, слизи, мокроты. В сочетании же с корня-

ми окопника и плодами шиповника – наоборот. Лечит поносы. Вот так вот. – мисс Ренилла многозначительно посмотрела ей в глаза.

Странно. У одного растения – уже как минимум два разных действия! И это – явно не всё, на что способна Медуница!.. Любопытно.

– А если по-научному – в Медунице очень много Марганца. Это огненный металл. Он нужен не столько аптекарям и травникам, сколько нам, Ведьмам. Поэтому запоминай, как изготавливают Зелье для испепеления. Вот твой первый Урок! И, кстати, завтра покажешь изготовленное тобой Зелье в действии! – Сэра открыла было рот... Но снова его закрыла. Нужно будет – и изготовит!

Теперь, когда перед ней поставили конкретную Цель, пришлось подобраться, сесть ближе. И слушать внимательно – теория кончилась!

Сейчас она узнает, как приготовить первое в её жизни *Зелье...*

А ещё ей придётся приготовить его так, чтобы оно и работало!

Второй урок у неё состоялся только после обеда, потому что на точное запоминание и повторение за Преподавательницей всех действий с простыми, и не очень, ингредиентами (ну, например, сушёные хвосты мышей, и толчёные в ступке шарики из пыльцы сосны и мёда, простыми средствами уж

точно не назовёшь!) в маленькой лаборатории, устроенной прямо на раздвинувшемся и увеличившимся столе, ушло часа три!

Зато уж миссис Ренилла осталась довольна – даже погладила Сэру по руке, сказав, что «для первого раза – неплохо, неплохо...». Сэра пояснила – рассказала, почему она верит куда больше городских девчонок в целительную, а, следовательно, и прочую силу правильно приготовленных растений. Миссис Ренилла покивала:

– Травники отлично владеют приготовлением настоек, вытяжек и отваров. Это – второй Уровень. А Зелья – четвёртый. Про лечение тебе будет рассказывать... Хм. Ну, это будет только во втором семестре. Потому что именно *лечение* – куда сложнее, чем изготовление Зелий. Ведь нужно учитывать, *кого* лечишь. Его пол, возраст, темперамент, даже рост и цвет глаз!..

Да-да: вот такой странный парадокс! Настои и отвары – изготовить проще. А вот *лечение* ими живого организма – сложнее, чем применение Зелий. Которые на всё и всех действуют раз определённым, строго заданным образом! Ну, позже разберёшься!..

Второй Урок оказался посвящён наложению заклятий, и проводил его мужчина.

Звали его мэтр Маздок. Судя по произношению некоторых слов (в нос!) он был французом. Причём французом из

не то пятнадцатого, не то шестнадцатого века! Если не десятого... Хотя, если верить заявлению мэтра Администратора, что сейчас из её Мира тут никого нет, приходилось признать, что это он только *кажется* ей французом...

И то, что ему нужно учить столь опасному и вредоносному предмету молоденькую симпатичную девушку, похоже, смущало его куда больше, чем её. Подумав, она поработала над своим лицом. Ведь ей, наверное, не помешает сосредоточенно-умный взгляд, и пара-тройка морщин возле глаз? Придаст как бы солидности?

Мэтр, начавший было длинную вводную лекцию о древних друидах, этрусках и римлянах, взглянув ей в лицо, осёкся.

– Сэра. Я прошу вас вернуть ваше лицо в естественное, так сказать, состояние, и больше не пытаться старить его специально для меня. То, что вы – симпатичная девушка, несколько... Да – *несколько* меня, как вы ошибочно могли бы подумать – не смущает!

Хотя бы потому, что мы с вами представляем – разные *расы*.

Она послушалась, извинившись и нервно хихикнув. Мэтр пошевелил усами, почесал лоб... И тоже рассмеялся. Теперь между ними словно бы протянулась невидимая ниточка контакта, и близости характеров!

Дальше всё пошло куда спокойней, и Сэра на непривычные пассы и побряхтывания не отвлекалась.

Потому что увлѣкшись, мэтр Маздок объяснял очень живо, образно, и доступно:

– Ну вот, скажем, ваша знаменитая Екатерина Медичи! Считалось, что она действует с помощью ядов и наёмных убийц! Ан – нет! Почти половину своих жертв она погубила именно удачно наложенными Заклятьями, которые представляли их куда худшими мерзавцами, чем они являлись (А они – являлись! Без известной доли стервозности прожить тогда было ну никак нельзя! Кстати, сейчас тоже почти ничего в этом плане не изменилось...) в глазах окружающих. И их самих изменяли. То есть – вынуждали несчастных делать глупости, неизбежно ведущие к смерти! К повешению. К дуэли. К отрубанию головы. К пыткам – чтобы выявить сообщников!

А какие могут быть сообщники у того, кто и сам не знает, как, что и зачем он делал!.. Так что Заклятья не нуждаются в сложных, и иногда (Будем реалистами!) трудно доставаемых ингредиентах. Зато – нуждаются в отличной концентрации воли, и... да – звучит банально – но! Точного воспроизведения аудиовоздействия! Ну, Заклинания, одним словом!..

А вот уж для точного воспроизведения некоторых звуков, тресков и шумов, тебе понадобятся не только гортань и язык...

Блин. Если так пойдет и дальше, на её затылке точно – живого места не останется.

Проверку «в действии» её Зелье Испепеления прошло блестяще!

Огромный дуб, одиноко стоящий на одной из полян леса, полыхал так, что его отлично видно было бы и из соседнего села... Если бы оно здесь существовало! Сэра поспешила ввести мысленную коррекцию: на десять вёрст вокруг Школы – ни одного села!

– Хм-м... Неплохо, неплохо... Судя по чуть фиолетовым оттенкам, я бы сказала – чересчур много хвостов, а так... Работает. Ставлю зачёт.

– Простите, миссис Ренилла... – Сэру этот вопрос мучил аж с вечера, – Вот оно здесь, в Авалоне, работает... А будет ли работать *там*? В настоящих Мирах?

– Ага, молодец. Зришь в корень. Многие ученики сходу, увидев, как здорово полыхает, забывают, что здесь-то все условия, так сказать, приспособлены... И даже если Зелье приготовлено не совсем в верных пропорциях, может сработать лишь потому, что составитель *верит*, что всё сделал правильно... Умничка. Переодевайся!

– Э-э... Во что?

– В рабочую одежду. А-а, ты же ещё не... Хорошо. Смотри и запоминай!

Джинсы Сэры вдруг превратились в широкие кожаные штаны чёрного цвета, на ногах вместо удобных растоптанных кроссовок оказались чёрные же кожаные полусапожки с небольшим удобным каблучком, а сверху её «прикид» до-

полнила кофта, тоже из кожи, больше, правда, похожая на куртку.

Пышные и тщательно отмытые накануне с настоем ромашки волосы укрывались теперь под широкополой шляпой а ля «Стэтсон» – почти как у ковбоев!

– Это – наша рабочая одежда... Кожа предохраняет почти от... Ну, или во всяком случае, сильно ослабляет воздействие всякой враждебной гадости... Живая же!

В следующий раз сама сделаешь. – на самой миссис Ренилле кожаные штаны сидели мешком, нисколько, впрочем, не скрывая впечатляющего по размеру... Хм. Да и в шляпе этой она смотрится словно домохозяйка. А вовсе не «бабушка ковбоя».

– А сейчас бери остаток Зелья. Да. И иди сюда.

Сэра с полулитром, оставшимся в берестяном коробе, подошла. Миссис Ренилла взяла её руку своей сухонькой, но – словно стальной, там, под съёжившейся кожей, рукой:

– Повторяй со мной! Я – здесь, и не здесь! Я – везде и нигде! Я – в Лидии!

В окружающем их лесу почти ничего не изменилось. Сосны, ели, дубы...

Зато небо... Оказалось странного, светло-салатового цвета. Да и пахло здесь... Пардон, как в сортире! Принюхавшись, и осмотревшись внимательней, Сэра обнаружила, что запах идёт от растущих на лугах или полях, огромных, с её голову, жёлто-коричневых цветов, покрывавших почти

сплошным ковром опушку леса, и уходившую вдаль, почти до горизонта, холмистую равнину. Предназначенный в «жертву» дуб оказался вполне целым, а не лежал кучкой головешек и серо-чёрным пятном из золы, как тот, в Авалоне...

– Ну, давай-давай, действуй! – в голосе миссис Ренилы звучал неподдельный скепсис, хотя сама она на всякий случай как бы невзначай отодвинулась за пределы места, откуда могло опалить факелом вспыхнувшего костра.

Ага, отлично! Значит, сама-то училка, похоже, не сомневается...

Значит, не будет сомневаться и она!

– Я, Сэра, приказываю: дуб, стори! – она плеснула остатки Зелья на ствол и крону.

Зашипело, полыхнуло с внезапно возникшим гулом, лицо её опалило, и пламя поднялось выше кроны!

Да это – словно в каком-нибудь фильме-катастрофе, или ужастике: реально море огня! Боже! Не хотелось бы применять против... Существ.

Гос-с-споди, да ведь получается – здесь её Зелье действует даже сильнее, чем!..

Она поторопилась отбежать:

– Миссис Ренилла! Оно!..

– Да, я поняла. Потом! – миссис Ренила стояла к ней спиной, чуть присев, словно каратист в боевой стойке, угрожающе нацелив суковатую головку посоха в сторону подбира-

ющегося сейчас к ним, обходя по кругу, странного зверя.

– Ну-ка, быстро – заклинание, и – домой! В-смысле – в Авалон!

– А... Как же вы?

– Я – позже! Сейчас не смогу закрыть глаза и сосредоточиться... Сначала нужно разобраться с *этим!*

Это выглядело, если честно, ужасно и, и... Отвратительно!

Настоящий монстр из тех же фильмов ужасов! Длинные мускулистые передние лапы, и более короткие задние оканчивались чуть ли не трёхдюймовыми когтями. Пасть с белейшими острыми зубами, чуть меньшей, чем когти, длины, с которых сейчас капала омерзительная жёлтая слюна с пеной... Коричневая густая шерсть, явно толстая шкура.

Существо напоминало гиену – только чудовищно, раз в пять увеличенную!

Вот оно прыгнуло, и получив посохом со всего размаху по морде, чуть скривилось – словно не ждало сопротивления! Сэра не могла не заметить, что никаких следов от неслабого, а такого, какого не постыдился бы любой лесоруб, удара, на точно так же скалящейся морде не осталось. Чёрт!.. Похоже, миссис Ренилла в опасности!

Кровь отхлынула от лица Сэры, и руки сами собой сложились в кулачки!.. Хотя какие, на фиг, кулачки! Тут надо что-то... Большое! Смертоносное!

Но как же она может... Ведь она уже использовала своё

поджигающее... А оружия – ну никакого!

Впрочем, зачем *Ведьме* – оружие?!

Она сама – оружие! Но в данном случае, поскольку она ещё не знает ни обещанных Заклинаний, ни магических Знаков, всё же хотелось чего-то материального! Чего-то...

Убийственного!

Вспомнился, прежде всего, разумеется, «Хищник» со стариной Шварцем!

А затем – баночка с икрой, замазанная изнутри сероватой слизью.

Значит, она может и *здесь* сотворить всё, что...

Попробовать-то в любом случае стоит – вон, тварь теперь пытается зубами вырвать из рук училки посох! И пинки в морду возле глаз не останавливают, а только заставляют прикрыть глаза чем-то вроде стальных пластин!

Она сосредоточилась. Присела. Напрягла руки и тело.

Всё равно почти сорокакилограммовая тяжесть придавила так, что чуть не вжала в почву по лодыжки! Плевать! Целься, Сэра!

Она повела шестью стволами в нужном направлении, и нажала гашетку!

Ох! Блин! Чёрт! Отдача задрала стволы куда-то к небу, но она лишь на секунду убрала палец, рванула стволы книзу, и снова прицелилась.

Вовремя! Хотя в тварь она с первого раза и не попала, та инстинктивно повернулась на звук, а миссис Ренила, навер-

ное, так же инстинктивно, отскочила подальше!

Сэра поспешила сделать поправку на подпрыгивание стволов.

Теперь всё пошло как надо – монстровидная скотина оказалась буквально разрезана пополам шквалом пуль пятидесятого калибра, отлетев с треском и шумом в подлесок! Сэра даже «вот и лежи тут!» сказать не успела, как гиена издохла! Ф-фу...

Присев, и оперев дно патронной коробки на землю, Сэра вылезла из чего-то типа рюкзака, оказавшегося на плечах. Не иначе, полный боекомплект в жестяной ёмкости рассчитан на уничтожение целой Армии – весит сам по себе килограмм двадцать!..

– Ох. Ну и тяжеленная же дура! – она только сейчас заметила, что и голос, и коленки предательски дрожат. И – дрожат от души, – Миссис Ренилла, вы – как?..

– Отлично! Вижу, и ты – неплохо! Поработала, говорю, неплохо! – миссис Ренила носком сапога пнула морду с уже остекленевшими выпученными глазами с доброе яблоко, – В первый раз вижу, чтобы... *Девушка* решила воспользоваться Гатлингом!

– Ух ты... А я и не знала, что это чудовище так называется, – Сэра кивнула на пулемёт, оставшийся за спиной, потому что сама подошла помочь вдруг присевшей на одно колено старушке, – но... Работает эта штука ужасно! Самой страшно!..

Она помогла миссис Ренилле подняться, и отряхнуть колено:

– А что, эта тварь... Она – охотится на нас?..

– Я смотрю, у тебя мания величия... Шучу. – лицо миссис Рениллы исказила гримасса боли. – Нет, этот гаввар охотится не на нас. А – на всё. Что сможет поймать, или одолеть. А вообще, тварей ещё пострашней его, на Лидии немало. Поэтому здесь нет людей – не появились в силу, как сказал бы наш высокоученый мэтр Администратор, – эволюционных причин... И поэтому, кстати, мы и заявили сюда – потому, что никто не увидит! Дай-ка я всё-таки сяду – что-то спину прихватило!

– Простите, что лезу не вовремя, миссис Ренилла... Но – может, нам стоит побыстрее убраться отсюда – мало ли кто ещё!.. – Сэра, чуть задыхаясь, опасливо оглядывала ставшие вдруг такими пугающими дебри не то – тайги, не то – джунглей.

– Хм-м... Устами младенца... Не возражаю! Садись рядом!

Даже мягкость травки, пружинящей под этим местом, Сэру не успокаивала: внутри организма словно еще работал невидимый мотор, заставлявший тело сжиматься-разжиматься, а голову – настороженно вертеться во все стороны.

На этот раз синхронность у обеих оказалась на высоте – словно они всю жизнь пели дуэтом!

– Я здесь и не здесь! Я – везде и нигде! Я – в Авалоне!

И лишь оказавшись на скамье у колодца при «своём» доме, Сэра позволила себе мешком оплечь с неё на мягонькую травку, и потерять сознание.

Благо – сидела. Падать невысоко.

-... да, прошла отлично. Ты что! Видел бы ты, как она распилила мерзкую морду буквально пополам! Я и не знала, что в гавваре столько кровищи... – голос училки.

Она села. Администратор, оказавшийся к ней лицом, чуть повернулся:

– Здравствуй, Сэра! Ну, как ты себя чувствуешь?

Миссис Ренилла, стоявшая до этого спиной к ней, развернулась.

И никакая она оказалась не старушка, а высокая и статная женщина. Комплекцией она, скорее, напоминала певицу Лолиту. В *лучшие* годы. Зато лицо... Чёрт! Да она – настоящая красавица!

Сэра с кряхтением встала, схватившись за протянутую руку:

– Неплохо, спасибо... Так это была тоже... Проверка?

– Точно. Ты уж не обижайся, – показалось ей, или в тоне миссис Рениллы сквозит нечто вроде смущения?.. – Но Ведьма – это не обучение и навыки. Ведьма – это склад характера. Если Ведьма – не боец, не товарищ по оружию, то... Ну, ты догадалась!

– Н-не совсем...

– Переведут на административную работу. – с чуть смущённой улыбкой закончил мэтр Администратор, – Правда, ничего зазорного здесь нет. Просто – не будет «Полевой работы»! А лишь разработка новых Средств, Способов, Зелий, Заклинаний... Ну, и, конечно, ведение летописей, и работа в Архиве! Вот я – проверку боем не прошёл. Зато как учёный принёс – как мне скромно кажется! – куда больше пользы, чем если бы уничтожил лично пару десятков обнаглевших драконов, пяток крэшей, и несколько очередных претендентов на титул «Властелинов Мира»...

– А вы, миссис Ренилла...

– А я очень рада, что мне выпала честь обучать тебя! Нет, обучать-то я тебя всё равно продолжала бы... Но – всё так же в виде беспомощно-немошной старушки! А сейчас хватит победно улыбаться – пора продолжить урок! Ну-ка – в класс!

Только усевшись за стол Сэра смогла справиться со всё норовящим расплыться в ослепительной улыбке лицом, и опустить вниз кончики губ...

Сегодня мэтр Маздок кивнул лишь тогда, когда она без запинки и точно смогла повторить глупо и смешно звучащую и, естественно, от этого сложно произносимую, последнюю в списке, скороговорку.

Хищно ухмыльнувшись, он встал, и взял Сэру за руку.

– Ладно. Будем считать, что Заклятья первого Уровня зазубрены. Отправляемся в Юрольд.

Юрольд оказался покрыт почти непроходимым кустарником, и небо над головой тускло желтело не то закатными, не то – рассветными полутонами. Пахло... Мхом и гнилью. Кусты где-то вдалеке вдруг опасно затрещали – так, словно там передвигается большое стадо... Кого-то. Мэтр, дернув щекой, сердито буркнул:

– Чёрт. Опять Аревики нас унюхали. Ладно. Давай руку снова. Переберемся ближе к берегу.

– Я здесь и не здесь! Я везде и нигде! Я – в Юрольде!

Точно. Они оказались под тем же небом, свет вокруг всё ещё оставался пепельно-жёлтым, только теперь кусты окружали их лишь с трёх сторон. А впереди открывалась ширь серо-зелёного озера.

Но не оно привлекло в первую очередь взор Сэры, а странные руины, развалины, высившиеся от них буквально в десяти шагах. Похоже, здесь когда-то горделиво высилось нечто, напоминавший родовой Замок. Почти такой, как она видала в документальных фильмах про Шотландию.

– Я хотел сделать тебе сюрприз. Чтобы мы вышли по тропинке прямо отсюда, – мэтр повел рукой в сторону проема в кустах, – И ты поняла, что люди здесь всё же жили...

– Мэтр Маздок. Простите за вопрос не по теме: а что с людьми? Они... Больше здесь не живут?

– Верно. Их всех сожрали Аревики.

– Аревики?

– Да. Искусственно выведенные местными «умельца-

ми-генетиками» монстры. Помесь варана и тираннозавра. Быстрые и умные. Кусты для них – рай! Потому что они могут унюхать и догнать тех тварей, что мельче, и медленней их. И расправиться. Сожрать.

И – убежать от тех, кто крупней их. И спрятаться...

Люди никуда не бегали. А когда стали бегать, оказалось уже поздно.

Но – довольно об истории. Если захочешь узнать, как и почему здесь все случилось – зайдешь в Архив. В отдел, где занимаются планетами «Добра». Или ты еще не в курсе?..

– В курсе. Мэтр Администратор рассказал, что они не препятствуют...

– Точно. Вот мы теперь и используем обезлюдившую планету. Как полигон.

Тебе предстоит проверить твоё... Хм... Произношение. Обычно в полевых условиях у Агентов оно куда как хромает. От волнения. От другого состава воздуха. От сырости. Да мало ли... Короче: даю вводную!

Видишь руины? Сделай их невидимыми людям!

Сэра успела остановить руку на полпути к затылку. Сделай невидимыми?

Ну да, они же как раз это и проходили. Как замаскировать что-либо искусственно построенное. Так, чтобы и оно осталось на месте, и взгляд любого человека, оказавшегося поблизости, не обнаруживал ничего, кроме пустынного берега и чёртовых кустов...

Сейчас. Нужно только сосредоточиться. Вспомнить слова, ответственные за конкретные материалы. И выговорить так, как на занятиях.

– Я, Сэра приказываю: аарто-мортум, буриндос-пару-пумэ. – она запнулась было. – Э-э... Журинтиль!

Руины и правда – исчезли.

Но – не полностью!

У этих паршивцев остались видны полусгнившие деревянные балки перекрытий: чёрные толстенные стволы. Весьма странно – если не сказать больше! – было видеть, как несколько десятков черных бревен висят в воздухе, ни на что, казалось, не опираясь.

– Плохо, – констатировал мэтр Маздок, словно она и сама не догадалась, что «плохо», – камень и известковый раствор учла. А что там нужно сказать для *дерева*?

– Э-э... Упутэ!

Стволы исчезли, зато осталось что-то... Блин – это гнилая труха! И тоже, зараза такая, висит...

– «Упутэ» – это для живых деревьев. А для полусгнивших?

– Э-э... Упутуртэ-э!

Гниль и труха пропали.

– Уже лучше. – в голосе мэтра прозвучало уважение, – Молодец. Запомнила тонкую разницу между «упутурэ» и «упутурэ-э». А то – сейчас убирала бы и белесую плесень, живущую на...

Ладно, молодец. Ставлю зачет. Но – с минусом! Вон: взгляни повнимательней!

Она пригляделась.

Точно! Вот паршивцы! Ползают! Вид перебирающих лапками как бы по воздуху жуков и мокриц немного... Шокировал. И вызывал брезгливость.

– А что делать, мэтр Маздок?! – она четко помнила, что живность они ещё не осваивали.

– Что делать, что делать... Осваивать Заклятия Второго и Третьего Уровней. Потому что первый, самый простой – неживые предметы. Камни, спиленные и умершие бревна, вода... Второй – растения еще живые. Они живы – поэтому будут оказывать... *Как бы* – сопротивление. И нужно будет не подавлять их, а подстраиваться. Научу-научу! – он поторопился кивнуть на ее вопросительный взор, – И, конечно, высший пилотаж: животные. И люди. С людьми сложнее всего. Они обладают логическим мышлением. И нужно, чтоб они не поняли, что их характер, нрав, привычки, внешность – подправлены. Кем-то.

Ну, ладно – это мы что-то уже забегаем вперед паровоза. Вначале – растения!

А сейчас, будь добра, верни руины на место. – он подмигнул, – А то что мы будем «проходить» с очередным курсантом?

Хуже всего оказалось знакомство с предметом Истории

боевой Магии.

Преподаватель его, мэтр, как он представился, Дониёр, больше всего напоминал зануду-химика из того, домашнего, Универса: мелкие черты аккуратно выбритого блестящего лица, гнусоватый голос, пегие кустики словно свалявшихся и пыльных волос, хаотично разбросанные по черепу... Не иначе, как переборщил с какими-то реактивами, брызги которых попали на этот самый череп.

Он и преподавал в той же манере, что и химик: монотонно бубнил, словно заученный наизусть, материал. Может, тоже «архивная крыса», защитившая Диссертацию на обширном материале, собранном другими?.. И знающая только свой, узкий, предмет?

Вполуха слушая что-то про древних халдеев и предков месопотамцев, она изнывала: только бы не уронить отяжелевшую голову на парту!

Вдруг ей пришла странная мысль. Скосив глаза, она чуть развернула голову в сторону от учителя. Прикусила кончик языка. Четко прочла про себя контр-заклинание. Этот способ подсказал только вчера мэтр Маздок: маг должен уметь распознать наведенные кем-то другим чары!..

Чёрт, да что же это за ...! Она прищурилась.

После чего вскочила и молнией вылетела в дверь! (Благо, ту теперь не заедало!)

Вместо занудного ботаника напротив неё сидел, вольготно развалиясь, и едва помещая массивный чешуйчатый зад в

простенке между стеной и печью, огромный дракон!..

Или это – не дракон? Но, во всяком случае, его метровая пасть, усеянная жёлто-зелёными штырями зубов, уже почти сомкнулась на её голове!..

Против такого даже «гатлинг» вряд ли поможет!!!

Однако ничего путного придумать и «воплотить» не удалось: в проём высунулась мерзкая, и ехидно ухмыляющаяся морда, вполне, впрочем вежливо спросившая:

– Ну что, проснулась? Продолжить сможешь?.. Или всё ещё скучно?

– Я... Вы... Мэтр Дониёр! – она задохнулась от обуревавших её чувств, – Как вам не стыдно так пугать слабую беззащитную девушку! – она почувствовала, что краснеет, и губки сами складываются в обиженную «куриную гузочку», как называла эту гримаску мать...

– Это кто тут слабая девушка?! – она стыдливо потупилась, прикусив губу, чтоб не прыснуть – верно, после случая с гавваром... – Ага, мне тоже смешно.

Раз пулемёт на себе удержала, да ещё и воспользоваться как надо смогла – уже не слабая. И не беззащитная. А если без шуток – мне остаться так? Или... Предпочтёшь образ занудного ботаника?

Сэра смутилась ещё больше. Потом покачала головой. Потом улыбка осветила и её лицо. И вот они с драконом уже ржут так, что из кроны огромного вяза вылетела с возмущёнными криками стая ворон...

– Знаете что, мэтр Дониёр... Давайте обратно ботаника. А то вам вот так, – она развела руки, словно обнимая бочкообразное туловище, видневшееся в дверном проёме, – трудновато помещаться... В комнате. А здесь, снаружи – не совсем удобно мне.

– Ага. Хорошо. Договорились. – он преобразился обратно в человека.

От того, что только что было открыто взору Сэры, остались лишь хитрующие огоньки в глазах, да желтовато-зелёные острые зубы, иногда сверкающие сквозь губы во время лекции...

– А когда ты догадалась, что Лидия у нас тоже вместо Полигона? – миссис Ренилла грациозно вышагивала по пружинящей подстилке из опавшей хвои и ещё не сгнивших листьев. У Сэры, как она ни старалась, столь чудесной походки не получалось, и она чувствовала себя пенсионеркой-грибницей, вышедшей на долгий и кропотливый сбор даров летнего леса...

– Ну... если честно – только после урока мэтра Дониёра. Уж больно он меня напугал! Я тогда подумала, чем бы мне его... А потом подумала, что случись мне встретить такого... Или гаввара, там, дома, мне пулемёт вообразить вряд ли...

А что – не удалось бы?

– Почти. Законы реальных Миров позволяют, конечно, тренированным Магам и Ведьмам высших Уровней вопло-

щать, материализовывать мысли в предметы, или явления... Правда, как любил говаривать хан Шахрияр, приказывая отрубить голову очередной претендентке на звание законной супруги, за всё приходится платить...

Там, у тебя дома, процесс материализации отнимет слишком много – непозволительно много! – сил! (Как пример могу привести такой факт: чтобы забить гвоздь молотком, принесённым с собой, уйдёт в сто тридцать шесть раз меньше энергии, чем если этот молоток вообразить себе там, на месте! Это, кстати, мэтр Администратор рассчитал!)

Всё дело – в сопричастности к реальности... В ощущениях *подсознания*.

Ты же всё равно свой мир ощущаешь как обычный. Привычный. Подчиняющийся раз и навсегда определённым физическим *Законам*! Поэтому никогда так, как в других, даже материальных, Мирах, не расслабишься, сознавая свои силы. А Маг должен работать расслабленно. С удовольствием! Будучи железобетонно уверен! А у себя ты рефлекторно так не сможешь – «Дом» же! Придётся вместо расслабления – концентрировать волю!

И ещё кое-что. Маг, слишком часто использующий магию у себя дома, перенапрягается. Очень быстро стареет. Устаёт, сердится – на себя же, возмущаясь, что подсознание ему... Вот именно. И если он из принципа будет продолжать в том же духе, и не остановится... Или вовремя не переедет в другой Мир – просто... Умрёт.

Как обычный старик: от дряхлости.

– Так, получается, все эти Наговоры, Зелья и Заклинания...

– Совершенно верно. Просто наши *Орудия*, помогающие... Выполнить необходимое. Поэкономней расходуя главное, что у нас, магов, есть – Жизненную энергию.

И – пожить подольше. Сохраняя физическое здоровье и бодрость Духа.

Поэтому, когда мы собираемся что-то сделать, подготовка занимает куда больше времени, чем само дело! Иногда – недели и месяцы!

– А эти... Орудия... Они работают, значит, и в реальных Мирах?

– Да, конечно, я ж тебе всё это только что... Маг, ну, вернее, маг, работающий «в поле», должен быть готов почти к любому случаю – мало ли... Поэтому обычно мы и таскаем с собой суму. – миссис Ренилла похлопала себя по перекинутому через плечо вместительному баулу, – Тут обычно столько всего, что главное – не запутаться!

Поэтому мы, полевые маги – Ведьмы и Ведьмаки – чтоб не терять времени на чтение этикеток, (Знаешь, как ни банально звучит, но – иногда от быстроты действительно зависит жизнь!) и разливаем всё в *разные* по форме бутылочки: квадратные, трёхгранные, круглые, пузатые... Да и цвет: зелёный, синий, серебристый... Ну и так далее!

– А разве мы... не могли бы таскать всё это – уменьшив?

Ну, так, как мне показывал мэтр Маздок?

– Верно, конечно... Можно и уменьшить. Но!

Тогда время и силы будут уходить на увеличение – как всякое физическое явление, любое *преобразование* имеет допустимую максимальную скорость, и отнимают энергию.

Если по-научному – объяснять долго. Ладно, я по-простому. Ну, представь сама, что мириады атомов, до этого снующие в воздухе, должны вернуться на своё место, и придать твоей сумке естественный размер! Вот уж тогда они начнут сталкиваться друг с другом! Всё раскалится! Если делать такое слишком быстро – просто произойдёт взрыв! От перегрева воздуха. Ну, помнишь же, наверное, из школьного курса – хоть что-то по термодинамике?

Сэра даже приостановилась, чуть раскрыв от неожиданности рот.

Вот, оказывается, оно как!..

Даже Волшебство подчиняется Законам физического Мира!!!

А она-то...

Чёрт! Нужно было не сачковать и не пялиться в окно, и не рисовать принцесс на обложках и полях учебников на «скучных и заумных» уроках физики и химии!

Но может... Можно всё это исправить? А то уж больно...

Стыдно.

– Миссис Ренилла... А вот можно как-то повторно пройти...

– Курс школьных предметов? Конечно, можно! Кстати, многие, осознав свою... Хм-м... Скажем так – *забывчивость* – с этого и начинают. Параллельно обычным нашим занятиям. Так сказать, факультативно! Но – об этом – позже. Мы пришли.

Река оказалась не слишком большой – всего-то шагов пятьдесят в ширину. И глубина... не поражала. Сквозь почти прозрачные медленно текущие воды свободно видно дно – в самом глубоком месте вряд ли глубже, чем ей по плечи. Вот уж не половишь тут рыбы – автоматически отметила она.

– Да, рыба тут не водится! – учительница плотоядно потёрла руки. – Это стоило бы дороже самой рыбе... Потому что мы здесь испытываем иногда *такое*... Ну вот как сейчас, например! Давай!

Сэра сняла с плеча нудно бившую её по бедру всю дорогу суму, и откинула клапан. Ага. Вот *оно*. И, действительно, благодаря тому, что оно в берестяном туясе, да ещё и лежит сверху, искать не пришлось.

– Я, Сэра, приказываю тебе, вода реки! Стань вином! – она плеснула что было сил в сторону воды вязкой патокой, содержащейся в ёмкости. Рывок оказался настолько силён, что туяс выскользнул из вспотевших ладоней, и тоже плюхнулся в воду, шагах в пяти от пологого берега, на котором они стояли.

– Проклятье! Отбегай, отбегай! – в голосе миссис Рениллы сквозил если не ужас, то... очень сильное опасение!

Сэра поспешила послушаться, пытаясь понять, что же может случиться!..

Да уж случилось!

Вода в месте падения берестяного короба пошла кругами, затем словно бы остановившимися, и двинувшимися вспять... И вставшими бугром! Под поверхностью что-то задвигалось, задрожало – рябью покрылась вся видимая часть реки... А затем!..

На середине ставшей вдруг кроваво-красной и непрозрачной поверхности возник водяной волдырь, внезапно лопнувший, словно кровавый гнойник! Ну и рожа!

Впрочем, *рожей* это, пожалуй, не назовёшь – уж слишком непривычно выглядит!

Голова, появившаяся из воды, по форме напоминала сердце – во всяком случае две дуги явственно нависали над гигантскими глазами... Зато рот оказался почти во всю ширину «сердца» – шага три! – и, для разнообразия, там не оказалось зубов. Но похоже, что костные пластины, напоминавшие китовый ус, явно позволили бы такой животине неплохо питаться планктоном. Окажись таковой в реке.

– Придётся испарять воду. – будничным, слегка усталым голосом сказала миссис Ренилла, – давай-ка, займись потоком слева – оттекающим...

Сэра, понимая, что сделала что-то не то, быстро и по возможности методично занялась уходящей вниз по течению водой – слова она помнила отлично.

Вот вода остановилась. Вот – начала как бы таять. Вот – обнажается... Уже обнажилось дно, и стала видна странная длиннющая тварюга, пытающаяся уползти, извиваясь, словно омерзительный червяк, вверх по течению, туда, откуда, несмотря на все старания учительницы, продолжала понемногу поступать текущая вода.

Нужно помочь. Но – как? Если она опустит руки, и перестанет тянуть ноту «Ре», вынуждающую воду быть в виде пара, тварь точно так же легко скроется вниз по течению вернувшихся в русло вод! Нет, нужно работать мыслью! И – глазами! Это же – Лидия!

Здесь можно всё!

Мысленно она приказала корягам и корням повывлезать из мокрого топкого дна.

Теперь – к червяку, двигавшемуся, к счастью, на мелководьи не так быстро, как в глубокой воде...

Вот так. Вот так. И вот так! Туловище зафиксировано. Почти.

Да чтоб тебя!..

Монстр-то... Сильнее, чем казался. Он легко разорвал все её пути!

Пришлось поднять в воздух огромный замшелый валун, наполовину вросший в берег у потока, и со всего размаху (Из зенита, от солнца – чтобы нельзя было увернуться, увидев!) треснуть им по сердцевидной башке!

Теперь тварь, хоть и извивалась в десять раз сильнее и

отчаянней, уже никуда не ползла, и миссис Ренилла смогла, наконец, отогнать воду вверх, так, что обнажилось всё дно вокруг монстра.

Пока Сэра всё тянула своё «Ре», тело сердитого червяка оказалось подтащено к берегу причмокиваниями и чуть заметными шевелениями пальчиков, украшенных перстнями, а затем и извлечено на траву и частично обездвижено.

Мисс Ренилла развернулась, отойдя чуть назад:

– Хватит петь! Жги его!

Подумав о документальных фильмах второй Мировой, и зверствах американцев против японцев на островах Тихого океана, Сэра обзавелась ранцем с напалмом за спиной, и ружьём-огнемётом в руках.

Спалить дотла жутко вонявшую и никак не желавшую сдыхать скотину удалось лишь минут через пять. Миссис Ренилла помогала зажигательными бомбами. Кажется, фосфорными. Но действовали они отлично, сразу проплавляя в туловище монстра гигантские сквозные дыры – до самой травы. Более омерзительного зрелища Сэра ещё не видала, и с трудом сдерживала позывы к рвоте, но приходилось терпеть и работать – сама виновата!

Когда они закончили, вместо идиллического зелёного берега остался словно лунный пейзаж – с кратерами в оказавшемся под травкой песке, и чёрно-серой дымящейся поверхностью, покрытой не то сажей, не то – золой.

– Молодец, что не растерялась. Но всё равно – за сего-

дняшнее занятие – три. Потому что не удержала. Теперь, надеюсь, понятно, что делать нужно только то, что нужно делать?

Сэра покивала, сплёвывая мерзкий привкус горелой рыбы, осевший на губах:

– Да, миссис Ренилла. Простите.

Миссис Ренилла криво ухмыльнулась через силу:

– Да ладно уж. Лучше так, чем если бы уронили медный, как одно время использовали, котелок. Тогда нам... Ох.

Сэра не могла не отметить, что колени учительницы выбивали чечётку даже побольше, чем у неё. Вот уж... Наглядный пример того, что можно натворить сдуру!

– И что... Мы поэтому все Зелья делаем и держим в берестяных коробках?

– И поэтому в том числе. А ещё – кора тоже живая, как и кожа костюмов. И обычно ещё усиливает действие... Но – тоже *хочет жить*. И уж если такая кора попадает в *воду*... Сама видела.

– Видела... – Сэра виновато вздохнула. Но не могла удержаться, – Блин. Вино-то так и не попробовали. А я его очень люблю... Я загадывала кагор!

Мисс Ренилла похлопала глазами. Подкатила их горе. Потом поняла – рассмеялась вместе с Сэрой. Хотя, если честно, некоторые всхлипы их смеха Сэре и самой напоминали лёгкую истерику...

Сегодня мэтр Дониёр сходу огорошил её:

– Одевай походную форму! Вот, примерно такую, как моя! Посетим Шадиззар.

Сам мэтр оказался в буро-серых мешковатых шароварах, белой рубашке, бархатной зеленой безрукавке, и сапогах до колена. Ещё и прикрывая всё это сверху выгоревшими до грязной желтизны плащом и... чалмой.

А лицо-то у него... Особенно без дурацких очков... Настоящий китаец!

Ну и она постаралась не сильно отличаться. Даже усы вообразила: уж если быть мужчиной, так обаятельным!

– Так... – после придирчивого осмотра он чуть кивнул, – Теперь – два кинжала. Один – за пояс, другой – в голенище сапога. Угу. И ещё – саблю. М-гм. Возьми и кастет – спрячь за пазухой. Теперь – дубинку побольше... Нет, не такую! – она чуть растерявшись, опустила вниз сучковатую, словно из «Морозко» ухватистую дрыну, – Я хочу сказать – посох, как у меня. С толстым набалдашником. – она преобразовала палку.

А миссис Ренилла-то права – на это уходит время...

– Хорошо. Ладно, будем считать, что готова. И помни – если что – бей первой!

Такая экипировка и предупреждение, конечно, вселяли оптимизм. И радость... От предстоящей «прогулки».

Настороженная до дрожи, она взялась за предложенную руку, и повторила вместе с учителем:

– Я – здесь и не здесь! Я – везде и нигде! Я – в Шадиззаре!

Возможно, появление закутанных в плащи незнакомцев и удивило бы кого-то из обитателей этого самого Шадиззара... Если бы они при этом появлении присутствовали.

Однако мэтр Дониёр, похоже, хорошо знал, чего хочет – дорога, на которой они оказались, оказалась совершенно пуста. Впрочем, дорогой её можно было назвать только с большой натяжкой: две разбитые колёсами телег, заполненные на ладонь мягкой и почти невесомой пылью, колеи, начинались за одним холмом, и заканчивались за другим.

А так – вокруг чуть шумела пожелтевшей стерней иссохшей травы и трепетала колючими ветвями шаровидного кустарника, под дуновениями обжигающего и пахнущего тоже пылью, ветра, типичная степь. Таковую она однажды видела в Казахстане, когда ездила к дяде Хансу – поволжскому немцу, родитель которого в своё время так и не захотел вернуться на «родные» земли, даже когда Германия снова объединилась...

– Идём! Нам – сюда. Одноимённый город находится вот за этим холмом. – они неторопливо двинулись. Но не по дороге, а по обочине, выбивая пыль сапогами из низкорослой травы, совершенно бесцветной не то от пыли, не то от жаркого солнца, не то от отсутствия дождей.

Минуты через две неторопливой прогулки Сэра решила спросить:

– Мэтр Дониёр! А что мы будем делать в Шадиззаре?

– В первую очередь – смотреть. Этот мир настолько хорошо выдуман (Вернее – правдоподобно и детально описан!) Робертом Говардом, и потом его столько раз дополняли и усовершенствовали, что он стал *почти* реален. (Ну а поскольку ВСЕ Миры, которые описаны, на самом-то деле – вполне реальны, и писатели, которые смогли их *увидеть* всего лишь смогли перенестись в них, кто – во сне, а кто – и в «творческом трансе», здесь вполне можно жить. И работать.) Так что попасть сюда – проще простого! Зато вот отличить иногда настоящий от... Хм!..

Но сейчас мы – именно в «описанном». Он немного... Экзотичней. И реальной.

Не хмыкай – так случается, когда люди много работают над созданием чего-либо. Например, пока учёные не подумали над луком, превратив его в надёжнейшую систему из ста с лишним деталей из пластика и алюминия, ещё и с блочной системой, он был простой палкой с тетивой из сухожилий... Преимущества научного подхода понятны? – она кивнула, хотя блочный лук видала лишь мельком. И то – в телевизоре... А уж про характеристики... Но догадаться можно. Иначе мэтр Дониёр не упомянул бы.

– Так что я покажу тебе жизнь настоящего Восточного города, и, если повезёт, ты даже посмотришь на знаменитого Конана-варвара.

– А кто это?

Взгляд, брошенный на неё учителем, ничего хорошего не

сулил.

Облажалась она с этим Конаном. Вот, только сейчас вспомнила, что есть даже такое кино, сказка – там играл, кажется, тот же артист, что и в «Хищнике»! Шварценеггер... Точно! Мускулистый загорелый верзила с мечом! Тупой, но хороший! Вспомнила-таки!

– Ага. Чую – вспомнила. А книг про него, что же – совсем не читала?

– Н-нет... Не привелось. – Она почувствовала, как плечи опустились вместе с настроением. А много, оказывается, она пропускала мимо, даже не задумываясь о том, как это может расширить её кругозор, и помочь наглядными примерами...

И напрасно она, похоже, считала, что лучше всего помогают в жизни передачи типа «Давай поженимся», «Пусть говорят», «Прямой эфир» и тому подобные скандальные шоу... Ведь там – показывают специально отобранные, эксклюзивные, так сказать, скандально-сенсационные сюжеты. И людей словно нарочно подбирают: дебил на дебиле сидит, и наглým тупым дебилоидом погоняет, при этом громко матерясь!..

Но читать... Что ей могло довестись читать, если дома у них всех книг было – штук двадцать? Да и то: половина – старые материнские учебники, а из остальных две: «История ВКПБ», написанная лично Сталиным, и какой-то том из полного собрания сочинений товарища Ленина... А в школьной библиотеке на полках лежали только журналы: «Огонёк» и «Крестьянка». Ну и всё те же учебники...

– Понятненко... Ладно, как вернёмся – я тебе дам пару книг. Оознакомишься, увидишь, что тут и как. И что можно сделать талантливому писателю... В смысле выдумывания оригинального Мира. Имея в багаже только огромное желание и дикое воображение... То, что многое здесь вовсе не так, как реально было на Востоке, скажем, пару тысяч лет назад, никакого значения в данном случае... – он вдруг замолчал.

– Мэтр Дониёр!!! Вы жили на Востоке *две тысячи лет назад*?!
назад?!

– Да. Но это неважно. Любой маг практически бессмертен. Если, конечно, не орудует слишком уж ретиво у себя дома – Магией... Ладно, мы отвлеклись: вот он, смотри!

С верхушки холма открылся вид на город. Тьфу ты...

Она испытала разочарование.

Обнесённые невысокой – не больше чем в два человеческих роста – глинобитной и уже оплывшей местами, похоже, от дождей, стеной, несколько сотен одноэтажных лачуг-мазанок с крышами из глины. На которых тоже, как на обочине, росла (Вернее – осталась!) высохшая изжелта-белая трава. Кривые и жутко узкие улочки. Верблюды и ишаки с ведущими их людьми на этих улочках – именно так, поскольку животных было куда больше, чем людей, и разъехаться арбам-телегам наверняка трудно в такой тесноте...

Нигде – ни деревца, ни водоёма.

В центре – похоже, большая площадь, занятая базаром.

Чуть поодаль – нечто вроде скального плато, блестящего чёрно-серой породой... На нём – Дворец. Не то – султана, не то – шаха.

Дворец, конечно, выглядел посолидней: мощные стены высотой в четыре роста, явно толстые, отделанные голубыми изразцовыми плитками. Купола трёхэтажных зданий. Тенистый сад, почти не видимый за пиками сторожевых башен, и стражниками, несущими вахту на стенах... Уж на этот сад-то, наверное, воды не жалеют! Вот только откуда берут?

– Мэтр Дониёр! А как же они здесь живут? Настоящая духовка! Да ещё и без рек или озёр рядом... Почему город не построили где-нибудь... Возле воды?

– Воду проще подводить прокопанным рабами каналом... Как они, кстати, и делают. А в горах, откуда идёт этот канал, строить город было бы несподручно: мало ровных площадок. Люди же – не муравьи, им лень долбить скалы. А здесь самого универсального материала для примитивных построек – море. Я про глину. Если намесить ее со стернёй травы – вот и получится самый знаменитый стройматериал древности – саман. Из него, кстати, и строили легендарную Вавилонскую башню. Ну, или её прообраз. Поняла? – она кивнула.

– Ладно, идём. – они двинулись к массивным и приземистым воротам, сейчас распахнутым настежь, но на ночь, похоже, запиравшимся на засов из огромного, в её ногу, деревянного бруса.

Ворота охранялись. Ну, или типа того. Потому что па-

ра фраз, сказанных мэтром на ухо сердито зыркавшего чёрными глазками из-под выгоревших тоненьких бровей явно начальника караула, и почти незаметное движение руки с мгновенно исчезнувшими медными монетами, позволили вполне благополучно войти... Восточный менталитет! Она слышала, что там, в азиатских «бывших» республиках, ситуация с мздоимством практически не изменилась «за две тысячи лет»! А может, и за пять...

– Ты, наверное, думаешь, что неси мы хоть гранатомёт, или такой, как был у тебя, «гатлинг», пронесли бы сейчас без проблем? – мэтр иронично заломил одну бровь.

Они шли по кривой узкой улочке со слоем пушистой тонкой почти до лодыжек, и Сэра всё старалась избежать наступать в кучи того, что оставили попадавшие теперь на каждом шагу запряжёнными ишаками арбы с двухметровыми колёсами, верблюды, и редкие лошади с воинами султана.

– Ну... да! – она действительно так считала. А чётко мэтр прочёл то, что выразила её ироничная ухмылка... Вот бы и ей научиться так читать по лицам!

– А напрасно. Начальник стражи – ушлый парень. («Парню» казалось на вид не меньше сорока пяти!) Если бы у нас имелось нечто громоздкое... Или арба... Уж не сомневайся! Проверили бы досконально! И то, что выглядело бы – даже просто подозрительно, конфисковали! Да, вот так буднично и просто – конфисковали. А если бы мы стали выступать и возмущаться – отправились бы в зиндан. Зиндан – знаешь

что такое?

Она удручённо покачала головой. Мэтр даже не поморщился её очередному падению самооценки. Просто просветил:

– Огромная яма в земле, в форме бутылки. В три-четыре твоих роста. С узким горлышком. Куда бросают провинившихся – ну, там, кто налоги вовремя не платит, чего-то лишнего говорит, или – не дай Аллах! – заговор против султанши готовит. А таких немало. Ну, в смысле, обвиняются в этом все, кто неугоден её Величеству...

– Извиняюсь, мэтр Дониёр... А как же преступники?!

– А-а, вот ты о чём... Нет. Их-то в зиндан не бросают. Здесь. Бессмысленно. Кормить же надо! А собственно, преступников как таковых здесь чертовски мало. (Хотя книги «главного создателя» и утверждают, что тот же Конан – *очень* удачливый вор!)

За первую кражу – отрубают правую руку. На базарной площади, публично. За вторую – вторую. А совсем уж убийц, насильников и бандитов – сажают на кол. В назидание, так сказать... Знаешь – неплохо действует!.. Но в наши, продвинуто-сознательные, и, так сказать, «гуманные», условия это Законодательство переносить поздновато.

– А что же – мошенники?

– Мошенники все просто идут на работу в Администрацию султанши. – и, увидев её вскинувшиеся брови, – Шучу. Их просто кидают в ямы к тиграм или львам – смотря кого из

этих благородных зверушек поймают... или купят... – мэтр замолкал, когда мимо проходили люди, – Штатные охотники! Им тоже, знаешь, шкуркой рисковать не слишком-то...

Навстречу попадалось всё больше арб, и замотанных с головы до ног во всё коричневое или жёлтое женских фигур с блестящими из-под полупрозрачных кисейных полос щёлочками любопытных глаз.

– Ну вот – Базар. Смотри внимательно, не отходи далеко.

Она, чуть приотстав, шла за мэтром Дониёром в полушаге. А сам он, казалось, отлично знал, куда идти. Они пересекли залитое солнцем пустое (вернее – не застроенное) пространство с лотками, палатками и просто арбами с товаром, где толкалась, гудела, и перетекала с вялым интересом торгующаяся, или придирчиво перебирающая товар, пока безликая для неё, толпа, и двинулись словно бы в угол Базара, где обосновались медянщики и кузнецы. Шум от их молотков и молотов стоял оглушительный.

Вскоре они оказались в тесной и тёмной лавочке, где по всем стенам и потолку висели пучки сушёных и свежих трав, наполняющих небольшое пространство весьма острыми, и не слишком, с непривычки, приятными, запахами. Тут оказались и традиционно знакомые пряности – вроде кинзы, зры и гвоздики – и непривычные, словно дурманящие, ароматы. Духи? Благовония?.. Но она подумала, что те, кто бальзамировал тела фараонов для их вечной жизни, наверняка всю жизнь нюхали как раз что-то именно такое...

После прикрытия массивной двери шум снаружи, как ни странно, поутих.

Мэтр Дониёр, явно регулярно навещавшийся сюда, сразу приветствовал хозяина: высушенного настолько, что под пергаментной кожей видны были лишь кости без всяких признаков мышц, морщинистого настолько, что напоминал карикатуру, старца в чалме и белоснежнейшем халате, подпоясанном двумя платками:

– Ака Шамсутдин! Ассалям-алайкум! – на что получил нечто напоминавшее оскал шакала, очевидно, обозначавшее радушную улыбку:

– Ассалям-алайкум, уважаемый Дониёр-бек! Вы не представляете, насколько я рад снова вас видеть в моём скромном... – последовали сдержанные (с символическими похлопываниями друг друга по спинам ладошками) объятия, и взаимные заверения, что именно вот *ему* – куда приятней!..

После примерно минутного обмена обязательными любезностями, и вопросами о здоровьи-благополучии-процветании-многочисленной-семьи-с-перечислением-всех-сыновей-внуков-братьев-и т.д.-и-бизнеса, Дониёр-бек надумал представить спутника:

– Шамсутдин-ака, это – мой младший сын, Мурод. Пока, конечно, не бек. Теперь, когда я стал стар, и не могу столь свободно ходить или ездить в Шадиззар, иногда буду его к вам присылать, вместо себя!

– Ну что вы такое говорите, почтеннейший Дониёр-бек!

Да продлит и украсит Аллах милостивый и милосердный достатком, благополучием и здоровьем вашу милость ещё на долгие времена! Какой же вы – старый! Вы ещё даже – не пожилой. Как я, хе-хе!.. А я, должен вам сказать, надеюсь прожить ещё лет тридцать, если будет на то милость Всевышнего...

Пока длился витиеватый обмен любезностями со словно заученными, неизменными тысячелетия, стандартными фразами, цепкий взгляд хитрущих глаз из-под выгоревших кустистых бровей неотрывно изучал её. Сэра ещё раз почтительно поклонилась.

Но всё равно почувствовала себя неуютно – словно её раздели прямо до нижнего белья! И никаким препятствием, конечно, к тому, чтобы её «вычислить», тощенькие усы не являются... Чёрт. Но что же делать?!

Однако она решила стоять и молчать: пусть-ка «поработает» языком мэтр Дониёр.

И точно – он пустился в превознесение достоинств «самого лучшего и порядочнокомпетентнейшего» продавца целебных трав от моря Вилайет до границ далёкого Пунта, и от пустошей Пиктов до туманной Аквилонии.

После минут пяти напыщенной демагогии они перешли к дальней стене, и занялись делом: как оказалось, мэтр Дониёр здорово любит поторговаться! Она продолжала стоять, настороженно озираясь. Только сейчас, когда глаза немного привыкли к полумраку, она заметила ещё пару существ, на-

блюдавших за ней!

Первым оказался босой тощий мальчишка, сидящий в углу перед маленькими, похожими на ювелирные, весами, на которых он должен, вроде, был что-то развешивать. Но сейчас прервал это занятие, полностью отдавшись созерцанию нового «клиента», помогая себе ковырянием в носу тоненьким, похожим на сухой прутик, мизинцем.

Вторым – странное существо в клетке, напоминавшее не то попугая, не то – невыросшего индюка. Круглый вылупленный на неё глаз лучился умом и ехидством – прямо как у хозяина! И – вот готова она поспорить на рояль против тощей селёдки! – это существо тоже видит её насквозь!..

Однако ещё минут через пять созерцания то наблюдателей, то интерьера лавчонки, пришлось прервать это высокоувлекательное занятие: освободился «папочка», расплатившийся двумя золотыми (!) монетами, сразу проверенными на острый жёлто-коричневый зуб, и получивший пять полотняных мешочков, набитых, как поняла Сэра, редкими заморскими травами и другими средствами для... неважно чего.

Прощался мэтр Дониёр ничуть не менее долго и цветисто, чем здоровался.

Когда они уже почти подошли к невольничьему рынку с его высоким помостом и грозными надсмотрщиками, мэтр разрешил:

– Ну, спрашивай, что там у тебя?

– Мэтр Дониёр! А почему вы сказали «Ассальяму-алейкум», а он ответил тоже – «Ассальяму-алейкум»? Разве он не должен был поменять слова местами, ну, сказать – «ваалайкум-ассальям!»?

– Хм. Нет, он ответил правильно. Восток – дело тонкое. Когда молодой (Сравнительно!) человек приветствует старца, так, как ты говоришь, и происходит... Но! Когда здороваются двое Уважаемых, и примерно одного возраста, Патриарха, они так... Как бы выражают взаимное уважение! Показывают друг другу, что... Ну *очень* уважают приветствуемого!

– Ага, поняла. Спасибо. Извините ещё раз: а что, неужели этот, по виду (Снова – извините!) прохиндей – и правда, торговец травами?

– Ну... В-принципе, да! А ещё он торгует, как её здесь называют, анашой, то есть – марихуаной. Гашишем. Вином. И опиумом-сырцом – кукнаром. (Ну, героина здесь делать ещё не умеют!). А кроме того он – крупнейший в Шадиззаре скупщик краденного, сутенёр, (Ну, это – в более наивном и радужном начале карьеры!) и содержатель всех местных притонов и трактиров. Вернее будет сказать, что он их крышует: все хозяева регулярно отстёгивают ему мзду...

И не обманывайся тем, что он с виду такой тощий, слабый, и неприятзательный.

Видала бы ты его загородное имение! И двух законных жён. И остальной гарем! О! Ну а ещё...

Раза три он пытался подослать ко мне наёмных убийц. В последний раз – сразу семерых. И только их головы, присланные в мешке, отвಾದили его от мысли разжиться «нахаляву» теми золотыми, которые в весьма большом количестве звенят обычно у меня в кошеле!

Впрочем, не думаю, что отвადили – надолго!

– Ну и тип!... Неужели здесь, в Шадизаре, все такие?

Мэтр долго молчал, прокладывая себе дорогу между всё плотнее становившуюся толпу. Повернул к ней лицо. Она старалась идти рядом, не отставая.

– Я должен тебе кое-что сказать. Мир Шадизара, как я уже говорил – вымышленный. Как и каждый такой Мир он – условен. Нет, он – реален, но условен. Сейчас попробую объяснить попроще. Например, про людей. Здесь нет «многогранных» и «сложных» натур, как получается, когда люди общаются с другими людьми, чему-то учась от окружения, а что-то впитывая с молоком матери.

Здесь – не так. Как бы ни был талантлив и скрупулёзен поэт, или писатель – ему никогда не передать всей... многогранности человеческой природы! Поэтому все здесь – архетипы. – и, видя её удивлённо приподнявшуюся бровь, – Ну, искусственно созданные как бы шаблоны... Скажем, Конан – наглый и самовлюблённый качок. Ещё и вор. Но – он честен и добр. Ну, постольку, поскольку это не ущемляет его собственных интересов. Придворные Шахини – интриганы. Солдаты – лентяи и обжоры. Ну, и так далее!

Так что сделай себе поправку: люди здесь куда... Проще! Обычно ими движет какая-то одна, понятная автору и читателю, страсть: жадность, любовь, ненависть, похоть...

Так что пусть меня простят живущие здесь, объясню о них попроще. Так, как задумывал Говард: большинство – обычные статисты. Безмозглые и безвольные бараны. Товар. Скажем, женщины – их пристраивают отцы. В буквальном смысле слова – продают. В гарем к кому-нибудь достаточно состоятельному, купцу ли, чиновнику – который может себе позволить раскошелиться на лишних жён. И кормить потом их. И их детей.

Остальные дамы, кому не повезло – вынуждены продаваться сами. Обычно в постоянных дворах, борделях, или прямо на улицах.

Мужчины же... Хм.

Примерно две трети – пытаются заниматься каким-нибудь делом. Или, как сейчас модно выражаться, бизнесом. Ну, там, караваны водить, горшки обжигать, или лепёшки печь... Такое «дело» тоже обычно передаётся по наследству – от отца к сыну, внуку, и так далее. Остальные – ещё хуже старого Шамсутдина. Используют бизнес только для прикрытия.

Работоторговля. Наркаторговля. Проституция. Сутенёрство. Перепродажа краденного. Да много чего... Мир Кона-на-варвара примитивен, жесток, и... Предсказуем. Бандиты здесь не ходят в костюмах от Версаче, а просто лезут на тебя

сразу с глубиной. В иносказательном смысле. (Это – те, которые на улицах. Они куда чаще просто бьют кинжалом в живот.) Или вонзают кинжал в спину, стоит на секунду ослабить внимание... не в иносказательном смысле. (Это те – которые во Дворцах.) Так что следи за спинами – моей и своей!

В тоне, которым это было сказано, не чувствовалось никакой иронии или весёлости... Неужели – правда?!

– Но как же... Стража султанши? Суды? Ну, или кто тут следит за порядком?!

Мэтр Дониёр снова на неё посмотрел. Было в этом взгляде нечто такое, что она предпочла заткнуться, и просто шагать рядом, проталкиваясь сквозь уже приличную толпу, к помосту с невольниками и невольницами.

Мэтр всё же решил прояснить ситуацию:

– Прости. Я совсем забыл – у тебя же нет опыта работы с «восточным» менталитетом... Насчёт судов и полиции – всё просто. Откупаются. Ну, то есть отдают часть добытого. Поэтому на кол сажают лишь глупую мелкую сошку. Обычно заезжую.

А акулы продолжают отращивать толстое брюшко, пить, кутить в своё удовольствие... Ну и всё остальное, что делает такой приятной жизнь бизнесмена, или... чиновника.

Ладно, экскурс в местные обряды и традиции окончен. Мы здесь – по делу. Мэтр Администратор просил подобрать ему секретаршу.

– ?!

– Да, именно отсюда. Рабыни, или невольницы здесь – дешёвы. И достаточно долгое рабство приучает их к добросовестной работе и послушанию. То бишь – дисциплине. Ну, хотя бы года на два. Потом, конечно, приходится подыскивать новую «оффисдевичку» – так как предыдущая выходит замуж и отправляется в декрет! Или начинает лениться, и мы... Отправляем её обратно. Для наказания. И из неё готовят шашлык.

Опять шучу. – он коротко глянул на её открывшийся ротик, – Просто увольняем. После чего отсылаем в Сады Авалона. Ну, это такое место, где живут те, кто вышел как бы на пенсию... Э-э, неважно – тебе интересоваться этим ещё рано!

Распорядитель-аукционер между тем громко и внятно выкрикивал, повторяя цену, называемую стоящими у подножия помоста явно состоятельными, одетыми в драгоценные тряпки и тюрбаны, купцами, «бизнесменами», и, не то – чиновниками, не то – придворными. Многие пришли со слугами и телохранителями. Те, как и она, опасливо зыркали на соседей, держа ладони на рукоятках, украшенных разноцветными камнями. Красиво, конечно. Но вряд ли сильно поможет, завяжись действительно потасовка...

Особо богатые явно ангажировали навсегда места в первых рядах. Таких легко было узнать по особо наглому и циничному взору, заплывшим жиром глазкам, и огромному брюху.

Немного запоздало она решилась спросить:

– Мэтр Дониёр! А как, кстати, получилось, что я понимаю всё, что здесь говорят?

– Хороший вопрос. Только вот поздновато возник – мы на месте, – мэтр локтями и плечами проложил себе путь к этим самым первым рядам, – Ты сможешь понимать абсолютно всех в любых *искусственно* созданных Мирах. Это – работа мэтра Администратора. А сейчас просто молчи, и присматривай за моей... И своей – спиной!

Она так и сделала, настороженно вглядываясь в окружающую их толпу мужчин всех возрастов и достатка – сюда пришли, явно в надежде на шоу, наверное, все, у кого не было спешных дел! Так что сердитых, весёлых, ироничных и просто – равнодушно-ждущих взглядов, обращённых к помосту-сцене, вокруг оказалось достаточно. А если учесть, что пусть не тяжёлый, но объёмный оснащённый как рюкзак, лямками, мешок с травами и зельями тоже тащила она, пусть и закинув на спину, забот теперь хватало, и на помост с «актёрами» она могла кидать взгляды лишь изредка.

Крупного невольника, с которым «работал» распорядитель сейчас, почти сразу забрал бородатый, на удивление подтянутый мужчина с горделивой осанкой.

Пока чёрный, и блестящий от пота, словно статуя из эбенового дерева, негр с кулачищами, как гири, спускался в толпу, и стража снимала с него путы и кандалы, чтобы пара не менее внушительно выглядящих слуг покупателя сразу завя-

зала и наложила свои, на помост вытащили следующего раба – белого мальчика, явно призываемого к порядку обильными трепками плетью: когда он повернулся спиной, её поразило, как с такими ранами и шрамами он ещё выжил...

– Мы можем... э-э... купить этого мальчишку? – она сопела от расстройства.

– Нет. – ответ учителя был категоричен. – Во-первых, мэтр Администратор заказывал женщину, а во-вторых – из этого не выйдет *хорошего* работника.

– Но... почему?! – мэтр отвечал даже не поворачиваясь, а прямо ей в ухо, поскольку она стояла спиной к помосту, бок о бок, глядя больше ему за спину, и её ухо оказалось рядом. Телохранители других вип-персон с чуть заметными ироничными ухмылочками фыркали в усы, видя такое старание – приняли, похоже, за неопытного новичка!

– Видала шрамы на его спине? Ну вот. Всё же ясно: если раб строптив, и предпочитает не затаить свою любовь к свободе до более подходящего момента, (Который, кстати, обязательно представится!) а проявлять непокорность вот так, храбро, но бессмысленно, он рано или поздно будет забит насмерть. Что говорит о его глупости, превосходящей даже гордость и храбрость... А гордый храбрый дурак нам не нужен!

С такой точки зрения она свободолюбие никогда ещё не рассматривала!

Вот тебе и – восточный менталитет!

И точно – мальчишку купил буквально за гроши какой-то не то сардор, не то сотник, в кольчуге и с саблей на боку – похоже, малец долго у такого холёного сатрапа не протянет. Разве что действительно будет до блеска драить сапоги – жиром, а кольчугу – песком. Или... Послужит дичью для какой-нибудь «охоты на человека», организованной для Изыбранных... Вот тебе и Дарвин в действии – выживает только подлейший и хитрейший! Затаившийся до поры...

За следующие минут двадцать были проданы ещё пятеро рабов – ещё пара негров с бицепсами, словно у качков – этих явно купили баи для работ на каких-нибудь хлопковых плантациях, или мукомолы, один старичок, умевший, на своё счастье, писать, и двое явно местных, жёлто-коричневых от загара крестьян, проданных, судя по всему за долги...

Наконец начали выводить женщин. Первых двух, красивых, и стройных (собственно – стройных именно на восточный манер: то есть, с валиками жирка на боках, и короткими кривоватыми ножками. Фигурами напоминавшими амфору с крупными грудями, и со странно вытянутой и нетонкой талией, и основным утолщением тела на уровне того места, где у Сэры находились ляжки!) купили втридорога по сравнению даже с «качками» – явно в наложницы.

Сопливаю девчонку, которая всё время шмыгала, затравленно озиралась, словно пойманная кошкой мышь, и размазывала соплю по носу-пуговке, купил тоже за гроши некий купец – похоже, помогать на кухне... Пятой привели жен-

щину, к которой Дониёр-бек проявил интерес, потребовав у распорядителя показать её зубы.

Пока тот выполнял просимое, оттянув нижнюю и верхнюю губы, словно это – лошадь, настал черёд Сэры поработать «по специальности».

Хитрущего вида тощий парень вдруг стал незаметно и осторожно приближаться к спине мэтра Дониёра. Увидав подозрительный блеск в его правой руке, она вспомнила предупреждение о том, что бить надо первой, и так и сделала.

Парень, получив профессионально нанесённый пинок в коленную чашечку, упал на землю прямо в пыль, а уж заголосил – словно свинья, которую режут, схватившись за место удара. Кривой нож с тонким лезвием выпал и откатился к Сэре. Она молча наступила на лезвие сапогом.

Дониёр-бек чуть повернул голову, не отрывая, однако, взгляда от помоста:

– Спасибо. Молодец. Правда, это всего лишь Али-хромой, он практикует срезание кошельков с поясов... Ну ничего – ему порванный мениск пойдёт на пользу!

Али, спохватившись, а может, услышав сигнал от сообщников, увидавших бегущую стражу, стал спешно отползать к прилавкам... Но поздно!

Его подхватили под белые ручки, и пока пятеро сардоров тащили нарушителя спокойствия к дворцу, начальник стражи, приземистый усатый (Чёрт! Вот уж шикарно закрученные усы! Прямо как у Сальвадора Дали!) плотный мужчина,

подошёл к ней. Спросил без обиняков:

– Это вы ударили нищего в ногу?

Сэра сделала невинное лицо:

– Ассаляму-алайкум, уважаемый мингбаши! Что вы такое говорите! Как вы могли такое даже *подумать*! Нет, этот человек вдруг ни с того ни с сего выхватил нож, и так резко махнул им, что поскользнулся и упал прямо в пыль! Может, он сумасшедший? Заверяю вас, никто и пальцем его не коснулся – вот, спросите добрых людей! Да вот и ножичек его остался лежать – этот нищий просто *очень* сильно ударился, когда упал!

«Добрые люди», кто – хитро посмеиваясь в роскошную бороду, а кто – и откровенно ржа вслух, согласно закивали, поддакивая: может, им понравилась Сэрина версия случившегося. А может, они просто уже сталкивались с «работой» Али-хромого, и не прочь были разделаться с ним. Чужими руками.

Мингбаши сердито посмотрел вокруг, попыхтел, и подбрав ножичек, буркнул:

– Желаю вашей милости удачи и... Здоровья. – и, нагнувшись так, чтоб слышно было только ей. – У Али-хромого есть и друзья. На которых он, будь он неладен, и работает!

Сэра учтиво поклонилась:

– Благодарю, уважаемый мингбаши! Я... Постараюсь последить за здоровьем.

Дониёр-бек, всё это время продолжавший нарочито вяло

торговаться с ещё парой претендентов на пухлую пожилую женщину, незаметно пихнул её в бок локтем:

– Отлично! Неплохо вписалась в менталитет... А удар этот где освоила?

– За гаражами у любимого Универа... Когда пара пьяных скотов чуть меня не изнасиловала!

– Эффективно. И экономично. Покажешь потом. А сейчас – будь ещё внимательней! Нам нужно забрать нашу «покупку»!

Купленную не слишком дорого (вдвое дешевле рабов для плантаций) рабыню подвели к ним. Дониёр-бек с обстоятельной неторопливостью отсчитал семь золотых, и ещё золотой – комиссионный сбор в пользу Администрации султанши («Да хранит Аллах милостивый и милосердный её драгоценную особу, и да продлит дни её до скончания веков!» – с неизменным воздеванием к небу обеих рук!). После чего с женщины срезали путы, стягивающие её вполне мускулистые натруженные загорелые руки.

Мэтр Дониер двинулся прочь от помоста, женщина – за ним, Сэра же вертела головой во все стороны, вот только теперь осознав в полной мере сложность работы «шкафов в чёрном», охраняющих Первых Лиц...

Впрочем, из толпы они выбрались благополучно. И даже из города вышли без проблем – стража вяло проводила их взглядами, когда они двинулись прочь, снова выбивая пыль из травы. Женщина, идущая за новым хозяином, словно без-

молвная и послушная овца, даже не оглянувшись, и не поинтересовалась, почему они идут в голую степь.

– Приготовься! Сейчас начнётся! – мэтр Дониёр проверил, легко ли вынимается сабля из ножен, когда они оказались за гребнем второго холма. Сэра...

Подумала, *что* может им помочь, причём, желательно – бесшумно, против семерых грозного вида всадников, неторопливой рысцой провожавших их, двигаясь явно от других ворот города. Придумала.

Так что когда они втроем перевалили за гребень холма, и оказались в как бы долине между ним и соседним, всадники, спускавшиеся к ним уже галопом, не остались не поприветствованы.

Снайперская винтовка Драгунова удобно выхватилась из-под плаща.

Сэра бухнулась прямо в пыль у дороги, и отщёлкнула тут же «додуманные» сошки – стрелять привыкла из положения лёжа! Раздвинуть ноги, упор – на бедро!

В магазине – пять патронов. Глушитель превратил грохот выстрелов в отрывистое злобное рывканье. Первые четверо попадали в пыль, в пятого она промазала.

Выхватив прямо из воздуха запасной магазин, она перезарядила. Как раз достаточно быстро, чтобы всадить пули оставшимся в спины – а шустро они сориентировались в ситуации! Правда, не очень-то это им помогло.

Мэтр Дониёр в это время спокойно и легко удерживал за

шиворот пытавшуюся убежать, и что-то причитающе-умоляющее голосящую женщину. Когда последний бандит упал в пыль, и лошади ускакали за холм, он прокомментировал:

– Семь из восьми. Неплохо, неплохо... В школе научилась?

– Да. Наш военрук не скупился на патроны для мелкашки... Сам был большой любитель пострелять! Но снайперская, СВД, оказывается, слишком сильно отдаёт – плохо прижала, и плечо всё отбила. Там синяк, наверное... И из рук просто выскользнула!

– А, ладони от солнца вспотели!.. Ничего. Всё нормально. Отвези эту «девушку» к нам. И дожись меня. Не годится тебе видеть, как мне сейчас придётся... Скрывать следы от оружия, здесь неизвестного. – мэтр Дониёр вынул саблю, погладил кончик. От этого тот истончился, и теперь походил, скорее, на стилет. Или скальпель хирурга, – Да, и винтовку забери!

– А как я?..

– Просто возьми её крепко за руку. И используй «мы» вместо «я».

Чувствуя, что то, что сейчас произойдёт, действительно не для её глаз, она поспешила схватить за руку всё ещё дрожащую, словно лист на ветру, и шёпотом истово молящуюся женщину, бухнувшуюся на колени прямо в пыль, и явно ничего вокруг не видящую и не осознающую, и отправиться домой – в Авалон!

Они оказались прямо на лужайке перед её домом – Ффу!..

Только здесь она к в голос рыдавшей, все ещё молящейся, и затравленно озирающейся на «красоты» леса и сада «новой секретарше», присмотрелась, наконец, без помех.

Ничего выдающегося. Рост – маленький. Возраст – средний. Лицо – словно невыразительный блин: ни приличных бровей, ни пухлых чувственных губ. Глазки – словно у любой азиатки: крохотные и чёрные, как смоль... Да, такую ставить – только к факсу. Или ксероксу. Вряд ли она умеет даже читать. Неважно – мэтр Администратор научит.

Мэтр Дониёр появился только через три минуты. Побледневшее искажённое лицо покрывал обильный пот, и челюсти сжаты так, что желваки ходят на скулах. Сабля уже покоилась в ножнах... Голос оставался спокоен:

– Ставлю за сегодняшнее занятие отлично... Но!

С больши-и-им минусом. Я бы даже сказал – с гигантским.

Маг должен использовать оружие, только известное в эпохе, или – Мире, где работает! Завтра пришлю тебе мэтра Грифа. Чтобы в первую очередь освоила лук. Арбалет. И саблю. – и, заметив её всё ещё судорожно сжатую на предплечьи женщины руку, добавил, уже чуть веселей, – Всё, довольно. Можешь, говорю, отпустить её.

Сэра так и сделала.

Женщина медленно растаяла в воздухе.

– Так это... Она – не!.. Значит, вы всё это сделали только чтобы?!..

– Вот уж нет! – он, хмыкнув, покачал головой, – Просто я наиболее *простым* способом переправил её в Дом к мэтру Администратору. Не волнуйся: уж он о ней позаботится!

Сэре же пришлось позаботиться о двух здоровенных скобах в бревенчатой стене: винтовку лучше иметь под рукой, в комнате!

Профессор Андервуд попросил, чтобы она его так и называла: профессор.

И хоть взгляд «в лоб», хоть смотрение искоса, всё равно показывали низенького слегка сутулого старичка. С огромной, ярко блестящей проплешиной над бровями, чёрным плащом, застёгнутым, словно у шотландцев, на огромные лямки-застёжки, и покрывавшим тело без щелей или просветов. И кривоватыми ногами, в красных шерстяных носках, видневшимися из-под плаща, всунутыми в чёрные лакированные туфли с острыми и загнутыми кверху носами.

Позже, присмотревшись внимательно, Сэра решила, что всё же профессор пользуется кремом: чтобы не то волосы начали расти, не то – лысина блестела – так уж блестела!: крем пах! Вполне, кстати, приятно – лавандой.

Но на первом занятии особо рассматривать приятное в целом лицо в очках со старинной черепаховой оправой возможности не представилось: профессор умудрился полно-

стью приковать её внимание к тому, что вытворял на, и над столом.

– Очень часто, уважаемая... э-э... Сэра, магу приходится сталкиваться с проблемой доступности неких... э-э... назовём их – ограниченными пространствами. Ну, таких, например, как полости канализационных труб. Норы. Подземелья, населённые... э-э... нехорошими существами. Верхушки крон деревьев. Горы. Да мало ли...

Ну так вот: магу не обязательно лезть в такие опасные... или – малодоступные места... Самому! Он может... Послать вместо себя животное!

Птицу. Рыбу. Змею.

То есть – адекватно приспособленное к этим сложным условиям существо, полностью ему подвластное, потому что сам его и сотворил! Ясно?

– Э-э... Не совсем. Извините, профессор – вы умеете делать... Животных?

– Разумеется, моя... э-э... милая! Я для того и здесь – чтобы и тебя научить!.. Конечно, это потрудней, чем смешать, скажем, уже готовые ингредиенты для Зелья, или пробубнить заученное Заклинание. – в тоне послышалось плохо скрываемое пренебрежение к названным способам и средствам. Профессор даже дёрнул тощим плечом. – Но, разумеется, легче, чем, скажем, летать без метлы, или охотиться с пардом на раухов...

Она даже забыла удивиться, когда он, словно в калейдо-

скопе, показал ей над столом синими контурами существ, которых уже создал сам. Или которых создали ученики...

Обалдеть! Таким «сооружением» животных она заниматься... Хочет!

Вот созиданием животных, или «животворчеством» они и занимались все оказавшиеся такими увлекательными три часа утренних занятий.

Вначале профессор Андервуд предложил:

– Ну, представь, что тебе нужно обследовать... например, подвал. Низкий, тёмный, заваленный всяким хламом, и пыльный. Чтобы изгнать, скажем, обнаглевших полтергейстов! Ладно, шучу: мышей. Кого пошлешь?

Сэрина рука непроизвольно потянулась к затылку... Затем, взглянув на лысину профессора, она руку отдернула. Но думать не перестала:

– Ну, наверное, кого-нибудь хищного. Крысу. Или кошку: они отлично видят в темноте, и могут пролезть в такие места, куда я сама...

– Неплохо, неплохо... А если крысу, скажем, немного модифицировать (Чтобы могла пролезть не только в узкие норы!) – станет и вовсе отлично! Вот посмотри-ка! – профессор, достав прямо из воздуха, плюхнул перед ней на крышку стола странную массу, консистенцией похожую на тесто, но розово-оранжевого цвета.

– Это – протопаста. Смесь животной протоплазмы, воска и крови. Не пугайся – она стерилизована! – поспешил пояс-

нить профессор, увидев, как Сэра невольно отшатнулась от стола, – А ещё тут довольно много самого обычного детского пластилина! Да-да, чтобы легче было лепить!

Вот этим он и занялся под пристальным взглядом ученицы, непрестанно комментируя свои действия, раскатывая, формируя и прилепляя умелыми пальцами, и дорабатывая пластиковыми лопаточками и ложечками как... Ну, как обычный пластилин!:

– Туловище сделаем потоньше и подлиннее... Чтобы, конечно, не как у змеи, но – в самую мелкую щель или дырку... Пардон – отверстие! Дырка – это то, что в... Словом – потоньше! Вот, примерно так... А теперь смотри – у меня остался запас протопласты. Ну, вернее, я его сам оставил. Вот из него и вылепляем... лапки... – говоря, он очень споро лепил эти самые крохотные лапки, и примазывал их к туловищу, – Ничего, что их получилось восемь... Или даже десять – зато теперь нашей помеси крысы с ящерицей (Или – со змеёй – ты выберешь, кто понравится!) легче будет проникать через препятствия, лазать по стенам, и заворачивать за углы, охотясь...

Сэра несмело потрогала, а затем и взяла в руки странную штуковину, положенную перед ней. Весила она... Вполне себе прилично – протопаста оказалась явно тяжелей теста.

А уж выглядела... Непривычно. Странно. Но! Похоже, если профессору удастся эту тварюгу оживить, та запросто справится с поставленной задачей проникновения... Куда

угодно! Да и бегать, наверное, сможет – будь здоров!

– Тебе уже наверное говорили, что мы, Маги, стараемся не расходовать силу и энергию нашего организма зря? – она покивала, – Ну так вот. Сейчас мы постараемся максимально, как это говорится, приблизить нашу модель к реальности! То есть – вживить внутрь позвоночник со всеми нужными костями – каркас, так сказать, кровеносную и нервную систему, кишки, желудок, глаза. И, конечно, мозг! Ну, должна же эта чудная малышка соображать, что делает!

Сэра смотрела на «чудную малышку» не без отвращения, профессор же, кажется, налюбоваться не мог на непривычно выглядящее и даже, скорее, уродливое, создание:

– Потому что чем ближе к настоящему организму получится наше животное, тем меньше сил... А иногда – и вообще без всяких усилий с нашей стороны, будет поддерживаться его *жизнь*! Автоматический, так сказать, гомеостаз... Смотри и запоминай!

– Режим прозрачности! – щелчок пальцами, и вдруг туловище лежащей на столе скульптуры стало прозрачным. – Теперь – кости! – профессор приблизил указательный палец к голове создания, и Сэра увидела, как внутри туловища очень быстро возник вначале тонкий, а затем – и весьма приличный череп, от которого медленно, следуя за пальцем профессора, потянулся к хвосту позвоночный столб, с секциями, разделяемыми хрящами. В местах крепления лапок палец учителя приостанавливался, и образовывалось что-то

вроде плечевого пояса – с костями не то плеч, не то – бёдер, голеней, и совсем крохотных пальчиков, – Главное – не переборщить! Ну... например, так!

Профессорский палец застыл над одной из лапок-ножек, и она увидела, как кости утолщаются, утолщаются... И вот они уже вылезли наружу, прорвав кожу – если можно так сказать о поверхности протопасты.

– Исправлять такое всегда трудней! – профессор вынул из-за спины вторую руку, и теперь орудовал её указательным пальцем, – Запомни – одним – правшам! – удобней создавать правой, соответственно, рукой, левшам, значит – наоборот. Но в любом случае – вторая рука – для анти-действий! То есть – для... Как бы стирания!

Действительно, он очень ловко, словно обычной резинкой – карандашные линии, стирал-истончал излишки кости. И вот уже перед ней – «нормальная» конечность!

– Обратите внимание, уважаемая... э-э... Сэра (Вот это да – он так увлёкся, что похоже, опять забыл, как её имя!) – я всё делаю молча! Конечно существует школа профессора Холмстеда... Они там все свои манипуляции сопровождают словами и заклинаниями... Но лично я считаю – всё это вздор! Ну – вы же видели: всё прекрасно делается одним напряжением мысли! А ещё... Не всегда у мага бывает возможность громко говорить! А то и просто – говорить...

Между тем под другим его умелым пальцем по организму твари теперь разрасталась сеть из ветвящихся тонких, и тол-

стых голубоватых нитей – нервная система. На этот раз глаза, уши и ноздри возникли в самом конце. И оказались они не маленькими! Впрочем, наверное, в строгом соответствии с планом? И точно!..

– Вот так. Поскольку нашей зверушке предстоит в основном работать в темноте, дадим ей глазки... И ушки... побольше. И нюх – получше... Вот смотри: я нервных окончаний в ноздрях делаю много, и сами ноздри – к мозгу поближе... Теперь – лёгкие: чтобы втягивать воздух... Годится. Ну, теперь только когти и зубы!

Когти выросли из кончиков пальцев, зубы – прямо из челюстей. Профессор перевернул кисть тыльной стороной, на которой обозначились набрякшие вены и сосуды:

– Теперь – желудочно-кишечный тракт... (Вот, кстати: для всего этого нужно как следует знать анатомию... И – не только человеческого тела...) Ага, порядок. – Сэра видела, что петельки кишок проходят, словно спутанное спагетти, по всей длине туловища, и выход для них профессор устроил не в самом конце его, а почти сразу за последней парой лапок – ну правильно, как у рыб... Или любых других позвоночных.

– На кровеносную систему нужно обратить особое внимание... Потому что дашь слишком большое сердце – и малышка будет искать, чего бы поесть, каждые десять минут: чтоб питать только его работу. А дашь маленькое – ходить... то есть – даже ползать не сможет – задохнётся! Кислород ведь, сели помнишь, разносится кровью. Ну, конечно, и пи-

тательные вещества тоже... – сердце профессор сделал с напёрсток, – Вот. Примерно одна шестидесятая от объёма тела. Ну, или от массы – кому как удобней считать.

Сэра придирчиво пронаблюдала, как сеть капилляров и сосудов потолще пронизала всё удлиненное тельце вплоть до кончиков когтей.

– И, так сказать, в завершение – кожа и шерсть! – они возникли под воздействием ладони.

– Видишь? Указательный – лично я применяю для костей. Средний – нервная система. Безымянный – кишки и... Хм-м... Выделительная система! Вот так. Мизинец – кровеносная... Н-да. Ты, если у тебя по-другому устроены... э-э... Нервы, можешь... э-э... использовать другие пальцы.

– Простите, профессор... А для чего – большой? И локоть?

– Большой?... Э-э... – он словно замялся на секунду. – Ну, для половых органов. Но тебе пока это не нужно! Ты же не хочешь, чтобы выдуманные тобой монстрики ещё и плодились? Их обычно очень трудно убедить не... Хм. И отлавливать молодняк, если они... Ну, словом, пока лучше не пользуйся! Так, на чём это я...

– На шкуре и шерсти.

– А, верно. А шкура и шерсть – лучше всего делаются ладонью. Вот так... Всё. Теперь – оживление! – она про себя подумала, что очень ловко он отвертелся от объяснения функций локтя... Ничего – сама как-нибудь узнает! Видела

же, что он... Пользовался.

Профессор Андервуд между тем опять взял в руки снова ставшее непрозрачным под шерстью туловище. Сэре показалось, что он сделал это не без трепета... Чёрт! Он, похоже, сдерживает свои отцовские эмоции! словно перед ним не уродливая волосатая кишка с десятью лапами, а, а... Нежно любимая дочь!

Леший его задери, а может – *так и есть*?!

Интересно, если (Нет! Не если – а – когда!) ей удастся изготовить хотя бы что-то живое, не будет ли она сама испытывать нечто такое же?..

Но как узнать – не попробовав? А пока – посмотрим!

Профессор достал крохотный кривой, словно коготь велоцераптора (Ну, как тут не вспомнить культовый «Парк Юрского периода!»), ножичек с костяной рукоятью, и слегка порезал себе кисть у большого пальца:

– Для столь маленькой крысозмеи нужно совсем чуть-чуть – буквально каплю!

Он капнул стёкшей по кисти карминной капелькой на голову созданного монстра.

Сэра не могла не отметить, что шрамов от таких, явно частых, манипуляций, так много, что они буквально сливаются в белесоватые сплошные пятна на обеих руках...

А дороговато, похоже, обходятся «подсобные» зверушки! – Я, Андервуд, приказываю тебе: оживи!

Секунды две ничего не происходило. Затем открылись

щёлочки, а затем – и распахнулись во всю ширь чёрные бусины глаз размером с её ноготь! И вот уже существо, чутко прядая во все стороны волосатыми треугольными ушами, доверчиво лижет раздвоенным языком ранку, полностью уничтожая царапину на руке профессора, а тот блаженно улыбается, буквально лучась отцовской гордостью:

– Ах ты, моя маленькая! Ну, иди, иди к папочке! – малышка, словно и правда, понимая, полезла, цепляясь острыми коготками, по рукаву. А затем – разлеглась на спине профессора, свесившись по обе стороны шеи – ну прямо горжетка! Сэра-таки почесала затылок.

Сделанное профессором впечатлило её.

Судя по всему, профессор это понял. Потому что надулся, словно индюк перед новой индюшкой в птичнике:

– А теперь, уважаемая Сэра – подробней о технике. Вот другой кусок протомассы. Попробуйте-ка изготовить теперь *вы*... Любое животное, которое придумаете! Ну, или – для начальных занятий это допускается! – хотя бы любое из *уже* существующих!

Фиг вам, уважаемый профессор, из «уже существующих»! – думала она про себя, закусив от старания губу, и потея от усилий – протомасса оказалась далеко не столь пластична, как пластилин! – и тщательно вылепляя и тут же подправляя пришедший на ум образ.

Однако поскольку «ваянием» она никогда не занималась, сопение и чертыхания про себя хоть к чему-то ощутимо кон-

кретному привели лишь через добрых полчаса.

От напряжения она вздыхала и поминутно утирала предплечьем пот со лба. Губы, как обычно делала, когда особенно старательно над чем-то работала, старалась не кусать: вредная привычка!.. А ещё приходилось шмыгать почему-то жутко зачесавшимся носом.

Профессор не вмешивался, иногда наблюдая за формируемым телом, а иногда подкармливая свою «горжетку» неизвестно откуда (Может – прямо из воздуха! – это же Авалон!) доставаемыми кусочками сахара. Зверушка тотчас принималась самозабвенно грызть их, даже зажмуривая от удовольствия глаза, и профессор шурился вместе с ней, довольно почёсывая пушистое коричневое брюшко.

Для удержания тонких кожистых крыльев Сэре всё равно пришлось использовать несколько прутьев из метлы, отдыхавшей в углу. Профессор ухмыльнулся:

– Не забудь пополнить новыми палочками! А то летать будет труднее...

– Так мне ещё придётся и *летать на ней*?!

– Придётся. Но уж этому тебя обучать, к счастью, буду не я... Не отвлекайся.

Снова сосредоточившись, она придала симметрию своему детищу. словно в замедленном фильме оно всё отчётливей возникало перед ней: огромные передние лапы-крылья, на локти-колени которых можно было и удобно опираться при ходьбе, и по деревьям лазать (Вот: тут будут коготки!) тон-

кая перепонка, соединяющая полётную плоскость с задними, более короткими лапами. Мордочка нужна покороче... От плоского и хлопающего по воде хвоста оригинала она решила отказаться – он вряд ли поможет в полёте...

Сэра подумала, что, оказывается, вполне может понять мистера Андервуда – странная внешне, но вполне адекватная, и с юмором, зверушка, начала нравиться и ей...

Но вот её создание и готово. Профессор, увидев, что она удовлетворённо выдохнула и поставила скульптуру на центр стола, решил уточнить:

– Уважаемая Сэра... Для каких целей вы собираетесь использовать вашего... э-э Зверя?

– Я... э-э... Собиралась использовать его для «нанесения ущерба возможному противнику и его инфраструктурам», как это говорят военные... Ну, примерно так говорил наш военрук. Правда, его надо бы сделать раза в два побольше. Чтобы зубы, стало быть, могли перегрызть электрокабели, и... Ну, там, газовые трубы. Водопровод... Словом, всё, что можно перегрызть и испортить у врага в тылу! Чтобы заводы, делающее оружие, встали!

– Надо же... Хм. Ах, Сэра... Я вижу, пропаганда оставила-таки на тебе отпечаток. Это создание – должно действовать против тылов Армии США?

– Ну... Типа того. Да, я хотела бы навредить им посильней! Они вон что сделали – с Украиной, Ираком, Югославией... Цены на нефть занижают. Сволочи безнаказанные!

Загребают жар чужими руками! – она приказала себе остановиться, и разжать кулачки. Но это оказалось труднее... В Донбассе всего несколько лет назад от обстрелов погибла её тётка – а она любила маленькую Евгению! То есть – действительно любила, а не делала вид – такие вещи всегда чувствуются... И когда та однажды гостила у неё целое лето, нежно баловала.

Не то, что родная мать!

Теперь профессор смотрел на неё. И совсем не так, как вначале. Пристально и словно проникая прямо в душу. И он первым отвёл глаза:

– Прости. Я видел смерть твоей тётки. Она глубоко опечалила тебя...

– Нет, профессор, не так! Она – пробудила во мне ненависть к!..

– Я понял, – он предостерегающе поднял руку, – Но! Имей в виду вот ещё что. Американцы сейчас *на нашей* стороне! Они-то как раз и помогают поддерживать тот Баланс, о котором тебе говорил уважаемый мэтр Администратор. То есть они – «плохие». Как и мы.

Однако! Это не помешает нам попробовать «довоплотить» твоё создание, и пробудить его к жизни! – он уже хитро улыбался, и даже потирал руки. – Я так чувствую, маленький диверсант получится что надо! Или... Это – самка?

Сэра удовлетворённо, с чувством добросовестно сделан-

ного дела, рассматривала то, что сейчас, после почти двух часов осторожных манипулирований, и ежеминутных исправлений, лежало, наконец, на столе перед ними.

А жутковатенькая получилась штуковинка!

К бесхвостому, как у кургузой крысы, или, скорее, летучей мыши, тельцу, крепились перепончатые крылья, и немного непропорциональная голова: её пришлось сделать побольше, иначе там не поместились бы четыре огромных «долота» – мощные передние резцы, похоже, и впрямь смогли бы перегрызть всё, до чего добрался бы их обладатель!

– Хм-м... Однако! Ну и как ты его обозначишь, это *существо*?

– Летучий бобёр.

– Надо же... – профессор автоматически покивал, – Да, вполне, вполне... А что навело тебя на такую... Конструкцию?

– Будете смеяться, профессор, но – волнистые попугайчики! У тётки... Там, в Донбассе – как раз жили такие. Ну так они – вернее, самочка! – изгрызли весь деревянный каркас клетки! И тётка так и называла их – летучие бобры! Я и подумала, что – действительно, будь попугайчики чуть побольше, они запросто могли бы перегрызть и кухонный стол...

– Что ж. Вполне логично. Н-ну, хорошо. Ты хочешь чтобы этот... Бобёр... Был таким по размеру?

– Я... Нет, наверное, всё же – немного побольше. Раза в два! – она показала руками.

– Ага. Хорошо. (Вот теперь тебе понятно, почему паста – такая тяжёлая? А сейчас она станет вдвое пористой. И, следовательно, легче!) Тогда так руки и держи, и произнеси формулу: «Я, – ну, твоё имя! – приказываю: стань больше! Вот до сих пор». Руками, кстати, уже не шевели...

– Я, Сэра, приказываю тебе: стань больше! Вот до сих пор!.. – и точно! Мышебобер неторопливо увеличился, заняв как раз такой объём и размер, как она намечала... Ух ты!..

Профессор удовлетворённо кивнул, когда она сказала «Хватит!», и убрала ладони.

– Хорошо. Ты молодец, Сэра. Давай попробуем теперь... – он передал ей свой ножичек рукояткой вперёд.

Разрезать кожу получилось только с третьего раза – она, закусив губу, нажала, наконец, посильней! Кровь выступила как раз так, как она видела у профессора – ощутимо весомой каплей. Её она и поспешила капнуть на голову летучему бобру.

– Я, Сэра, приказываю тебе: оживи!

Кровь впиталась в шерсть, и... Ничего не произошло. Профессор довольно пошурился, почухав ещё раз пузико своей «горжетки»:

– Ага. Вот теперь тебе понятно, почему мы стараемся уж *очень* больших зверушек не создавать?

– Поняла. Значит, надо больше крови?

– Точно!

Теперь она продолжила разрез, полоснув ещё сильнее. Кровь полилась.

С замирающим сердцем она ощущала, как из неё выходит... *Сила!* И сила эта вливается в придуманное и воплощённое ей новое существо! И оно...

Вот оно зашевелило крылом, открыло большой чёрный глаз... *Фантастика!*

Она и правда – чувствовала его, чувствовала это создание – своим телом, своим разумом!.. О-о!.. Да – она и правда... *Его Мать!!!*

Но... Является ли он её Ребёнком? Или... Нет, не совсем всё же ребёнком.

Скорее, это было похоже на то, как если бы у неё выросла третья рука! Она знала, что может... Приказать даже мысленно, этому, этому... летающему бобру сделать всё, что захочет! И он согласится!

Нет – не так! Он слепо сделает всё: она же для него – *Мать!*

Словно игла впиалась в её сердце – Боже!.. Она теперь в ответе за маленькое существо! Как же ей быть?! Ведь его нужно кормить – раз уж она создала ему пищеварительную систему! – и... гулять, и...

Существо размером с морскую свинку между тем пришло на когтистые лапки, закинуло на спину свёрнутые странным неаккуратным комком кожистые крылья, и, немного неуклюже переваливаясь с боку на бок, проковыля-

ло к её чуть отстранённой кисти, лизнуло ранку... Ах ты, мой маленький!.. – странная теплота, и шквал самых разных эмоций вдруг затопил грудь! Самое осознаваемое чувство – любовь! Любовь к этой крохе...

Это – *точно* её ребёнок! И до какой же степени он её... Боготворит!

Да, именно это слово подходит лучше всего к тому чувству, что сейчас пронзило её существо – это она ощутила то, что чувствует к ней маленький... Летающий бобёр!

Ах ты, глупенький малыш... Ух ты, какие ощущения!..

– Да, точно. Ты теперь – его Мать. – голос профессора стал непривычно серьёзен, – И теперь, надеюсь, ты понимаешь всю меру ответственности, что лежит на нас, Магах, за тех, кому мы дали жизнь! А жить этот малыш будет, пока жива ты. Ну, или пока он не погибнет на каком-нибудь данном тобой Задании!

– Господи, профессор! Он может... умереть?!

– Конечно. Как всякое другое создание из *плоти и крови!*.. Но! – видя её опустившиеся уголки губ, и наполнившиеся слезами глаза, он поторопился добавить, – Если ты *очень* захочешь, и пожертвуешь ещё пару капель крови, можно «подлатать» и оживить и погибшего! Летающего бобра. – он усмехнулся. Крысозмея на его плечах раскрыла широченную пасть, согласно зашипев в такт хозяину.

Тотчас маленький летучий бобр подобрался, развернувшись так, чтобы Сэра оказалась за его спиной, и распластал-

ся в боевой стойке, разинув пасть с мощными клыками-долотами, широко раздвинув когтистые передние лапки, и распахнув крылья – он готов был хоть сейчас броситься в бой!

Глубоко в душе у неё всё перевернулось: она почувствовала... Столько всего!

И его страх за неё, и свою гордость за детище, что, даже не очнувшись полностью, уже готово биться за неё насмерть хоть с носорогом – ему явно плевать на размер врага! – и в то же время, как и сказал профессор – свою боль и печаль, если с этой самоотверженной крохой что-то случится...

Но – профессор же сказал, что в случае чего она сможет его и оживить!

Хотя не хотелось бы до этого доводить.

Профессор меж тем чуть отодвинулся от стола, только-только успев придержать вдруг кинувшуюся в бой прямо с его шеи «горжетку»:

– Ну-ну-ну! Спокойней! Это – друг! Просто он тоже защищает хозяйку!

Хозяйка между тем старалась удержать на столе летучего бобра сразу двумя руками. Однако шипеть в унисон крысозмее, сердито рычать, и делать угрожающие щелчки пастью и размахивать передними лапками с выпущенными коготочками это ему не мешало!

– Нет, так не пойдёт. Мы же – не воюем. И детки наши тоже не должны. – профессор взял маленькое создание в обе руки, и развернул лицом, если можно так сказать про пасть

на конце туловища, к себе. Взгляд в глаза, – Пожалуйста, перестань. Это – наши друзья!

Тварь сразу успокоилась, и даже завилыла нижним концом туловища – ну словно собака! Сэра поторопилась поступить так же со своим питомцем:

– Малыш! Спасибо за храбрость. Но – перестань, пожалуйста... Это – друзья!

Он понял. Боже, какой у её летучего бобра может быть умный взгляд!.. Ей словно опять резануло по сердцу: какой же он свой, родной и дорогой ей!.. Своя... Кровь!

Она опустила его из рук на крышку стола, и теперь они с профессором не без удовольствия наблюдали, как происходит процесс знакомства: вначале осторожно, обходя друг друга по кругу, с недоверчиво-опасливым взглядом, а затем – и с вилянием хвостов, и взаимным обнюхиванием-облизыванием.

– Ф-фу... Извини, Сэра – забыл тебе сказать. Жить эта зверушка может только не слишком далеко от тебя. Ну, или, когда ты вынуждена будешь куда-то уезжать – старайся делать это не слишком надолго!

Ты – её мама. (Правильней, конечно, термин «творец», но так понятней *суть*!) Поэтому, несмотря на то, что она сделана по всем правилам, и *почти* самодостаточна, жизнь её всё же потребует от тебя крошки твоих сил. И жизненной энергии. Ты готова дать их ему? Потому что иначе... – профессор опустил книзу большой палец. Сэра снова ощутила

укол в сердце.

Вот теперь она полностью понимала слова лиса из «Маленького принца»:

«Мы в ответе за тех, кого приручили...» Или, как в её случае – создали!

– Я поняла, профессор. А ещё я поняла – это был не урок создания живого... – профессор недоумённо вскинул кустистые брови. – Это – урок Любви! Ко всему живому!

Плечи Андервуда опустились, и взор почему-то погас:

– Быстро же ты это поняла...

Хотелось бы ей знать, кого он потерял. И как...

Словно почуяв изменившееся настроение хозяина, малышка, вернувшись к нему на шею встрепенулась, и залезла розовым раздвоенным язычком прямо в профессорское ухо, чуть поскуливая – ну точно – собачка!

– Ах ты маленькая!.. М-муа! – профессор чмокнул резво виляющую задницей «горжетку» в верхнюю часть челюсти – та буквально заизвивалась! – Ну хорошо-хорошо, не буду! Ну-ка, кто тут у нас любит сахарок?..

Когда профессор ушёл, всё ещё воркуя со своей «горжетко-змеёй», она вздохнула посвободней – хорошо, что занятия проходят «дома»!

Летучий бобёр так и стоял на столе, высунув язык, часто дыша и преданно глядя ей в глаза. Боже, какой кроха – а уже соображает! Ну-ка...

Она взяла его в ладонь, подведя её снизу под пушистое тёмно-коричневое брюшко.

Он сразу расслабился, свесив лапы, и довольно сощурившись – только что не мурлыкал. Смотри-ка, а он – очень даже ничего получился. Симпатичный.

Она покрутила ладонь с доверчиво развалившимся зверьком:

– Как же мне назвать тебя? Ты же, вроде, боевой злобный монстр. «Ужас, летящий на крыльях ночи, пучок волос, забивший ваш унитаз...» И всё такое. Значит, и имя должно быть грозным и... Военным.

О! Будешь Хамви! Это, вроде, армейский американский... типа... Джип. Не слишком красивый, но опасный! Ты у меня опасный? – существо на ладони повернулось боком, чуть приподняв кожистое крыло и подставив под её пальцы брюшко – для почёсывания, и после того, как она пошкребла под этим крылышком, довольно заурчало, растянув пасть в блаженной улыбке: ну не дать ни взять – «котик-мягонький животик»! Хотя она делала, вроде, серьёзного самца... Н-да.

Ну *очень* опасный и грозный! А уж смертоносный – и не говорите!..

Хм. Вытянутая рука начала уставать. А весит-то он – действительно как кошка. Килограмма два. Как же он сможет летать? Да и сможет ли? Можно, конечно, выйти наружу да проверить... Но вначале нужно питомца покормить!

Она подошла к холодильнику, и поставила Хамви чуть сбоку.

– Постой здесь. Что же тебе... Наверное, лучше – мясо. Мэтр Администратор что-то там говорил о том, что оно питательней любой травы и плодов. – она сосредоточилась.

Огромный (Перестаралась!) кусок копчённого окорока еле помещался на средней полке. Вытащила с трудом – ну словно полбарана! Надо же – ещё тёплый!

Отрезав тоненький для начала ломоть, она положила перед питомцем:

– Хамви. Ешь!

Он не заставил себя долго упрашивать. Взглянул на хозяйку, нюхнул, подошёл вперевалочку к мясу на блюде, и аккуратно, придерживая мясо коготками «локтей» передних лапок-крылышек, стал отрывать и откусывать небольшие куски, и очень аппетитно чавкать – у неё и у самой потекла слюна.

Ну и чего нам стесняться?

Она отрезала приличный шмат, положила на сковородку, и чуть поджарила на двухкомфорочной газовой плите, газопровод к которой вообразила аж от Здания Храма.

Теперь они наслаждались на пару – правда, она старалась не чавкать, и спустя какое-то время Хамви тоже перестал – воспринял её укоризненное мысленное замечание. Ну – правильно: вдруг кто придёт в гости! Неудобно.

Хотя кто к ней придёт в гости... Только учителя!

Хамви от добавки отказался. Странно. По-идее, он бы должен есть больше...

После обеда у неё была «история оружия, военных технологий и тактика», и слушая и глядя на пушки, гранаты, огне­мёты и мины, щедро вываливаемые мэтром Гауссом на стол, или их изображения (вроде танков или систем залпового огня), возникавшие над этим самым столом, она иногда поглядывала на печку: Хамви лежал там, прищуря хитрущие глазки, и подёргивая носиком с двумя отверстиями ноздрей. Но поскольку она запретила категорически, крыльями не хлопал, и на учителя не шипел, даже когда тот сердился, что она не может повторить, кто придумал гаубицу, а кто – создал динамит...

После того, как урок закончился, и благочинный мэтр от­был, упаковав всё вновь уменьшенное смертоносное добро в суму, она взяла Хамви снова в руку:

– Молодец! Не мешал. Ладно: попробуем пойти погу­лять...

А неплохо он летает для такого тяжёленького... И по де­ревьям легко ползает, цепляясь когтями. Более того – он, как кошка, даже закопал за собой то, что наделал в ямке, в песочке на берегу их реки. Умный.

После ужина она села за стол и принялась штудировать учебники, которых у неё накопилась целая нерассортирован-

ная груды в углу, на этажерке. Хамви же, уже не смущаясь, развалился на спине на печке, и задал храпака. Причём в буквальном смысле. Но поскольку он храпел негромко, и было в этом тоненьком звуке что-то успокаивающее и домашнее, она только усмехнулась (Про себя!), и вскоре тоже легла. Заснула почти мгновенно.

Мэтр Гриф явился в белой накрахмаленной сорочке и удобных кожаных сапогах, в которые были заправлены кружевные панталоны. То, что это именно он, она догадалась ещё до того, как он раскрыл рот. Коренастый плотно сбитый крепыш. На смуглом лице – горящие умные глаза и нависающий над верхней губой заострённый хищно изогнутый нос...

– Доброе утро, леди Сэра! Мэтр Дониёр просил меня... э-э... улучшить ваши навыки владения любимым оружием. Да, любимым. Вот этим, с вашего позволения... И займёмся.

Надеюсь, вы не против пары часов занятий на воздухе?

Ещё бы ей быть против: она знала – что нужно!

Однако к концу этих занятий (И не пары – а трёх с лишним!) была уже сильно против.

Потому что «для начала» мэтр Гриф заставил её обучаться всем трюкам и приёмам фехтования! Причём – на всех, как ей казалось, «холодных» орудиях мира! Шпаги, эспадроны, палаши, мечи: самурайские и простые – чего только он не доставал попарно из воздуха! А в конце ещё и «обрадовал»:

– Ну, для вводно-ознакомительного занятия ... э-э... Скажем так: неплохо, неплохо... Однако выносливость ваша, уважаемая Сэра... – он чуть скривил рот, явно давая понять, что на самом деле думает о её неплохой, как она было, навивно считала, выносливости, – оставляет желать... Хм. Завтра перейдём к подробному разбору техники боя *каждым* оружием! И, конечно, стрельбе из лука, арбалета, и метанию кинжалов! Так... – он что-то сделал руками, – вот и мишень!

Мишень оказалась огромной дубовой столешницей, размещённой на треноге. Мэтр сотворил её уже прислонённой к сараю – видать, чтобы то, что не попадёт в цель, не улетало куда не надо, и никого не поранило! (Хотя – кого *тут* можно поранить?!) В центре красовался разноцветный круг – именно такие она видала на соревнованиях лучников.

Когда она воздела очи горе, мэтр Гриф пояснил:

– Огнестрельным займёмся в следующем семестре, потому что оно... Посложней и потяжелей! Ну а на сегодня, так уж и быть, достаточно. До завтра!

Он пружинистой походкой удалился к храму. На нём почти четыре часа скакания и размахивания тяжёлыми предметами, похоже, никак не сказались. Он, мать его..., даже не вспотел!

Выносливость! Вот что ей надо.

Придётся начать бегать по утрам, и подтягиваться...

Турник она, кидая взоры на столешницу мишени, созда-

ла за сараем, под навесом. В месте, где там, дома, хранились дрова. А вот заросли крапивы вокруг спортивного «снаряда» пришлось покосить – благо, вообразить себе острую как бритва помощницу теперь-то нетрудно...

Хамви, всё это время тоскливо наблюдавший за её «экскузией» и сельхозработами через двойное стекло окна, наконец, лёг, и перестал царапаться в стекло. Она обречённо вздохнула: ну, во втором – так во втором... Может, к этому времени руки, плечи и все остальные мышцы станут как у мэтра Грифа – словно стальные пружины.

Леди Барбро, впервые представ пред очи Сэры, томно проворковала:

– Приветствую, леди Сэра. Я – леди Барбро. Постараюсь научить тебя приготовлению ядов и плетению интриг. – А когда челюсть у Сэры отпала, добила, – если читала Мориса Дрюона, и Александра Дюма, то эпоху средневековой Франции, освоишь легко!

И заметив чуть обозначенное качание головой и нахмуренные брови, уточнила:

– А если не читала – самое время – почитать! – под мановением точёной ручки с атласной холёной кожей в углу возникла немаленькая стопка аккуратно связанных шёлковой ленточкой книг! Ого! А средние-то века... Пользовались популярностью у писателей!

– Ну, садись – леди царственным жестом придержала по-

дол роскошного платья, одетого словно для выхода в «Марлезонском балете» из «Трёх мушкетеров», и плавно опустилась на жёсткий табурет, так, словно это был по меньшей мере фамильный наследный Трон, жестом пригласив Сэру устраиваться напротив. Сэра села. Разумеется, отнюдь не столь грациозно. Что вызвало немедленную реакцию:

– Плохо. Милая моя, кто же так садится! Ну-ка, будь любезна, давай попробуем ещё раз. А для облегчения задачи – вот! – на Сэре тут же возникло обалденное – почти такое же, как на леди Барбро! – длинное платье-кринолин до самого пола, и с шнурованным корсетом, в верхнем срезе которого очень даже пикантно обозначилась выглядывавшая наружу ложбинка между её грудей!

Ух ты! Да, в *таком* Туалете с большой буквы, стыдно плюхаться на табурет так, словно она – обычная студентка!

Сделав томно-задумчивое лицо, Сэра оттопырила мизинчик, и двумя пальчиками чуть приподняла край складчатой юбки. И неторопливо, боком, опустилась на табурет.

Вернее, опустилась бы, если бы он остался стоять, а не завалился на бок, опрокинутый неприподнятой частью тяжёлой юбки, каркас которой ещё и усиливали обручи китового уса!..

Перелетев через непослушное приспособление для сидения, Сэра почувствовала себя глупо. Она не ударилась, но ей стало обидно: свалила дуру перед почти незнакомой женщиной!

Но та не дала ей заняться «второй частью ударения в грязь лицом» – то бишь, кряхтением, и попытками встать самостоятельно!

Сэра даже не углядела, как леди Барбро оказалась возле неё (Перетекла, что ли?!), подав Сэре холёную ручку:

– Миледи! Прошу вас!

Сэра поспешила воспользоваться: ноги запутались в длинных нижних юбках, а тяжёлая материя платья мешала даже встать самой! Леди Барбро сказала:

– Мы, истинные леди, если уж падаем – то – только тогда, когда *нам* это надо!

Например – чтобы изобразить обморок... В критической ситуации для женщины нет ничего лучше, чем продемонстрировать свою *якобы* слабость! А самой в это время срочно продумать, что делать дальше...

А ещё упасть можно, чтобы простимулировать понравившегося мужчину оказать даме услугу – помочь ей встать! При этом, само-собой, почувствовав её точёную гибкую талию, хрупкую изнеженную руку совершенной формы... (Мужчины, они же так устроены – им нужно объекта воздыханий вот именно – касаться, и тогда можешь быть уверена: такой «коснувшийся» – точно: твой! Поскольку искра от твоего тела ему в руку уж!..) И, разумеется, завершающий штрих такого способа соблазнения – нежно-благодарный взор, прожигающий якобы твёрдое, словно скала, но – на деле ужасно ранимое и предсказуемое мужское сердце. До

самой печени!..

Сэра, слегка обалдевшая, и самым банальным образом поставленная на ноги столь хрупкими на вид, но оказавшимися прочными, как стальные захваты, руками, покраснела.

– Леди Сэра! – в реплике не было упрёка, скорее – сочувствие и понимание, – Запомните на всю оставшуюся жизнь: *этого* (Ну, того, что руки у нас окажут честь любому фехтовальщику!) ни одна придворная, или дама благородных кровей *выказывать*, то есть – демонстрировать публично, никогда не должна! Помни: для джентльменов средневековья – Леди – всегда объект почти мистического поклонения!

Слабость, так сказать – наша *главная* сила!

И даже если Леди сама может встать, и при случае уделает двоих-троих бандитов или солдат, *показывать* этого нельзя ни в коем случае! Ну, давай попробуем ещё раз!

Этот раз прошёл куда удачней: потому что сбоку от табурета теперь стоял, хоть и полупрозрачный, но чертовски расфуфыренный усатый мушкетёр в ботфортах и плаще, склонившийся почти до пояса, подав ей руку. Усевшись, она невольно приняла осанку леди Барбро – словно у царицы!

«Кавалера» она поблагодарила чуть заметным кивком головы, не улыбаясь, не глядя ему в глаза, и даже не разлепив сжатых губ. Когда тот растаял в воздухе столь же медленно, и словно бы торжественно, как и возник, леди Барбро прокомментировала:

– Молодец. Уже гораздо лучше! Я вижу: ты *почувствова-*

ла!

Всё верно – *это* есть у каждой женщины! Но только присутствие истинного кавалера помогает проявиться ему в полной мере!

Как говорится, «в присутствии истинного рыцаря любая шлюха чувствует себя Леди!» Ну а теперь займёмся-ка для полноты картины ядами! Потому что в арсенале дворянки должна иметься не только обворожительная улыбка, и склонность к падению в обмороки, но и оружие посильней!

Над столом снова возникло, как ни странно, растение!

– Запоминай! Это – так называемая белладонна. Или – красавка. Она же – «сонная одурь». Вытяжка из неё составляет основу почти трети всех известных средневековых растительных ядов. (Минеральными, типа того же мышьяка, или таллия, мы займёмся позже!) Наиболее известный алкалоид, получаемый из красавки – атропин. Сейчас мы посмотрим, как получают вытяжку, употребление которой в нужных сочетаниях и концентрациях... – на столе вновь возникла горелка Бунзена, колбы, реторты, змеевик и прочие атрибуты любой химической лаборатории.

Сэра из последних сил сдержала челюсти от рефлекторного зевка, и придвинулась поближе, поморгав – она уже поняла: на занятиях *здесь* лучше не отвлекаться!..

– Сегодня поедем в Атлантиду. Нет, не в ту, какая она сейчас, (У нас нет сверхглубоководного батискафа!) а в ту, ка-

кой она была каких-то восемь тысячелетий назад. Когда там ещё жили атланты. И находится она, кстати, там, где сейчас Южный полюс.

Сэра закрыла рот, и убрала руку от затылка. Раз мэтр До-ниёр говорит, что жили – значит – жили! Боевую одежду «одела» без напоминаний. Однако мэтр, пройдясь вокруг, кое-что посоветовал подкорректировать:

– Сапоги замени на сандалии... Ну, ладно, такие тоже сгодятся. Вместо кожаных штанов – шерстяные... (Кожанные носили варвары. А мы для атлантов – как раз варвары.) А мы хотим, чтоб нас приняли за «своих»... Ага. Ещё – под плащ – хитон. Вот смотри: *это* – хитон! – перед ней возник и повернулся в воздухе странный балахон без рукавов и штанин... Хм. А ведь в таком без штанов должно быть холодно! Ну и балбесы, получается, все эти атланты! Небось, у каждого второго – цистит или простатит!

Ладно, это – не её проблема.

– Я – здесь, и не здесь! Я – везде и нигде! Я – в Атлантиде!

И правда – никакого ледяного панциря двухкилометровой толщины! Деревья, трава, цветочки луговые... А вон – и птички летают над головой! С неба приветливо льются лучи яркого солнца – вокруг тепло! Антарктида?!.. Правда – восемь тысяч лет назад...

Пустынная дорога, на которой они вновь оказались, сказала ей о том, что такой метод «вживления» в чужой Мир – без свидетелей! – явно предпочтительней!

Мэтр Дониёр кивнул на её мысленный вопрос:

– Пока не можешь точно себе представить, или вспомнить место, куда переносишься (ну, такое даже у магов случается, если посещали давно) – лучше так и делать. От свидетелей подальше! А вот когда ознакомилась достаточно хорошо, и навещаешь часто – лучше «возникать» там, где много народу: на базарах, площадях, в цирках и на ипподромах... И даже – в церквях и мечетях. А сейчас – идём. До города побольше часа хода.

Здесь дорогу окружали сады с ухоженными деревьями, буквально увешанными плодами! Чего только на ветвях не висело: инжир и абрикосы, вишни, сливы, яблоки и апельсины, миндаль, бананы, груши... Единственное, что смущало – невысокие изгороди с колючей проволокой, отгораживающие всё это витаминное богатство от дороги.

Сама дорога, кстати, оказалась весьма удобна, поскольку камни, которыми её замостили, почти не повыкрошились ни от времени, ни от колёс повозок – две чуть приметные, в пару пальцев глубиной, выемки в центре десятишагового полотна всё же имелись.

– Мэтр Дониёр... А можно чего-нибудь сорвать и съесть? – после утренней пробежки и сеанса подтягиваний-отжиманий ей уже вновь захотелось чем-нибудь перекусить. Так что взгляд на нежно-золотистые груши, мимо которых они сейчас проходили, заставлял шевелиться ноздри (Пахли, заразы!), и наполняться пенистой слюной рот.

– Конечно. Нам – можно. Держи. – две самые сочные и спелые груш сами оторвалась от ветви. И проплыли к ним. Сэра честно выделила добытчику ту, что побольше:

– С-спасибо... А если просто – перелезть и сорвать?

– Не получится. Проволока под током. Ну – здесь же знают электричество, так что можешь представить! Моторы, электростанции, холодильники и кондиционеры... И, разумеется, электропушки и электроизгороди. Приглядишься: вот же изоляторы!

Чёрт, точно! И как она сразу... Ну, разве что потому, что они сделаны словно из дерева... Или это такая пластмасса?

Однако когда она подошла, чтобы получше рассмотреть, оказалось, что изоляторы из цветного – под дерево! – стекла! Вот хитрые гады! Небось и напряжение...

– Да. Как раз такое, чтобы оглушить непрошенного гостя, и чтобы он не смог убежать, пока за ним не придут рабы-охранники, сидящие в караульном бараке за пультами – вон, видишь? Камеры наблюдения!

Ого! А камеры-то... Крохотные! И замаскированы тоже отлично. И как это она их... Позорище. Внимательней надо приглядываться! И – ко всему! А то она словно слепая наивная туристка: смотрит, и – не видит!..

– Так здесь есть и телевидение?

– Да. Однако у Государства монополия на него. Частных каналов нет. Разве что только – для охранных систем. – он небрежно махнул рукой на поля с клубникой, мимо которых

они сейчас проходили. А клубника-то... С доброе яблоко! Она прищурилась. Нет – точно клубника!

Здесь им попались и сборщицы: несколько десятков женщин небольшого роста, в чём-то вроде сари, на коленях ползли вдоль грядок, закидывая собранные ягоды в корзины, а трое огромного роста негров с бичами в мускулистых руках, обнажённые по пояс, подбоченясь и весело переругиваясь, продвигались по полю за спинами сборщиц.

– Это – рабыни? – она вылупилась так, словно в Шадизаре не видела рабынь.

– Да. Но этим ещё повезло. Самая ужасная работа – у тех, кто выполняет работу по дому на виллах знати. Там они постоянно под рукой: чуть что не так, или просто – не понравилось хозяину – могут и до смерти запороть. Уж чего-чего, а рабов здесь хватает!

– Хватает? Но... Откуда же они их берут?!

– Ну а откуда древние римляне брали? Из завоёванных земель. Все южные побережья южной Америки и Африки – завоёваны. И превращены в базу для набегов на туземное население. Там стоят города-крепости... В-принципе, именно с них и взят образец древними римлянами для своих военных лагерей легионеров. Правда, они этого не знают. Римляне, в-смысле. А африканцы и индейцы тут разные. Посмотри: вон те, что убирают маис – явно из племён инков, а те, что над ними с бичами – из племён зулу...

Характерные черты лиц и смуглых тел индейцев и негров,

конечно, не удивили её теперь. Удивил тот факт, что гордые и чванливые завоеватели, которыми она считала инков, приносившие своим злобным богам в жертву сотни тысяч пленников, предстали теперь в столь неприглядном виде! Но как же...

– Э-э, не бери в голову. Мы сейчас не социологическими исследованиями и историко-антропологическими экскурсами собираемся заниматься. Если заинтересовалась – спросишь мэтра Администратора. Он тебе и литературы соответствующей подберет... А нам нужно забрать отсюда мэтра Монтгомери.

– А этот... мэтр Монтгомери – он из наших? В-смысле – маг?

– Да, маг. Предвосхищая твой вопрос: не полевик. А наивно-восторженный учёный. Маг-историк, вроде мэтра-Администратора... Теоретик, который, собирая материал для очередной своей жутко-важной-и-интересной-диссертации, имел глупость засветиться, и попасть в плен к местным жрецам... Неглупым ребятам, надо признать.

Им *серьёзно* занимались. А теперь мэтр пребывает под воздействием нарколеп-тиков-галлюциногенов. Уже второй день.

– А что... э-э... А мы собираемся его освободить, да?

– Да. Именно поэтому мы «храбро» идём по самой обычной сельской дороге. Потому что по-другому подобраться к Храму, не вызвав подозрений, невозможно. У местного

Жречества настоящая паранойя – видеокамер вокруг храмовой площади понатыкано сотнями! Да оно и правильно: если обдираешь народ, нужно следить. За этим самым народом – мало ли...

А теперь смотри: вот. То, что нам нужно. Повозка с маисом для продажи на рынке.

Действительно, когда они вышли из-за поворота, стала видна стучащая по камням дороги медными ободьями колёс крытая телега-фургон, запряжённая двумя быками с огромными чёрными тушами, и торчащими далеко в стороны рогами. Сэра с мэтром Дониёром прибавили шаг, и нагнали её. После чего мэтр приветливо заговорил с возницей:

– Отличный день, почтенный! – незаметный толчок в бок заставил Сэру тоже разлепить рот:

– Отличный день, почтенный!

– Спасибо, почтенные. Отличный день. – возница, морщинистый, хмурый, и тёмно-коричневый от загара старик явно европейской внешности, но одетый несколько беднее них, смотрел не без подозрений.

– Маис везёте на базар в Сараспис?

– Да. Старался вот успеть к ярмарке... Да подзадержало колесо, будь оно неладно.

Мэтр Дониёр покивал с умным видом. После чего вдруг спросил:

– А скажите, почтенный, Кранах, сержант наряда у северных Ворот, знаком вам?

– Нет, почтенный. Я в городе знаю только торговцев и хозяина постоянного двора.

– Может быть, тогда мы поможем друг другу?

– С удовольствием. Но – как?

– Очень просто. Я поговорю с нарядом, собирающим пошлину, и заплачу за вас и ваш товар... А вы разрешите мне и моему спутнику доехать до рынка в вашей телеге. А то Пэрт натёр ногу. – Сэра торопливо покивала с самым сокрушённым видом, и поспешила потереть бедро – впрочем, особого внимания на эту ошибку «почтенный» не обратил...

– Н-ну... – невооружённым глазом было видно, что предложение очень заинтересовало «почтенного», и колебался он недолго, – Хорошо, всегда рад помочь. Садитесь.

Сэра сделав вид, что ужасно счастлива, и испытывает колоссальное облегчение, забралась в телегу сзади, с деланным стоном поспешив снять один из сапог-сандалий, и занялась якобы натёртым пальцем. Мэтр Дониёр присел рядом с возницей, сказав:

– Отличная сухая погода, почтенный. Хорошо, что успели убрать всё это добро, – он кивнул головой назад, – до дождей. А скажите, вы случаем, не родственник почтенному Урсусу из Домстеда?

– О, да! Но как же вы, почтенный... э-э...

– Хрезамус!

– Да, почтенный Хрезамус... Он мой родной брат! Откуда же вы узнали?... Меня, кстати, Мэтьюз зовут.

– Очень приятно, почтенный Мэтьюз! Это же элементарно! Вы так на него похожи! А я – его сосед. Наша вилла – через три дома от его, там, в Домстеде.

– Вот уж воистину тесен мир!.. И до чего приятно встретить земляка! Ну и как он там?

– О, сейчас гораздо лучше! Пока стояли тёплые деньки, подагра почти прошла, и он даже ходит сам – но когда нужно проехать до его плантаций авокадо, конечно всё ещё использует дормез с носильщиками... А видел я его буквально... – похоже, чёрт его задери, неизвестно каким образом, но мэтр Дониёр всё знал и о чёртовом Урсусе, и о его вотчине, и о Домстеде... Откуда?! Неужели... Да, наверное, именно оттуда!

Тем не менее почтенного Мэтьюза он буквально очаровал, и следующие полчаса пути тот увлечённо обсуждал домашние и хозяйственные дела: брата, свои, и третьего брата – помещика в Таппе, рыбацьем посёлке на побережье.

Не остались, конечно, обойдёнными и цены, и бездельники-рабы, и неурожай сорго и сои – вот уж Сэре нашлось, что послушать о сельском хозяйстве легендарной страны... Она вначале старалась вникнуть в хозяйственную систему – мало ли!

Ну и ничего особенного – нормальное сельское хозяйство. Если бы не рабский труд, можно было бы подумать, что это два заскоружлых от непогод и трудов праведных фермера, там, дома, обсуждают колорадского жука, напавшего на кар-

тошку...

Так что вскоре она попросту развалилась на твёрдых початках, и заснула – солнышко и монотонно-однообразное гудение двух голосов разморило её.

– Пэрт! Да Пэрт же, вырви Мардук твою печень! Здоров же ты спать! – Сэра вспомнила, что это она – Пэрт, и пора просыпаться!

Разлепив глаза, она обнаружила, что уже за полдень, и вокруг стоит тот неповторимый шум и многоголосый гам Базара, который никогда не перепутаешь ни с чем иным. Тем более – вокруг так пронзительно пахло дарами полей и... навозом!

Она выбралась из телеги, и они вновь обошли её. Сэра поспешила одеть благодарную улыбку на лицо:

– Благодарю, почтенный Мэтьюз! Вы спасли мои ноги!

– Что вы, что вы, почтенный Пэрт и вы, почтенный Хрезамус! Напротив: это я должен благодарить вас за оказанную мне честь и приятную беседу! А уж про то, чтобы столь быстро пройти Заставу – э-эх, что говорить! Сам-то я могу только мечтать о таких связях!.. – они расстались, уверив друг друга во взаимном уважении, чести от знакомства, и т.п.

Похоже, она нагло проспала эту самую Заставу. Ну и ладно – вот они и в городе.

– Мэтр Дониёр! А что там с... Заставой?

– Э-э, не бери в голову! Ты подозрений не вызвала – ещё

бы!.. Храпела так, что почтенный Кранах за пятьдесят шагов услышал. А поскольку я приложил немного... Усилий, твоё лицо прокатило под нашего с ним общего знакомого. Я тебя даже будить не стал.

Мэтр Дониёр вёл её между рядами, где и на прилавках, и прямо с телег продавали всё то великолепии плодов и зерна, что земля Атлантиды давала явно в изобилии.

Здесь оказались даже гречка. И киви... Не говоря уже о дынеобразных и мерзостно вонявших колючих шарах дуриана – для них был выделен угол с подветренной стороны!

Про дуриан ей объяснил мэтр Дониёр, заметив её сморщенный носик.

Ах, вот так. Изысканнейшее, значит, лакомство?.. Вот уж долго её придётся уговаривать попробовать!

Храмовая площадь сегодня тоже была отдана под ярмарку. Этим, как поняла Сэра, и собирался воспользоваться мэтр Дониёр.

Вот он остановился под прикрытием последней телеги, и внимательно оглядел сам Храм – распластанную по земле монументальную ступенчатую каменную громадину, размером уступавшую, наверное, только знаменитым пирамидам фараонов. Не менее внимательно мэтр осматривал и окружающее храм обширное пустое пространство... Вряд ли простым смертным взбредёт в голову идти туда без особой надобности, или приглашения. И уж тем более вряд ли такое пройдёт незамеченным – через сто шагов аккуратнейшим

образом мощёной площади и воробей незамеченным не пролетит!..

Она молча смотрела на Храм. Мэтр Дониёр... Закрыв глаза.

Потом открыл их. Вздохнул. Сказал:

– Дай мне руку! Хорошо. Теперь сосредоточься на этой пирамиде. Думай, что внутренним взором проникаешь сквозь стены туда, в её подземелья. А я – помогу тебе!

Она закрыла глаза. Голос мэтра звучал мягко, но в нём ощущалась внутренняя сила, да такая, что сама по себе способна сравнивать горы с землёй, и пробивать тоннели сквозь скалы:

– Нет-нет, не пытайся как бы «вплыть» туда! Вместо этого вообрази, что ты – архитектор, спроектировавший эту громадину... Ты же тогда знаешь, что там и как? А теперь представь себе чертежи. Рабочие чертежи. Да-да, вот так... Пусть они теперь станут объёмными. Прозрачными. Ниже, спустись ниже. Увеличь. Да, хорошо...

Перед её внутренним взором вместо монолита из миллионов тонн камня как-то странно сейчас сжавшегося и уменьшившегося, обозначились вдоль основных линий стен, а затем и ушли вглубь, тонкие голубые линии – словно голограмма! Застывшая, и теперь углубившаяся в землю на сотни метров невесомая конструкция, в одном из вновь увеличившихся коридоров которой она вдруг как бы оказалась, так поразила её, что она забыла даже удивиться. Мэтр Дони-

ёр хмыкнул:

– Отлично. Внимательней с дальней стороной. Ещё поблизь и укрупни её. Видишь – коридор? Из него – входы в восемнадцать камер. Угу. Наша – пятнадцатая. Мэтр Монтомери сейчас спит – вернее, в отключке, а то бы уже ответил на мой Зов...

Запомнила? Хорошо. Но наша задача – не бегать, как Индиана Джонс по лабиринтам, попадая в засады, или в последний момент спасаясь из коварных ловушек, а *сделать работу*. Чисто, быстро, и без ненужных... Осложнений. (Чёрт! Он явно хотел сказать – «приключений на...»!) Для этого нужно всего лишь материализоваться прямо в коридоре у камеры, войти, подхватить пленника под белые ручки, и переправить прямо оттуда домой. Без всяких ненужных эксцессов в плане перебитых нами жрецов, или лишнего шума...

Она кивнула. Раскрыв глаза, обнаружила, что вокруг царит всё та же деловая суэта и гам, и солнышко весело светит себе с небес!

– Спасибо, мэтр Дониёр! Ведь это вы помогли мне *увидеть*?

– В первый раз – конечно, помог... В следующий – и сама справишься. Главное – знать, что это возможно. Остальное – дело воли и концентрации.

– А... Как вы узнали про брата этого Мэтьюза? Вы здесь жили? Или...

– Вот именно – или! Да ты уж догадалась. – она кивну-

ла, – Обычная телепатия. Я почти всё выудил из его же мозга. А потом по «меткам» нашел этого чертового брата, и порастряс уже *его* мозг... «Метки»?.. Ну, как бы всё мыслящее выделяет своеобразный... Типа – запах. И у родственников он схож. Особенно у кровных. Позже объясню.

Ничего-ничего, потом и ты сможешь так. Я поэтому и путешествовую с тобой по самым пока отдалённым, или вымышленным, или никакого отношения к твоему Миру не имеющим Мирам: чтобы тебе было легче. Привыкнуть. Научиться работать. Понять, на что обращать внимание в первую очередь. Познакомиться с нашими *методами*.

И чем меньше эти миры напоминают твой Дом, тем легче и проще постигать основы ремесла, и воздействовать на их *материю*.

– А дома...

– Вот именно. Дома ты была бы связана инерцией мышления: «Ах, здесь такое невозможно, потому что никогда не случается!» Ну – тебе это уже говорили.

Она вдруг поняла, что всё не так просто. И сила мага зависит... Только от самого мага. И *на самом деле* не важно – дома она или нет!

– А... Оно – возможно? – она не столько спрашивала, сколько утверждала.

– Разумеется. – в тоне мэтра уже сквозило лёгкое удовлетворение от того, что он явно прочёл её «прозрение». С другой стороны, он переступил с ноги на ногу: явно спешил, а

она своими «озарениями» задерживала начало работы, – Годы три назад в твоём Мире работал студент из Марайи – у него получалось получше, чем у тебя с пулемётом в Лидии!.. Ты поняла верно – дело в настрое!.. Ладно, хватит теории. Займёмся работой!

– Конечно! Извиняюсь, что отвлекаю... Что я должна делать?

– Помнишь, как выглядит коридор на восьмом подземном, тот, с камерами?

– Да.

– Давай руку. Закрывай глаза. Повторяй со мной: «Я – здесь и не здесь! Я – везде и нигде! Я – в Атлантиде, в подземном коридоре пирамиды!»

Она ничего не почувствовала. Потом вдруг оказалось, что вокруг стоит мгла кромешная, и жуткая промозглая сырость. И ещё – тишина. Как в могиле. (Тьфу-тьфу!)

Её руку отпустили, она услышала ворчание:

– Хватит предаваться ощущениям. Открывай уже глаза.

Толку оказалось – ноль. Вокруг остались всё те же темень и сырость. Мэтр Дониёр тоже что-то проворчал насчёт сырости и старых костей, и зажёг прямо на ладони маленький жёлтый огонёк – словно пламя свечи. Зыркнув на неё исподлобья, пояснил:

– Верно. Пламя свечи – самое выгодное с точки зрения экономии сил. Почти не требует дополнительных усилий... Конечно, если просто вообразить огарок этой самой свечи! –

он хмыкнул, – Ну, или как в моём случае – вынуть из кармана заготовленный. Потом мысленно смазываешь его кончик зельем воспламенения, и... Готово!

И точно – в ладони мэтра, оказывается, покоился небольшой – в два пальца! – огарок, дающий чуть коптящее и потрескивающее от сырости, пламя.

– Хорошо поработали. Вот и камера. Спорим, ты не догадалась захватить ключа?

Конечно, она не догадалась. Поэтому он сам снял с пояса огромный медный штырь с изогнутым концом, и, вставив в странного вида нашлапку на деревянной двери, повернул.

Дверь щёлкнула, но осталась закрытой.

– Забукла. – констатировал мэтр Дониёр, и приподняв створку, потянул её на себя. Она присоединила свои усилия, всё ещё раздумывая над его словами о «самонастрое».

Получается, она в любом чужом Мире – практически всемогуща. А в своём – «считает магию невозможной!» И очевидно этот самонастрой, самогипноз настолько велики у всех студентов, что им лучше в первый год-семестр проходить практику... да и работу – в чужих Мирах?!.. Но разве она уже не может убедить себя, что магия возможна *везде*?

А разве она – *уже* не убеждена, что никакое «самоограничение» ей не грозит?! Или...

Или, если попробует – всё же быстро состарится, обессилит и умрёт?

Хм. Интересный парадокс. Ладно, сейчас лучше поможем

мэтру – а думать никто не мешает и дома. Разве что Хамви, когда разыграется, принося палку...

Дверь наконец подалась, и, шкребанув по камням пола, открылась. Они вошли.

Ей пришлось прикрыться рукой от пламени свечи – оно слепило.

Ф-фу!.. Ну и запах тут... Да и смотреть всё равно особо не на что. Разве что на камни стен и свода потолка, сходящегося так же, как и стены пирамиды – ступенями-уступами. Ну и, конечно, капли вездесущей воды – конденсат, или просачивается?..

Мэтр тем временем поставил свечу прямо на пол у входа, и прошёл вглубь чертовски длинной и узкой тесной камеры, к дощатому лежаку. Рядом стоял кувшин – похоже, с водой. Еды нигде не видно. Голодом, что ли, морят беднягу учёного?..

– Помоги мне. Мы должны держать его под обе руки.

Она подобралась с другой стороны к объёмистому тюку из тряпок – в них оказался упакован не то спящий, не то – потерявший сознание полный невысокий мужчина с огромной бородой. Она осторожно влезла под болтавшуюся расслабленную руку.

Схватила левой рукой за протянутую руку мэтра Дониёра. Тот выдохнул – на него приходилась большая часть веса уважаемого учёного:

– Представь теперь сразу кабинет мэтра уважаемого Ад-

министратора. Одному мне его от твоей избы не перебросить – слишком большая масса. Готова? – она кивнула.

– Я – здесь и не здесь! Я – везде и нигде! Я – в Авалоне!

Последовал сильный рывок, и рука мэтра Монтгомери оказалась вырвана из её кисти. Она инстинктивно вновь схватила её – благо, та оказалась в считанных сантиметрах.

– В следующий раз, пожалуйста, представляй, что мы – в центре кабинета. – в голосе мэтра Дониёра не было упрёка – только усталость. Чёрт.

Похоже, такие «миссии» с бесчувственным телом всё же отнимают очень много сил даже у матёрых профессионалов.

Мэтр Администратор вскинул голову от монитора. Встал:

– Молодцы! Великолепно! Спасибо, Сэра, спасибо, мэтр Дониёр! Ну, кладите его сюда, – он неопределённо махнул рукой, и в углу кабинета возникла кушетка – широкая и низкая, почти как помост в подземной камере...

Сэра поднапряглась: похоже, мэтру Дониёру перетаскивание учёного далось хуже, чем ей. Или – виновато то, что она выспалась, а он... Наверное, работал и со стражниками. И с толпой жрецов, и... Да мало ли! Молодец. Делал всё молча, сам, её не будил.

Отдуваясь, она помогла взгромоздить тело так и не пришедшего в сознание мэтра Монтгомери на лежак. Тот застонал, замычал жалобно, так и не открывая глаз, простонал что-то вроде: «Нет-нет, не надо, уберите щипцы! Я все скажу!...».

– Проклятье! Похоже, опоздали. Они по уши накачали его психотропными. И раскололи. Сэра! Сможешь определить, что это?

Она оттянула пальчиком веко лежавшего навзничь учёного. Осмотрела его ногти. Принюхалась к запаху изо рта. Провела руками вдоль груди и живота, как бы сканируя теплом из ладоней внутренности, и вычленяя чужеродные компоненты так, как учила леди Ренилла...

– Молочай Джексона, омела обыкновенная. И... Какой-то кактус. Название не знаю. А, ещё – перебродившая юкка.

– Хм-м... Неплохо. Для начинающей – неплохо. Правда, кое-что всё же упустила. Главное. Сможешь найти теперь, когда я *тонко* намекнул?..

Она почувствовала, что краснеет. Ай-яй-яй! Стыдно – поторопилась...

Она внимательней прошлась внутренним взглядом по... А, есть же ещё мозг! Вот блин! Как же она упустила – что воздействие на психику там в первую очередь и...

– Какой-то... Сорняк или зерновой вредитель. А-а, пшеничная ржа!

– Верно. Пшеничная ржа. – в голосе мэтра Дониёра звучала печаль, – Она же спорынья. Она же – чёрная гниль... Не имеет ярко выраженного собственного запаха – поэтому ты и не нашла её. А знаешь, чем она знаменита? – Сэра, сжав губы помотала головой.

– В семьдесятые годы двадцатого века на основе её иссле-

дования американские учёные синтезировали аналог – ЛСД. Сильнейший галлюциногенный наркотик. Не удивительно, что бедняга видел и крючья, и клещи, и кувалды, дробившие его кости, и ощущал, как иглы загоняют под ногти, хотя его всего-навсего обметали обычным веником, или постукивали маленькими палочками... Страшная штука, этот ЛСД. С его помощью в числе всего прочего пытались создать Универсального солдата. То есть – готового слепо выполнять любые приказы, биоробота... Мозгу мэтра Монтгомери уже нанесён сильный вред. Придётся лечить. Радикально. Но... Это мы уже сами.

Ладно, сегодняшнее занятие окончено. Четыре. Почему? Очень просто – именно с алкалоидных вытяжек и обследования мозга всегда и надо начинать анализ на психотропные вещества! Они обычно самые сильные и действенные... А вообще – молодец.

Заодно! Запомни этот состав. Может пригодиться. Особенно, если надо добыть правдивую информацию, а пытаться врага *сильно* или просто физически – нельзя. Чтобы не повредить тела. Вдруг придется производить обмен на тех, кого задержал враг...

Так вот: это – местный аналог сыворотки правды. – и, уже с сожалением, – Не сомневаюсь, что наш наивный и гуманный мэтр выложил чёртовым жрецам всё. Как на блюдечке с голубой каёмочкой!..

Вмешался мэтр Администратор:

– Ладно, не смертельно. Просто сильно осложнил работу будущим исследователям. Впрочем – тоже не так страшно. До гибели Атлантиды осталось месяца два. Да и информацию они все посчитают сверх-закрытой, только для избранных. Элиты. Особо «развиться», или раструбить кому-нибудь всё равно не успеют. – мэтр расправил нахмуренные было брови. – Сэра, спасибо ещё раз. Отдыхай!

Она попросилась. Уже в дверях чуть не столкнулась с леди Барбро, очевидно, явившуюся на мысленный зов мэтра Администратора. На плече у той висела сума со снадобьями.

– Здравствуйте, леди Барбро!

– Здравствуй, Сэра. Возможно, наше послеобеденное занятие сегодня начнётся чуть позже обычного. Сама понимаешь: работа!

– Да, конечно... Удачного дня!

Донна Недда не показалась Сэре симпатичной.

Пожилая и тихая сухопарая старушка выглядела... Никакой!

Такие торчат у каждого многоэтажного дома в городе, мирно обсуждая политику или знакомых, с другими такими же пенсионерками, и успевая ещё качать младенцев в коляске... Или – вязать носки.

Однако уж к тому, что почти всё здесь совсем не такое, каким кажется на первый взгляд, она привыкнуть успела – ну вот хочется благородной донне выглядеть мирно и безобид-

но – на здоровье!

– Дорогая моя. Сегодня мы займёмся бодиформом. Ну, или говоря проще – изменением тела, – и, когда удивлённая Сэра подняла руку, – Да, вижу. Что ты хочешь спросить?

– Простите пожалуйста, донна Недда!.. Но разве мы с профессором Андервудом не занимаемся этим самым?.. – она указала ладошкой на подозрительно взиравшего на них с печки Хамви.

– Ах, вон ты о чём... Нет. – донна Недда сплела в замок тонкие пальцы в массивных перстнях, поставив локти на стол, – Твой питомец – это, вот именно, твой питомец. Плоть от плоти, кровь от крови... Раз придав ему заданную форму, и пробудив к жизни, ты уже не можешь *изменить* его – ни внешне, ни внутренне.

Речь идёт о тебе. Тебе самой. – скрюченный худой пальчик указал ей в грудь, – С нами на задании может случиться... Да и случается обычно... Много чего. И ты должна уметь адекватно, как это сейчас говорят, реагировать. Впрочем, я просто покажу: лучше один раз увидеть, чем... Вот, посмотри. – донна Недда оставила как-то незаметно снятые украшения с пальцев на столешнице.

Затем вышла на середину комнаты и...

Начала раздеваться! На доски пола упала вязанная чёрная юбка. Кофта.

Ночная рубашка, в которой осталась женщина, отблёскивала в лучах солнышка, щедро льющего их потоки из окна,

и перламутрово переливалась – похоже, из батиста... Однако, едва только Сэра успела отметить, что тело-то у новой училки весьма пропорциональное и плотное, как то стало... Меняться.

Она не уследила, как всё произошло, но вдруг перед ней оказалась огромная (Ну, это – с перепугу, наверное, так показалось – потому что ни объём, ни вес тела не меняется, как объяснила ей потом донна!) львица, сердито оскалившая пасть, полную острейших белых зубов, и с весьма неприятным звуком проведшая когтистой лапой по доскам пола – на тех остались глубокие царапины!

Львица оскалилась, зарычала и присела – как перед броском!

Сэра пулей вылетела из-за стола, и схватила ближайший подходящий предмет – это оказалась всё та же метла из угла!

После чего поспешила выставить прутья перед собой! Хамви на печке тоже зарычал, напружинил лапы, и расправил крылья – явно готовился, если понадобится, и будет мысленный сигнал, напасть сзади на обидчицу хозяйки!

Сэра пока велела ему не вмешиваться – надеялась справиться сама! Это же – её учат! Теперь, когда у неё в руках имелась такая удобная палка, она ощущала себя куда уверенней!

А напрасно!

Внезапный бросок львицы, сбивший её с ног, застал Сэру уж точно врасплох!

Позорище! А уж то, что страшные зубы клацнули в паре сантиметров от её горла, нисколько спокойствию духа не способствовало! Теперь она еле удерживала обеими руками черенок, отделявший её от удвоившей усилия добратья до неё, противницы!

Напрягши все накачанные тренировками мускулы, она всё-таки толкнула метлу, и рывком распрямила подтянутые к груди ноги, отбросив противницу от себя! После чего поспешила перекатиться, вскочить, и обзавестись более «адекватным» оружием – выхватить из ножен катану, висящую на стене – Боже, как это напомнило ей сцену с мачехой и падчерицей из Гоголевской «Майской ночи»!.. Не хватало только ещё поранить учительницу – кто тогда будет её учить... *Этому!*

– Донна Недда! Пожалуйста! – её голос ощутимо дрожал, но вот остриё лезвия, глядевшее сейчас точно в морду хищнице, оставалось недвижимым, словно скала! – Вернитесь обратно – мне очень страшно! И ещё – вдруг я... Случайно пораню вас!..

Разъярённая большая кошка, хвост которой свирепо бил по задним лапам, а морда превратилась в оскал хищного убийцы, расслабилась. Вроде, даже ухмыльнулась.

Обратная трансформация шла куда медленней – очевидно, чтобы она могла проследить все стадии. Вот втягивается в копчик хвост. Вот лапы превращаются в руки, а когти – в ногти. Вот и туловище приобретает более привычный облик.

И голова... Ф-фу!..

Сэра опустила меч из боевой хватки, и вышла из стойки. А здорово, оказывается, она перепугалась! Так её не взволновали ни гаввар, ни монстр из реки...

Ну оно и понятно – *колдунья* всегда опасней любых животных! Мыслит же!

Она утёрла пот со лба рукавом – чёрт, и холодный, и липкий!.. Его запах, наверное, чует и Хамви – он явно сердится, и клацает зубками. Нет, маленький – сидеть там!

Донна Недда поднялась с колен. Обнажённая, она производила обалденное впечатление! Она была... Да, именно – *ослепительно* прекрасна!

Миниатюрная – но всё при ней! Буквально точёные, словно у статуэтки, линии!..

Нет, правда – более пропорционально сложенного и прекрасного стройного тела она не видала даже у Леди Барбро! Дьявольщина! Ни грамма жира, всё поджаро, изящно, округло!.. Неудивительно, что донне Недде приходится постоять за себя и таким способом: наверняка мужики одолевают, словно комары по ночам саму Сэру! А, может, и не только мужики...

Сэра вдруг почувствовала какой-то странный укол в сердце – словно она не хотела бы, чтобы кто-то ещё, кроме неё, пялился на обнажённую колдунью...

Что за!.. Странное ощущение? Что это – *ревность*?! Почему это она ревнует?! Ведь ревность – один из «симптомов»

любви!..

Влюбилась она, что ли, в эту, эту... Мисс совершенство. Нет, не так – Донну Совершенство! Богиню перевоплощения. Женщину с точёной фигурой и божественно красивым лицом – теперь, когда никто не мешает, чётко видно, что ни Анжелина Джоли, ни Мишель Пфайфер ни Джулия Робертс, донне Недде в подмётки не годятся!

Хороша – слов нет! И ещё этот, загадочно-волнующий, словно лукавый, взгляд!..

Сэра поспешила привести в порядок свои чувства – здесь все очень тонко чувствуют её эмоции и ощущения... Она не должна...

Ведь до сих пор в «сферу её интересов» входили только мужчины! Что, если этот урок учит ещё и тому, что сознанию и сексуальным пристрастиям нельзя... Костенеть?

И основная Цель этого урока – научить видеть... *Истинную Красоту*? Даже в тех, кого она до сих пор, стереотипно, как и те, оставшиеся где-то в неведомой дали, домашние «девочки», воспринимала лишь как конкуренток и мелких пакостниц...

Ничего не скажешь: проняло! А эффективно, оказывается, работает – сначала напугать до полусмерти, а затем поманить. Почти совершенным Идеалом...

Ладно – всё это она обдумает потом. А сейчас – у неё Урок!..

Донна Недда, словно и не заметив пронёсшуюся в её душе

брю, невозмутимо продолжила занятие:

– Вижу, ты вспомнила Гоголя... Всё верно.

Он просто воспроизвёл в своём рассказе то, что услышал. Фольклор. А фольклор передаёт народную мудрость.

А еще ты очень тонко прочувствовала... То, что *любить* не обязательно только представителей противоположного пола. Мужа. Отца. Сына. Можно любить и дочь. И мать. И сестру. И – просто другую женщину.

Ладно, расслабься – это действительно был только Урок. Я не собираюсь тебя «охмурять».

Сэра, сглотнув, нервно хихикнула. Донна хитро прищурилась:

– Ну? Ты всё ещё думаешь, что наши занятия будут повтором того, чем вы занимались с профессором Андервудом? – теперь донна весело глянула из-под чернейших и явно никогда не знавших пинцета, бровей. Головку на изящной шее её такая, оказывается, молодая, учительница склонила чуть вбок, а ручками прикрыла тело – совсем как на картине Боттичелли «Рождение Венеры»!

– *Нем!!!* – Сэра судорожно сглотнула. Да её новая училка – просто и вправду...

Красавица с большой буквы!!! Кровь бросилась Сэре в лицо – она чуяла, что просто пылает! Такого не заметить невозможно!

Богиня! Каждый изгиб тела, каждая мышца – совершенство! И уж она-то небось, не трепыхается каждое утро на

турнике по полчаса!.. Если бывает белейшая, как самый белый ватман, зависть, именно она сейчас обуревала застывшую, словно мармелад, «студентку». Вот бы и ей – такое тело!!! Да и лицо...

И, похоже, именно этого донна и добивалась: чтоб она поняла, что может всё это...

«Сбодиформировать»!

Продышавшись, Сэра разлепила губы, истово покивав:

– Я чувствую, донна Недда... Этот курс мне *очень* нужен!

– Ну, я рада, что мы поняли друг друга! – донна с царственной грацией протянула руку, – А сейчас, будь добра, подай мне юбку и кофту. Проблема с этим батистом. Исчезает мгновенно, зато... Обратного никогда не восстанавливается!

Забравшись в постель, и пристроив настенную лампу за головой так, чтобы свет падал поудобней, Сэра раскрыла «Королеву Марго» там, где остановилась.

Однако чтение не шло. Мысли всё время почему-то возвращались к донне Недде, и её уроку.

Господи! Как ей хотелось сделать своё тело хотя бы наполовину столь же прекрасным, как у учительницы! А ведь это, судя по всему, возможно! Потому что каждый раз возвращаясь из выбранного животного, или другого существа, в человеческий образ, она сможет корректировать это тело так, как посчитает нужным! Подправить ужасные, пучащие-

ся колени. Сделать поменьше, попоικантней, «лыжи-ласты» сорокового размера. Закрыть плотью то место, где «трамвай проехал». Бёдра – поокруглей. Грудь... Нет – с грудью у неё всё в порядке!

С другой стороны – это не могло не напрягать... Значит ли такая коррекция, что она навсегда утратит свой *первоначальный* облик? И... Забудет его?

Хочет ли она этого?

Она уже отказалась от старой жизни, от того, что связывало её с «планетой Земля», с однокашниками и подругами... Матерью. Сестрой. Словом, от Прошлого.

Что же – теперь отказаться и от того последнего, что связывает её с той, старой Жекой-Евгенией? Тела и лица?

Полно! Кого она обманывает – ей всё это «отрывание корней» и так слишком тяжело далось. Достаточно вспомнить те, первые, почти бессонные ночи здесь, когда она грызла губы, вздыхала и ворочалась на вымокших смятых простынях...

Хотя то, что она здесь, и дарило чувство удовлетворения от преодоления комплексов. Повышения самооценки. Самоутверждения. Осознания того, что она теперь *другая*...

Сильная, независимая. Много знающая. (Или хотя бы – обучающаяся новому!)

Присутствовало где-то в глубине души и ощущение... Как бы его поточней сформулировать... Вот – «Погодите, я ещё вам всем покажу!» Но...

Но чем больше она узнавала, чем больше новых методов и приёмов осваивала, чем упорней работала на турнике и бежала по «пересечённой местности» за лесом, вырабатывая эту самую силу и выносливость, тем сильнее ей становилось ясно, что не это – главное.

Доказать что-то кому-то.

Нет, не для того она пашет, как, простите, негритянка, чтобы кому-то доказать, что она...

В мозгу всё чётче и ясней выкристаллизовывалась мысль, что в первую очередь всё это необходимо *ей самой!*

И вовсе не нужно никому ничего доказывать. *Здесь* не место дурацкой показухе!

Работа Ведьмы не то что не усеяна лепестками роз и аплодисментами – она, скорее, сродни прокладыванию канавы для канализационных труб: не слишком приятна, но – необходима! Всем. А в первую очередь – самой Ведьме! Это просто...

Её образ жизни!

Так что о славе и фанфарах, так же как и о произведённом на старых знакомых впечатлении, лучше попросту забыть. Амбиции и жажда славы – не для таких как она. А, скорее, для таких, как карикатурно-рекламный Гарри Поттер. Ну, или Гэндальф – «добрых», колоритных, милых и... Работающих «на публику» волшебников!

А ведь нужны – и такие! Она отлично осознавала, что именно такие, утрированно возвышенные, с предсказуемо

счастливым концом, сказки способны вселить уверенность, прийти на помощь в трудную минуту тем, кто слабоват духом. И никак не может поверить в свои силы. Поверить в то, что они реально могут изменять. И Мир, и себя.

Ну, или в крайнем случае, послужить приятным чтивом...

Правда, здесь и сейчас – ни Поттер, ни Гэндальф, ни Гед, ни Аслан не существуют.

Они, каждый со своей спецификой, обаянием, страстями и сомнениями, существуют лишь в своих, выдуманных авторах, и затем укреплённых тысячами и миллионами читателей и фанатов, Мирах. И побывать в любом таком – не проблема!

Хогварт. Шадиззар. Йотунхейм. Шир. Олимп... Закулисная Англия. Волшебный шкаф в Нарнию... Да, Миров – сотни!

Одна маленькая поправка – вымышленных! А вымышленные менять, улучшать, или «приводить к балансу – нет смысла. Да и пусть лучше это делает автор...

А ей всё же кажется, что «работать» придётся в реальных. Которых, как сказал мэтр Администратор, много, но... не бесконечно много. И ей. Как «плохой», предстоит исправлять что-то в тех, что ещё не опустошены глобальными катастрофами-войнами. Быть может, даже в «своём».

Поэтому там, дома, зная, или даже на кончик ногтя заподозрить, что она изменилась, и на неё возложена определённая миссия – не должен никто.

Значит, нужно будет одеть маску старой Жеки, и не выделяться колдовскими трюками и сверхъестественными способностями, типа чтения мыслей, владения каратэ, и левитирования предметов... Затаиться. И выполнять задания.

Да, наверное, так.

Впрочем, чего гадать: когда настанет время – перед ней поставят и конкретные задачи. Дадут задания. Но пока что нужно «наработать» «инструментарий» для... работы.

Она подняла с одеяла книгу, бросив мимолетный взор в окно.

Чёрное небо и звёзды.

Интересно – звёзды настоящие, или как всё здесь – декорации, созданные ею самой, и мирком учёных-магов, для того, чтобы студенты чувствовали себя... Привычно?

Комфортно. Защищенно.

Чтобы ничто не мешало обучению. И осмыслению.

Ох, думается ей, что осмыслять здесь, да и вообще – осмыслять и переоценивать -придётся много чего...

Полюбовавшись, как тоненько похрапывает на печке, развернувшись мордочкой с приоткрытой пастью к закопчённому потолку Хамви, она улыбнулась.

Была ещё одна мысль, которая, словно мотылёк в лампочку, билась в её головку.

Донна Недда... Особенно – её пронзающий до самого сердца многообещающий взгляд... И... Да, чёрт его задери – в душу ей донна Недда определённо запала!

Но зачем она показала ей себя *такой*?!

Ведь знала, какое впечатление произведёт? Наверняка знала... И – что?

Неужели...

Нет – рано ей ещё думать о привязанностях, да ещё гомофобных... Отдушину в любви, да ещё не совсем традиционной, она пока лучше искать не станет.

Она подождёт.

Время расставит всё по местам!.. И расставит так, как надо!

Но уши при воспоминании об «Афродите» всё равно горели, и в груди что-то ёкало... И переворачивалось.

Хватит! Нужно работать. И принять за истину, что любить нужно – *всё* живое!

И Хамви, и донну Недду, и даже (Ну, по идее!) с-суку Надюсика...

Разумеется, такое возможно, только когда увидишь *подлинную* сущность всех этих созданий – вроде той, что показала ей донна!..

Она открыла книгу.

Материала много. А спать придётся лечь не позже одиннадцати. Потому что если не выспаться – станет труднее... работать.

2. Практика

Сергей ждал её молча.

Словно знал, что она вернется уже понявшей и принявшей.

Жизнь и работу в роли Ведьмы.

Ни о чем не спросил. Она же тепло взяла его за руку:

– Сергей! Спасибо! – поднялась на цыпочки и чмокнула его в щеку.

– Не за что. Я только... – он чуть усмехнулся. Ухмылка, правда, вышла кривоватая, – Вербовщик. Гнусно звучит, да. Но я сам не смог. Пройти *туда*.

– Не расстраивайся. Там... – она запнулась, – Сложно. Чертовски трудно. Утомительно. И... страшно. Учиться и... Работать. Впрочем... – они уже вышли наружу, и теперь стояли у дверей павильона.

– Не попробовав – не узнать? Да, я понимаю. Но... Уже не попробую.

– Может, и попробуешь. Если *действительно* захочешь. Я так поняла, что истинно жаждущий чего-либо... Это и получает. Вопрос – в цене. Которую приходится платить.

– Понял. – он бросил на неё краткий взгляд, – Но получается, я, такой, вроде, здоровый и сильный, на самом деле – не хочу.

Подсознательно боюсь. – он прикусил губу, и она увидела, как вновь заходили желваки на скулах. Но когда он вновь заговорил, голос звучал ровно:

– А ты... Молодец. Я сразу понял – ты! Других кандидатов здесь нет. Так что прошу тебя: не будем обо мне. Раз испугавшись, я уже и не хочу. Попадать туда. И работать.

Это она могла понять. Не у всех столь «оторванные» корни, как у неё. Насчет же решимости и смелости... Что ж. Ему – видней.

Пока они разговаривали и обдумывали, Сергей успел запереть замок, и теперь вёл её по дорожке обратно – к грому музыки колонок из открытых настежь окон, смеху, гвалту голосов, и разгоряченным алкоголем и танцами, потным телам. Раскрасневшимся лицам. Гогочущим и похотливо переглядывающимся.

Потому что иначе, как возбужденную, и вождедеющую плотских утех традиционного плана, пропитанную насквозь уже чисто животными инстинктами и желаниями, толпу, она сейчас своих сверстников-земляков не воспринимала. Ну вот практически не было там, в Доме Культуры, других эмоций!

Ан нет – оказывается, были!

Когда они вошли в душное и провонявшее сивухой и потом помещение, Надюсик кинулся вдруг из угла, где явно дожидался: с вилкой в судорожно сжатой побелевшей от напряжения руке:

– Ах ты, б..., сучка вонючая! Тварь поганая! Я ж тебя сейчас ...!

Доли секунды хватило, чтоб проникнуть в примитивно устроенное и раскрепощённое действием алкоголя, сознание.

Так. Злоба. Разочарование от того, что мерзкий план не удался. Желание изуродовать лицо, отомстить. Но...

Никакой «любви», или даже ревности к тому объекту, что она «коварно отбила»!

Только банальная, всепоглощающая, чёрная зависть! И ненависть!

Ну, раз так – то получи, голубка!

Увернувшись, натренированной рукой Сэра что было сил врезала бывшей подруге между глаз – та отлетела на ближайшего парня, и они вместе с ним грохнулись на пол.

«Девочки» делавшие вид, что не смотрят в их сторону, как-то сразу отвернулись совсем. Волну эмоций страха, зависти, и невольного уважения Сэра ощутила даже кожей на затылке. Те, кто «обещал» помочь накостылять коварной гадине, теперь искали, как бы свалить из Дома Культуры к такой-то матери – опасались, что она как-то вычислит их.

Правильно, в общем-то, опасались...

Парни, не столь театрально рисовавшиеся, и смотревшие на «победоносное» возвращение открыто, не придумали ничего лучше, как заплодировать, и заорать: «Браво!», «Вот это – удар!», «Так её!», «Вот уж – ведьма, так ведьма!».

Сергей тоже поаплодировал:

– А неплохой у тебя правый апперкот! Научишь?

Она взглянула ему в глаза.

Он понял. Кивнул:

– Ну, тогда пойдем ещё чего-нибудь выпьем...

На этом месте она всегда просыпалась.

Блин...

Достал уже её этот сон! Неужели это подсознательная, так за это время и не рассосавшаяся ненависть к Надюсику, (Пусть та и правда – подлая тварь!) вынуждает её каждый раз видеть именно *такую* картину?..

И ведь не сходишь здесь к психоаналитику.

В себе самой придется разбираться...

Вот именно – самой.

А ещё она думала, что ударь она в челюсть – наверняка сломала бы!..

– Сегодня полетаем! – миссис Ренилла внимательно рассматривала вынутую из угла метлу Сэры, – Ты что, вставляла новые прутья?

– Да! Это потому, что брала отсюда на кости для Хамви... А как вы узнали?

– Дай-ка руку. Проведи вот здесь. Нет, глаза закрой! Видишь – вернее, чувствуешь – там, где прутья не смазаны зельем облегчения, вести трудней – словно по наждачной бумаге! – Ого! А ведь верно... *Это* чувствуется!..

– А теперь, – миссис Ренилла перевернула пук веточек, – проведи-ка. Чувствуешь?

– Да! Здесь – словно по шерсти... Кого-то вроде кошки! Мягко и легко!

– Вот! В-принципе, верно описала, потому что шерсть кошки входит в Зелье для облегчения... Ну ладно – рано или поздно всё равно пришлось бы заняться: чтобы ты всегда могла починить, или попросту – заменить метлу! Садись. Будем изготавливать!

Изготовление заняло побольше часа, потому что некоторые ингредиенты пришлось тщательно истолочь в ступке, а кое за чем миссис Ренилле пришлось и слетать в Лидию, пока Сэра усердно долбила, отвешивала, и смешивала в огромном чугунном котле на газовой плите (Печку она попросила «не заванивать!») всё, что полагалось раздолбить, отвесить, и смешать.

Шерсть чёрной кошки она настригла как могла мелко, здоровущими портняжными ножницами – ничего более подходящего для «измельчения» придумать не смогла.

Возникшая возле стола миссис Ренилла принюхалась:

– Дьявол его задери! Слишком сильный огонь – ну-ка, подрегулируй!

Сэра так и сделала, привычно повернув ручку. Самая банальная газовая конфорка давала как раз то, что нужно: ровный и бездымный жар, в отличие от костра, при использовании которого ещё приходилось следить за дровами и упора-

ми средней палки... Чтоб не сгорели, вывалив, как уже случилось, тщательно пестуемое многокомпонентное хозяйство в угли.

Теперь жёлто-зелёное вонючее варево кипело не так сильно, и Сэра даже открыла настежь дверь, чтобы испарения и запах ушли наружу. Миссис Ренилла одобрительно хмыкнула:

– Ну-ка, настругай и брось ещё вот это!

«Вот это» оказалось палочками не то из ревеня, не то – хрена обыкновенного, не то вообще восковыми свечками. Сушёными. Это не помешало Сэре мелко настругать их на самой обычной тёрке, и, словно морковь в суп, отправить в котёл.

Через десять минут кипения, когда плохо помогала уже и распахнутая настежь дверь, учительница, скривив нос, сооблаговолила успокоить:

– Порядок. Во... э-э... вернее – пахнет так, как надо. Выключай!

В ещё паривший и побулькивающий жирными матёрыми пузырями отвар они погрузили прутья метлы Сэры, да и миссис Ренилла свою обмакнула – «так, знаешь, на всякий случай!» Затем обе метлы были прислонены к перилам крыльца. Оглушительно во... э-э... вернее, пахнувший котёл был тоже вынесен наружу, а обе женщины уселись за стол.

– Пока они сохнут, коротенько о нашей сегодняшней задаче. Я буду скисать молоко, и беспокоить коров. Ты – про-

сто попытаешься лететь за мной, удерживаясь на той же высоте, и прикрывать тылы. Это – на случай, если появятся бесы. Их, ну вот как мух на д...о, тянет на заклинание скисания! Появятся – кричи мне! Сама ни в коем случае не сбивай их. Ты ещё не знаешь как это делать *правильно*. То есть – экономя силы. Понятно?

Понятно-то оно понятно... Но вот – бесы?! Или – снова всё по Гоголю? Только теперь из «Ночи перед Рождеством»? – она поторопилась покивать:

– Всё понятно, миссис Ренилла! Только... Как летать-то?!

– Вот уж не проблема. Когда сядешь на метлу, скажи ей только: «Лети!» Ну, мысленно, разумеется... А потом только корректируй: «выше, ниже, быстрее, медленней, правей, левой...» Поняла?

– Э-э... Вроде, да. – на языке вертелась тысяча вопросов! Но, похоже, задавать их нужно позже – когда она действительно попробует!

– Отлично. Значит – вперёд. Думаю, Зелье впиталось. А, кстати! Если пойдёт дождь – срочно возвращаемся! Дождь вымывает из метлы впитавшееся Зелье. Так что её подъёмная сила падает. Как и скорость. А поддерживать полёт только своими силами, как я уже говорила – быстрее состариться! Ну, давай! Сегодня работаем в Океании.

– Я – здесь и не здесь! Я – везде и нигде! Я – в Океании!

Поднять метлу в воздух оказалось несложно.

Сложно оказалось удержаться на ней так, чтобы не переворачиваться головой вниз!

А уж перевернувшись, вернуться снова в «нормальное» положение не удавалось ну никак! Пришлось два раза опуститься обратно, на заросший цветочками ночной луг, где они возникли, позорно «сваливаться» спиной с непокорного транспортного средства на мягкую траву, и опять осваивать правильный хват, и позу.

Наконец Сэра смогла сесть в точности как миссис Ренилла: вплотную прикинувшись туловищем к горизонтально висящему черенку, и надёжно обхватив его и руками и ногами! И для противовеса спустив скрещенные ноги вниз. Дико!

Да уж, это вам не кресло в самолёте. Но летать... Лёжа?!

Хотя лучше уж лёжа, чем вниз головой... Она кивнула на вопросительный взгляд.

Полетели!

Словно две... *Ведьмы* – они взмыли над лесом!

Господи, какая красота! И, если расслабиться и лететь *правильно*, сил, оказывается, и правда – почти не отнимает!

Похоже на неторопливый полёт на вертолёте, только абсолютно бесшумном и без мельтешения дурацкого винта над головой – а внизу, так странно выглядящие вблизи сверху, макушки деревьев: остренькие и лысоватые – елей, бесформенные широкие – дубов, топорщащиеся горизонтальными как бы слоями – сосен... Ну и дремучие здесь леса!

Затем, когда они поднялись повыше, масштабность от-

крившейся картины позволила переоценить ландшафт.

Леса, отсвечивающее серебром полотно реки, чернеющие бороздками квадратики обработанных полей, и крохотные, нереально игрушечные, бревенчатые домики!

Похоже, цивилизация пока не коснулась Океании – нет ни столбов с проводами, ни электричества: оконца, затянутые чем-то малопрозрачным, (Коровьими кишками, что ли?!) пропускают лишь слабое зарево света – словно от свечей или очагов! Да и запах...

Принюхавшись как следует, она обнаружила, что пахнет... Дикой природой! Ни тебе копоты выхлопных газов, ни солярки! Не ощущалось даже вездесущего табачного дыма, к которому у неё ещё дома намечалась острая идиосинкразия...

Зато обалденно свистел ветер в ушах, и наносило не то навозом, не то – парным молоком. Вскоре она смогла абстрагироваться от ощущений полёта – всё-таки к этому надо привыкнуть! И никакого восторга она, если честно, не испытывала – только опасение снова перевернуться вверх тормашками! – и с интересом взглянуть на то, как работает миссис Ренилла.

Та, пролетая над единичными домиками, или целыми посёлками, даже не замедлялась: проводила над ними рукой, и вполне громко, не опасаясь, что её услышат, кричала:

– Я, Ренилла, приказываю тебе, молоко: скисни! И вам, приказываю, коровы, свиньи, овцы и лошади: проснитесь, и

ревите! И мычите! Куры! Падайте с насестов!

Похоже, так всё и происходило, потому что звуковой след из мычащих и ревущих коров, и даже визг не то свиней, не то – овец, и нестройное кукареканье и кудахтанье, следовали за ними почти неотступно! И тут же хлопали двери, выпуская полосы света, и бегущие обеспокоенные фигуры с фонарями в руках, а иногда – и с палками, или луками... Уж не их ли эти наивные деревенщины собирались сбивать?!

Что-то насторожило Сэру. Что-то там, за спиной, происходило – но не на земле, а в воздухе! Она поторопилась приблизиться к учительнице, и заорала во всю глотку:

– За нами кто-то летит! Я его... Чую! И – вот теперь! – вижу!

Действительно, некий сгусток ещё большей черноты на фоне чёрного неба стремительно приближался к ним.

Бесы?..

Миссис Ренилла кивнула:

– Разворачиваемся! – они так и сделали, замерев в воздухе.

– Держись сзади, и старайся не высовываться!

Налетавшая чернота распалась на отдельные точки-кочки. Ого!..

А выглядят-то эти оскаленные белыми зубами рожи весьма... Неприветливо. Такое же выражение Сэра видала у акул-людоедов в документальных фильмах – обычно оно появлялось перед тем, как хищные бестии собирались... Отку-

сить кусок побольше!

В первую подлетевшую уже, как казалось Сэре, опасно близко, физиономию, миссис Ренилла...

Плюнула!

Возможно, что она при этом что-то и сказала, (Сэра этого не слышала!) тем не менее фигура, словно сбитый самолёт времён Второй Мировой, с диким рёвом, свистом, и ругательствами, не заглушаемыми даже расстоянием и воплями остальных, понеслась к земле.

Остальные бесы, телом выглядевшие ну в точности как сатир на картине Рубенса, ругаясь куда свирепей, так, что у Сэры, если бы она не прошла «школу» подросткового общения с мальчишками, а затем – и с пьющими парнями, уши сложились бы в трубочку – поступили нечестно: стали заходить на них со всех сторон!

Миссис Ренилла только и успевала вертеть головой и отплёвываться – что-то она, видать, всё же говорила слюне напутственное: та летела прямо, словно пуля из ружья, и разила без промаха! Но Сэра-то сознавала, что запасы слюны у учительницы не бесконечны!

Поэтому попробовала помочь: в особо наглого, и подлетевшего снизу беса плюнула сама. При этом думать могла лишь об одном: «Слюна! Лети прямо! (Только бы попасть!)»

Попасть-то попала... Правда, бес не улетел с рёвом и проклятьями вниз, к земле, а наоборот: взвился ввысь словно ракета! А уж вопил и ругался так, что вся предыдущая ру-

гань казалась лепетом малышей, рассказывающих стихи на детском утреннике!..

Она не позволила себе проследить за ним взглядом: как раз сбоку подлетел ещё один наглый тип, непристойными предложениями и жестами почти вогнавший её в краску (Вот хорошо, что снаружи темно – не видно!), и она влепила в него остаток вязкой слюны, тщательно собранный по закоулкам рта!

Этот завопил даже ещё громче, но ринулся не вверх, а к реке: она увидела, как на глянцево-сизой в отсвете луны поверхности возник огромный всплеск и воронка – как от снаряда! Впрочем, воронка быстро затянулась...

Теперь, когда «на борту кончились снаряды», им с миссис Рениллой пришлось пытаться оторваться от оставшейся троицы, маневрируя! Вверх-вниз, вбок-прямо!

Сэра почувствовала приступ морской болезни – такой с ней случился только однажды, на корабле, плывшем по Днепру – там, у тётки...

Она запретила себе тошноту, и представила сочный лимон – как его разрезают над маленьким блюдечком с серебряной каёмочкой, как ножик, аккуратно, словно надпиливая, делает возвратно-поступательные движения, отделяя сочащийся соком ломтик, и чудесный терпкий запах цедры отдаёт в глубину ноздрей, а рядом – сахарница, куда рука уже несёт... Слюна буквально затопила рот!

После этого сбить двух из оставшихся трёх придурков

проблемы не представило!

Миссис Ренилла завопила с неожиданной кровожадностью:

– Хватай этого! Возьмём живьём! Из шкуры мэтр Дониёр сделает отличное чучело, а из кишок – я – эликсир растворения!

Эффект оказался неожиданным: последний бес испуганно заверещал, его тело перекувырнулось в воздухе, и волосатый копытный рванул прочь так, словно за ним черти гнались! (Впрочем – тьфу-тьфу! Чертей им сейчас только и не хватало!..)

Почесав в затылке, она подлетела вплотную к учительнице, не без сожаления провожавшей удравшего взглядом, и не придумала ничего лучше, чем спросить:

– Миссис Ренилла. Вы – как?

– Нормально. – та тяжело дышала, и с явным трудом охватывала черенок, перебирая по нему вспотевшими ладонями, и вытирая их по очереди о штаны, – Как сама?

– Жива осталась... Миссис Ренилла! А чем отличаются бесы от чертей?

То ли вопрос оказался не ко времени, то ли действительно поставил миссис Рениллу в тупик: она молчала с полминуты.

– Знаешь, для первой встречи ты неплохо сориентировалась, конечно... Молодец. Спасибо. А насчёт твоего вопроса могу привести пример из *твоей* реальности: понимаешь, чем отличается щука от касатки?

– О-о!.. Так бесы – это...

– Это просто – мелкие хулиганы, и... Ну, когда удаётся, конечно – и насильники.

Уж они-то не упустят случая, если удастся сбить и одолеть за счёт «численного перевеса» парочку симпатичных девушек... В твоём Мире они обычно маскируются под кинопродюсеров, деканов институтов, главных менеджеров... Да и вообще – всех тех, кому служебное положение позволяет или задурить голову бедным студенткам-абитуриенткам, или воспользоваться, как говорится, этим самым «служебным положением»... – миссис Ренилла уже полностью успокоилась, и сейчас резко выдохнула, – Ф-фу!.. Ну, опускаемся на землю, и – домой! Всё равно работать уже поздно – скоро закукарекают певцы Зари!

Уже на лужайке перед домом она всё же пожалала Сэре руку:
– Отлично за сегодня. Собственно, я в тебе и не сомневалась. Просто... Сегодня почему-то бесов оказалось вдвое больше, чем обычно... Пора, наверное, устраивать отлов. И... Вот ещё что. Я специально не говорила. Теперь-то тебе понятно, чем и кем кишела твоя планета всего каких-то восемьсот лет назад? И почему святая Инквизиция работала, не покладая рук – буквально как папа Карло?

– Миссис Ренилла!!! Так вы... Вы!.. – от шока она не смогла закончить фразу.

– Да. Я. – миссис Ренилла позволила себе хихикнуть, – Океания – название *вашего* Мира. Ну ты что – забыла? Это

же он на три четверти покрыт водой? Так что мы-то здесь вначале думали, что вы, назвав его так, просто... Хм. Прикалывались. Иронизировали.

А не сказала этого сразу я по очень простой причине.

Чтобы ты могла работать без предубеждённости. Не думая о том, что ты – дома... Что там, *в реальности*, всё будет сложнее. А сейчас – видишь?

Не сложнее! И теперь для тебя не существует барьера самоограничения!

– Ох, миссис Ренилла! – ноги Сэры как-то вдруг задрожали, и она поспешила плюхнуться на табуретку, которую рука учительницы быстро достала прямо из воздуха, – Как я, оказывается, испугалась!..

– Ничего. Уже расслабься: ты – дома, и всё в порядке! Жаль, правда, что беса не отловили...

– Так вы... Вы действительно?!..

– Ну да. Мэтр Дониёр – заядлый охотник. Да и рыбак. Ты попроси его как-нибудь показать тебе коллекцию чучел, и снятых шкур – у него увешаны все стены, и застланы полы. И он ею – не без оснований! – гордится!

Ну, и как наглядные пособия иногда используем.

Сегодня мэтр Андервуд притащил странную коробку. Чёрную. Явно – тяжёлую. Обитую полосами пятимиллиметрового железа. О-хо-хонюшки...

Похоже, внутри кто-то ну очень страшный. Или – ядови-

тый!

– Приветствую, Сэра! Сегодня будешь творить Щит, и учиться избегать атак *магическим* оружием! Так что оденься как для боя!

Она мгновенно оказалась в коже.

Мэтр довольно хмыкнул:

– Неплохая реакция. Только – всё ещё слишком медленно. Нужно – вот так! – она буквально не успела моргнуть, как на нём оказался панцирь из не то – кевлара, не то – лакированного чёрного железа, – Вот, смотри – эта штука отлично защищает от кислотных плевков... – Она недоумённо раскрыла глаза, и рот начал открываться тоже. Профессор поторопился пояснить:

– Кислотные плевки! Ну?.. Ты же уже использовала – когда сбивала бесов!

Вот только теперь она поняла, отчего эти паршивцы так орали, и корчились – она, оказывается, плевала концентрированной кислотой! Невольно она расправила плечи, откинув голову. Впрочем, это не укрылось от бдительного ока мэтра Андервуда:

– Не очень-то гордись пока. Бесы – самые слабые наши противники. Почти не умеют творить магию. А тебе советую одеться, как я!

Она внимательно оглядела его. Панцирь прикрывал тело до колен. На ногах – поножи, почти как щитки у хоккеистов, а голова – прикрыта до глаз рогатым шлемом, словно у древ-

них викингов, тоже, похоже, из лакированного чёрного железа.

Для проверки она даже постучала по шлему и панцирю костяшками пальцев – точно, железо! Ладно – она запросто такие... Чёрт! Изготовить-то изготовила, а вот удерживать на себе двадцать с лишним кило... Хорошо, что каждое утро занимается по полной программе! Да и мэтр Гриф скучать и прохлаждаться не даёт.

– Хорошо. Теперь смотри!

Мэтр Андервуд встал лицом к ящику. Выбросил вдруг в его сторону левую руку, локтем вперёд, и крикнул: «Щит!»

Внезапно в его сжатом кулаке оказалась рукоятка, от которой почти мгновенно – она только чудом успела уследить! – раскрылся словно бы зонтик! И вот перед мэтром чёрный щит из такого же материала, что и нательная броня.

Щит прикрывал почти всё – от выставленных над ним щёлочек глаз до поножей. Весил он, судя по напрягшимся мышцам руки, килограмм десять. Надо же!

– Общая идея понятна? Отлично. Я специально показал помедленнее. – (Если *это* – помедленнее, то она – японская Императрица!), – Тогда о технике.

Раз ты можешь одевать такие доспехи, – он похлопал ей по груди, отдавшей звонким, словно от медного таза, гулом, – значит, можешь создавать их и отделёнными от тела. Главное – представить, что в руке удобная... Ну, скажем, от дверцы автомобиля, ручка, и всё – словно вырастает из неё!

Пробуй! И не забывай: в левой – Щит, правая – свободна! Мало ли каким оружием придётся воспользоваться! (Только не сегодня!) А, вот ещё что: руку заранее согни – Щит обычно получается тяжёлый, и вторая его петля должна приходиться ближе к локтю...

Она так и сделала.

Примерно на тридцатый (Впрочем, может, и на тридцать пятый – она не считала!) раз мэтр, находивший почти каждый раз всё новые ошибки, оказался удовлетворён скоростью и прочностью Щита. Поцокал языком. Покивал с умным видом. Сказал:

– Ну а сейчас – то же самое, но – в условиях, «максимально приближённых к боевым». Здесь, в ящике – Ваттерия. А, ну да – откуда же тебе... – он кивнул в ответ на её недоумённый взгляд, – Ваттерия – межвидовой гибрид. Продукт искусственного скрещивания. А именно – помесь гаттерии, то бишь, большой древней ящерицы, и василиска. Да-да – того самого, легендарного. Коварная змеюка, убивающая взглядом. Ну, это по легенде так. И в вашем дурацком фильме про Гарри Поттера. (Вот уж навредил он реалистическому восприятию Миров нашими будущими возможными учениками...)

Словом, взглядом убить вот так, сразу – невозможно. Обездвижить – да! А чтобы убить застывшую жертву, василиск, как, собственно, и мы, плюётся ядовитой слюной! Да, словно плюющиеся кобры, или духовые трубки со смазан-

ными кураре дротиками, используемые туземцами бассейна Амазонки.

Аналогия уместна: яд кураре – почти точный аналог того, которым пользуется василиск. Ну, с ним-то самим тебе встречаться рановато... Да и мало их осталось – поэтому живут в Заповеднике, и тщательно нами же охраняются: не дай, как говорится, Бог, какая-нибудь сволочь решит в очередной раз «очистить Мир от всякой нечисти»!

Собственно, ваттерию тоже жутко сложно вывести. Ну, понимаешь трудности наших учёных-селекционеров? – да уж! Особенно если представить, что василиски всё-таки не особо приятные «производители»! Бедный мэтр Администратор и другие учёные... – Так что уж будь добра, этот экземпляр постарайся не... Испортить! Не атакуй!

Она кивнула, переступив ногами для более устойчивой опоры. Потом – вспомнила!

– Мэтр Андервуд! А как же Хамви?!

– Не бойся. Ему ваттерия не повредит. Он же – *созданный*. Значит, ни к гипнозу, ни к яду почти не чувствителен. А боится только Наговоров, Зелий, и стали. Ну, оружия! Но вот чтобы он не отвлекал тебя сейчас ненужными попытками защитить... – мэтр легонько щёлкнул пальцами, и летающий бобёр, с обоснованным подозрением наблюдавший за их приготовлениями с печи, оказался на улице, где принялся возмущённо фыркать, скулить, и скрестись в стекло. Мысленно Сэра приказала ему не мешать. Подействовало.

– Ну, давай. Открываю!

Мэтр, повозившись и проворчав что-то насчёт «чёртовых бюрократов», снял казённого вида печать – её наверняка наложили какие-то дотошные чиновники из Администрации Вивария! – и отпер замок висящим на верёвочке на шее ключом. После чего поспешил отойти так, чтобы крышка ящика закрывала его.

Сэра глубоко вдохнула. Как там учил мэтр Гриф – со всей концентрацией? А ещё надо – «не повредить экземпляр!»

Вперёд!

Взгляд застыл, сконцентрировался на крышке. Вот мэтр стал открывать её. Время будто затормозилось – стало тягучим и густым как сироп! Словно в замедленном кино из-под крышки возникла уродливая голова с высовывающимся сквозь треугольную пасть раздвоенным языком... Пора!

– Щит!

Щит прыгнул в её напряжённую руку – верхний край она успела даже оснастить щитком из плексигласа! Второй щиток уже опускался, как забрало, со шлема.

Вот в эти щитки и ударила спустя буквально доли секунды, мощная струя жёлтой, пахнувшей чем-то отвратительно едким, жидкости!

Брызги разлетелись по всей комнате, вызывая там, куда попали, шипение и струйки дыма. Она выругалась (Про себя, разумеется!). Но тварь-то – не успокоилась!

Она, помогая себе непропорционально крохотными лап-

ками, вылезла из ящика на край стола, и повторила плевков – целясь уже в ноги!

Чёрт! Тумбочку!

Именно этот, спасший её в своё время от злобной собаки предмет мебели, она и поторопилась вставить между своими ногами и летящими каплями!

Хм... А сработало! Хотя передняя панель «отважной» мебели оказалась полностью испорчена: проедена, словно кислотой, насквозь! Правда, это они обнаружили уже потом.

А пока мэтр Андервуд торжественно пропел какое-то заклинание на не то – древнегреческом, не то – на латыни.

Ваттерия, плотоядно облизывавшаяся, и уже собравшаяся было прыгнуть вниз, на пол, зевнула, словно даже улыбнувшись. Мэтр продолжил заунывно-велеречивое не то пение, не то – мелодекламацию. Метровая тварюга довольно выдохнула (!), свернулась кольцом, засунув голову под свой же хвост, и расслабилась – совсем как Хамви, когда перепьёт молока...

Надо же, подумала Сэра – а весьма милая зверушка. Если бы не отвратительные манеры за столом... Нет – на столе. Мэтр Андервуд, кажется, испытывал сходные чувства: во всяком случае, упихивал он ваттерию в ящик весьма бережно, и с улыбкой что-то всё ещё напевая.

Когда замок оказался надёжно заперт, Сэра спросила: – Так ваттерия – мирная ящерка?

Мэтр ощутимо смутился:

– Ну... В-принципе, да. Если не злить её, и если она сыта – можно пройти в двух шагах, и она даже не почешется. Приручённая – вообще ведёт себя почти как твой Хамви. Или моя, как ты её охарактеризовала мысленно – «горжеткозмея». Только ваттерия – рептилия, а твой питомец – всё же млекопитающий. Вроде.

А чтобы ваттерия рассердилась, и начала плевать – её надо предварительно разозлить. Так что ты уж извини. Я как мог переворачивал и тряс коробку, пока нёс её к тебе. Ну, и шипел на неё, разумеется. Но должен же был я, чёрт его задери, обучить тебя владеть Щитом, в условиях вот именно – «максимально приближенным к боевым»!

А для этого лучше всего подходит сердитое и реально опасное существо – в качестве стимула! – мэтр почесал затылок, – А как ты догадалась?

– Да по вашему же поведению. Вы так бережно укладывали её обратно. Напевали. Я сразу вспомнила, как нежно вы относились к своей горжетко-змее. И как я сама отношусь к Хамви... Так что думаю, угадала – ваттерия служит только для уроков.

– Собственно... Да. Как наглядное пособие она – незаменима. Хотя и не все ученицы догадываются, как ты, о её вполне мирном и безобидном нраве. А ядом она плюётся, только когда на неё нападают. Она даже пищу себе добывает как мама-гаттерия: ест моллюсков и всяких крыс-мышей. Она, кстати, куда шустрей настоящих гаттерий. А вот от от-

ца – бессмертна. Ну, и ядовита.

– Понятно. Спасибо, мэтр Андервуд. А когда вы принесёте мне кого-нибудь реально страшного? – мэтр рассмеялся. Покачав головой, сказал:

– Принести реально страшного сюда – невозможно. К реально страшным зверям и монстрам мы отправимся сами. И только в конце семестра. И – только после того, как я увижу, что ты готова. – он вдруг посерьёзnel, и она поняла, что шутки кончились:

– Готова убивать.

Потому что иным способом «остановить» большую часть реально опасных монстров невозможно!

– Сегодня у нас есть боевое Задание! – леди Барбро прибыла уже в полном полевом облачении: чёрная кожа замечательно подчёркивала её восхитительно стройные, хоть и отнюдь не поджарые, как у донны Недды, формы, – Хватит восторгаться, давай к столу!

Они встали как всегда – по обе стороны. Леди Барбро сотворила с десятков реторт и пробирок в штативах, щелчком пальцев зажгла бунзеновскую горелку.

– Запоминай! Основа – обычная вода! Да – такая же, как и у тебя здесь, в колодце! (Я, собственно, оттуда её и набрала!) Далее. Толчёные сушёные мухоморы. (Отличная, кстати, штука!) Немного омелы – это для придания длительности воздействия! Болиголов и мята. Дурнишник. – учительница

кидала всё перечисляемое, доставая из коробочек, туясков и мешочков, которые сами подлетали и открывали крышки, или развязывали горловины, – И в завершение – пучок вереска! Потому что действовать будем на территории древней Британии.

– А мы сегодня, получается, опять летим в прошлое?

– Ну да. А в чём проблема? – леди Барбро вскинула чёрные, как обсидиан, брови.

– Да собственно... Я давно хотела спросить – как мы, отправляясь в чужой, такой огромный, в-принципе, и с такой богатой историей, Мир, попадаем всегда именно туда, и именно в «тогда», когда нам надо?

– А, вот ты о чём. Да, есть способ. Это называется «Точка наведения». Ну, или проще, как при стрельбе: просто совмещаешь мушку с прорезями прицельной планки. Тут задача проста: достаточно, чтобы хотя бы один из переносящихся чётко представлял себе эпоху и место, куда нужно прибыть. А для этого он должен хоть раз там побывать!

Не хмурься – всеми этими тонкостями занимается мэтр Администратор. Это его учёными стараниями по всем Мирам и временам расставлены «реперные точки». А мы – только «пользователи». Ну, как в компьютере!

– А сами мы... Не можем открывать новые Времена и места?

– Можем, конечно! Но! На это уходит обычно слишком много сил. И воображение должно быть... Как у професси-

онального писателя – чтоб уж со всеми подробностями. То есть – с воздухом, годным для дыхания, давлением около одной атмосферы, температурой от ноля до плюс сорока... И так далее. И всё равно – сил на *такое* уходит жутко много... Так что, попав в такое место или время, становишься способна только повздыхать, поморгать, запомнить, и – назад! Чтобы уж в следующий раз столь сильно не концентрироваться! Ладно, что-то мы сегодня углубились в теорию. А у нас – дело! Идём, берись.

Леди Барбро, державшая одной рукой ручку большой берестяной бадьи с перелитым из котла не то Зельем, не то – Ядом, протянула ладонь.

– Значит, сегодня – наша цель твоя планета, твой Мир, в сто восемнадцатом году нашей Эры. Британия. Йоркшир. Расслабься! «Место прибытия» «воображать» буду я.

– Я здесь – и не здесь! Я – везде и нигде! Я – в Океании! Действительно, похоже на Британию – вокруг сплошь невысокие пологие холмы, поросшие чуть колыхающимся под ночным ветерком, вереском... Пустоши.

Холодно. Сыро. Темно. Пахнет... По-ночному. И ещё мёдом. Никого вокруг...

Только в отдалении, километрах в пяти, странное сооружение.словно частокол из высоких брёвен, чуть освещаемый сполохами словно бы разведённых позади него костров. Туда они и направились.

– Введу тебя в курс дела. Помнишь? Мы – плохие. Мы в

данном случае – за местных, бриттов. Они – варвары. Там, за частоколом – римский лагерь. Проконсул Гай Тиренций командует Пятым, вспомогательным, Легионом. Их задача – завоевать земли за фронтиром, то есть – границей, куда добралась римская экспансия, и закрепиться там. А-а, ты же не знаешь.

Бритты очень коварны (Ну, с точки зрения римлян!) и свободолюбивы. Империи всё никак не удаётся покорить остров полностью. Чтобы хоть как-то зафиксировать статус кво, они понастроили вдоль фронта фортов и Лагерьей, и вынуждены держать здесь массу воинов... И прочее в таком роде. (Собственно, римляне везде так действуют: будь то Галлия, северная Африка, или Турция). Сейчас как раз закончилось правление знаменитого Траяна – уж он-то поработал, присоединяя и завоёвывая... Даков. (Ну, это где сейчас у вас Румыния и Венгрия.) Золота вывез... Больше, чем даже Юлий Цезарь. Сюда не совался. Умный. Знал, что у этих-то и взять уже нечего.

Зато его преемника, Адриана, уж очень беспокоят регулярные, и всё учащающиеся, набеги местных на поселения колонистов – вот и хотят римляне дать наглým и распоясавшимся бриттам урок. Как бы.

Так что завтра у этих храбрых и дисциплинированных профессионалов, – леди махнула рукой в сторону Лагеря, – решающее сражение. Местные вожди и главы кланов сдуру решили, что раз их так давно не трогают – значит, сдулись на-

ши римляне, словно колесо, наехавшее на гвоздь. Вот и собрали огромное, но вооружённое только оптимизмом и поганым оружием, плохо (Точнее – никак!) организованное войско. Воевать они, разумеется, умеют... Но – только между собой.

То бишь, всё – как у подростковых банд: стенка на стенку! Согласием, заранее разработанным планом битвы, и тактическими придумками, как и единой дисциплиной – не пахнет. Личный героизм! Будь он неладен... Так что у них против отлаженной непобедимой боевой машины в лице Пятого Легиона, шансов нет. А наша задача – сделать, чтобы был! И чтобы побитых римлян отбросили обратно – на подконтрольные им земли...

И вот тогда – да, это явится решающим аргументом! – чёрт Адриан и займётся строительством вала имени себя, любимого – целых сто двадцать км поперёк всей Британии. Что на время отвлечёт массу военной, рабочей, и просто – живой силы. Поняла?

– Понять-то поняла... – экскурс в древнюю историю своего же Мира Сэра восприняла так, словно в первый (Собственно, примерно так и обстояло дело!) раз слышит. Однако не в этом сейчас состояла главная проблема, – Но не совсем понимаю, как мы, две симпатичные девушки в сексапильных кожаных костюмах, можем вдвоём... э-э... Ослабить боевой дух и физические кондиции всего чёртова Пятого Легиона! Это, насколько я помню – по две с половиной

тысячи здоровенных бугаёв на брата! Ну, то есть – на сестру...

– Хм! Я польщена, конечно, что ты подумала, будто мы... Неважно! – Сэра покраснела, радуясь только, что в темноте этого наверняка не видно, – Нет! Подключи-ка мозги! Ведь не зря же мы подготовились? – леди приподняла немаленький туяс.

– Да. Я помню. Думаю, мы попытаемся отравить огромные котлы с тем варевом, которое они едят на завтрак, и они... они...

– Не бойся! – леди криво усмехнулась, – Не перемерут! А просто их... Хм... Скажем так: прослабит! И – от души.

Однако! Тут надо действовать хитро. Если их прослабит раньше девяти утра – Проконсул просто отложит сражение. За этими стенами римляне недоступны, и могут держать осаду хоть месяц... Пока племена не перегрызутся между собой, и не разбредутся по домам. А если – к вечеру, то битва уже закончится, и все наши старания – насмарку!

Так что имей в виду: порцию в каждый котёл мы строго дозируем! По стакану!

– Теперь поняла. А как мы попадём внутрь? Там же наверняка часовые! Да и на кухне... Должны оставаться дежурные повара!

– Всё верно. Молодец. Мыслишь вполне стратегически. Правда, у нас есть План, и... маленькие хитрости! Сейчас, только запечатаю туяс... – леди Барбро из воздуха достала

крышку, накрыла, и зашипнула края по периметру, – Вот. Только слишком долго держать запечатанным нельзя – прокиснет. Ну, пора. Дальше нас *вот так* могут увидеть.

Они остановились. Леди Барбро поставила туяс на землю. Вздохнула. Подняла вверх руки. И вмиг вся одежда упала к её ногам. Боже! Сэра сглотнула – какое роскошное тело! Если донну Недду можно сравнить с вазой, то леди Барбро, скорее, с амфорой...

Сама она так эффектно раздеваться ещё не умела, но одежду скинула быстро.

– Помнишь, чему учила донна Недда? Давай – в пантеру. И не забудь: никаких белых пятен! И главное – не шуми! А то вон там, – леди кивнула, – лагерь маркитантов и шлюх. И не надо морщиться – нормально для огромной оравы половозрелых мужиков.

Превращение заняло секунд сорок: они не торопились. Закончив, внимательно оглядели друг друга. Порядок. В мозгу Сэры раздался голос Леди Барбро:

– Ну, вперёд! Бегом! – ручку туяса леди зажала в зубах.

Сэра не успела даже удивиться, что они запросто общаются телепатически, как уже бежала рядом, плечо к плечу с могучей и ровно движущейся, словно механической, машиной. Впрочем, нет – механическая машина не двигалась бы столь грациозно и плавно, даже будь она оснащена движком на ядерной энергии – в леди Барбро ощущалась и целеустремлённость, и звериная, первобытная мощь, и рациона-

лизм – туяс даже не раскачивался, и она не тратила ни единого движения напрасно!

Чего никак нельзя было сказать о Сэре: бег в виде большой кошки оказался жутко непривычен! Задние лапы выскакивали из-за ушей! – ну, с этим смириться ещё можно...

А вот с тем, что зрение оказалось на уровне колен – куда сложнее!

Непривычные резкие и отчётливые, неведомые и незамечаемые до этого запахи упруго били в ноздри, наполняя сознание и словно бы концентрированной хвоей, и вереском, и росой... Чуткого слуха достигали ультра-, и сверхнизкие, неразличимые людскими ушами, звуки: стрёкот кузнечиков, уханье филина где-то в отдалённом лесу, писк полевых мышей – прямо сквозь землю, резкие удары-выкрики летучих мышей на охоте! Было похоже, что эти словно бы и правда, удары с неба – будто снаряды: сбивают и оглушают ночных бабочек, и прочих насекомых!

Впрочем, особо насладиться новыми ощущениями не удалось. Не прошло и пары минут, как они уже оказались у угла квадратного сооружения.

А частокол-то... Высокий! Метров пять! И брёвна – будь здоров! Правда, необработанные – коры и остатков сучьев полно. Леди Барбро аккуратно встала на задние лапы, прислонив передние к ближайшему бревну:

– Минутку... Часовой... Порядок! Лезь за мной! Используй когти!

То ли учительница специально выбрала место, где подъём оказался полегче, то ли действительно когти сильно помогли. Но взобраться на вершину оказалось нетрудно – не больше полминуты!

А-а, вот почему они задержались! Часовой уже мирно дрыхнет, опершись на копьё!

Потрясающая способность – усыплять на расстоянии! Вот бы и ей научиться! Да и спать стоя – гениально! Ай да римлянин! Впрочем, чтобы так суметь, наверное, нужно попрактиковаться лет десять. Да и без помощи со стороны Леди Барбро наверняка не обошлось...

Мягко опустившись на помост, идущий в шаге ниже кромки острий вдоль всей стены, вниз они попали по пандусу – и вот они в Лагере!

Леди поворчала что-то, и вот уже часовой снова ходит, переключаясь иногда с коллегами на трёх остальных башнях прямоугольника гектара на два...

А здесь и правда – у каждого угла горят костры, и в центре горят, у больших палаток – очевидно, командиров... Но им и не нужно рассматривать и изучать внутреннее устройство ровных рядов временного жилья – леди Барбро повела её прямо к кухне.

– Посиди здесь. Я поработаю с поварами. – её спутница опустила туяс к её морде.

Сэра плюхнулась на задницу, ощущая себя довольно глупо – высохшая трава кололась. Блин! Нечасто ощущаешь

природу *этим* местом. Да ещё и голым...

Леди Барбро же вновь превратилась в женщину. И смело вошла в проём бревенчатого приземистого барака, из которого тянуло варевом чего-то очень знакомого.

Сэра привстала. Огляделась. Никого! Только тоскливо за-унывное: «Слу-у-ушай!» часовых... Она решилась всё же заглянуть – что там делает учительница? Вдруг что пойдёт не так?

Леди Барбро стояла недалеко у входа, воздев руки к небу. И что-то читала напевное, а двадцать восемь дюжих бугаёв, в серых и зелёных штанах, и не то – балахонах, не то – рубахах, разинув рот, и выпучив глаза, внимали.

Следующее, что Сэра ощутила – что её весьма грубо трясут за шиворот, чуть слышно бормоча в ухо:

– Проснись! Да проснись же, соня несчастная! Ты же, вроде, по латински не понимаешь! И как это тебя... – Сэра вско-чила. Вернее – попыталась: она и забыла, что теперь – кошка. Поэтому плюхнулась обратно на все четыре.

В голове отчётливо прозвучало теперь уже мысленное:

– Если я сказала – тут, значит – тут! Представь, что было бы, если б ты здесь осталась «досыпать»! – да уж, хорошего мало. Сэре стало стыдно:

– Простите, леди Барбро! Мне стало любопытно. Ну, и ещё я боялась за вас: вдруг что не так! А вы – одна! И некому прикрыть спину!

Леди Барбро хмыкнула. Потом смилостивилась:

– Ладно уж, прикрывальщица... Идём. Нет уж: давай в девушку – лапами не так удобно!

Для отмеривания стакана воспользовались римским оловянным кубком – благо, он примерно соответствовал. Когда во все двадцать три котла влили что положено, леди заставила её всё добросовестно размешать огромными деревянными ложками-поварёшками, что прилагались к каждому котлу-казану:

– Давай-давай. Чтобы в другой раз слушалась.

Булькающее над кострами варево оказалось кашей-полбой. Пахла она... Кислятиной. И ещё чем-то затхлым. Плесень? Дрожжи?

В дальнем углу стояли мешки, в другом – топящиеся печи.

На полках – уже выпеченный и остывший чёрный хлеб. С отрубями и... опилками?!

А-а, нет – это дроблёные травы! Наверное, от цинги. Сэра подивилась: бедные солдаты! И вот на таких харчах они завоевали для Цезарей половину известного тогда Мира!.. Наверняка у них и без посторонней помощи на такой диете нет проблем с запорами...

Бедняги. А сейчас по их с леди милости они ещё и капитально обо...тятся!.. Хм!

Вряд ли они особо удивятся – с такими-то продуктами!

– Ладно, нам пора! Сейчас эти балбесы начнут приходить в себя.

Отход проблем не создал – часового вмиг отправили снова досыпать, впрочем, разбудив, как только закончили спуск. Вот уж в виде кошки это оказалось потрудней, чем женщиной! Сэра всё равно отодрала когтями задних лап здоровенную щепку – если б часовой ещё не спал, тут бы им и!..

Уже одевая обратно промокшую от утренней росы одежду, леди Барбро подвела итог:

– Отлично прошло. Час на подход, час – на саму операцию. Сейчас – полчетвёртого. Есть начнут в шесть. Через четыре-пять часов зелье сработает. На бой выйдут к девяти. Как раз нормально. Варвары погонят солдат, которым станет не до битвы, обратно в Лагерь. Те запрутся. А потом – отойдут на старые рубежи. Потому что посчитают, что здесь... *Нездоровое место.*

Мы – молодцы. Предотвратили распространение экспансии Империи, несущей так называемую «Цивилизацию»! Сохранили альтернативный Центр для образования новой Империи. Ну а теперь – домой!

Дома оказалось, что прошло то же самое время – два с небольшим часа.

Тем не менее Леди Барбро сказала что на сегодня довольно, и выставила четыре – за непослушание. Ну и ладно – Сэра вполне постигла технику действий.

Однако кое-что всё же угнетало её.

Поэтому она, когда закончились послеобеденные занятия

с мэтром Дониёром, сегодня никуда её не возившего, а заставившего учить историю халдейской магии и ритуалы древних цивилизаций Месопотамии, пошла в Храм.

Мэтр Администратор, похоже, ожидал её прихода.

Во всяком случае, он не стучал пальцами по клавиатуре, и не делал вид, что чем-то ну очень важным и спешным занят:

– Здравствуй, Сэра.

– Здравствуйте, мэтр Администратор. Я... Можно вас спросить?

– Конечно. Присаживайся – кресло уже стояло напротив него и чуть сбоку у стола.

– Спасибо. Я вот хотела узнать про свою будущую... Работу. – он покивал, но перебивать не торопился – ждал, пока она сама созреет.

– Я так поняла, мы... Подправляем не только то, что нас не устраивает в настоящем, но можем изменять и... Прошное?

– Разумеется! Разумеется. И весьма часто. Конечно, я понимаю, это не может не вызывать у тебя вопросов: ведь История с большой буквы уже, вроде, свершилась, и зафиксирована в Хрониках, мемуарах очевидцев, и даже учебниках... Всё верно.

Здесь я должен снова вернуться к литературным источникам. Читала «Конец Вечности» Азимова? – она покачала головой, – Понятно. Ну ладно – основную идею этого гениального не то – предвидения, не то – воспоминания можно пе-

редать в двух словах.

Донельзя размеренное и казарменное Будущее Общество людей ютится на планете Земля. Перспектив нет. Потому что весь остальной Космос давно поделен, и используется другими расами. А получилось так потому, что клан жрецов-технократов получил доступ к возможности изменять прошлое, и затормозил развитие ракетной техники и космонавтики: космос «расхватили» чужаки, пока люди *мирно* обустроивали свой мирок...

А для лучшего «обустройства» верховные правители вносят изменения в прошлое.

И хоть пользуются они этим весьма сдержанно, и только производя «минимальные воздействия», вся Цивилизация, Наука, Культура... ну, и всё остальное – застыло на тысячелетия! Словом – почти как средневековое состояние Европы... Стабильность, мир, и неизменность как способа правления, так и всей техники, и технологий, приняты как основные критерии для всеобщего процветания. Ни научных открытий, ни новых земель...

Скучно? Да. Глупо? Не то слово!

Но катаклизмов и серьёзных общественных потрясений типа Войн или экономических Кризисов, разумеется, нет. Все живы и здоровы. Сыты. Работают. Счастливы. По-идее. Не надо морщить губки – этот бред мог реально воплотиться в жизнь, если бы Азимов не предупредил остальное человечество, вероятнее всего высмотрев эту Антиутопию в Еди-

ном Информационном Пространстве.

Она похлопала глазами, нахмутив лоб.

– А, ну да – ты же ещё не проходила теорию многомерности Сущностей!

Словом, есть такая Теория: что всё, что происходило, происходит, и будет происходить – материально! Неизменно. И записано, словно музыка на старых дискетах, или слова на каменных скрижалях – в этом самом Едином Поле-пространстве. Совсем как у древних греков: вся наша Судьба предопределяется Парками, и неизменна и просчитана, так сказать, заранее. Детерминирована, говоря по-научному. Пока – понятно? – она кивнула.

– Ну а дальше, когда дело доходит до конкретных Миров, всё становится куда запутанней и сложнее. Мы *не* препятствуем происходящим в этих Мирах локальным войнам и кризисам! Это бессмысленно, потому что они – мощнейшие рычаги для развития науки и промышленности. Наша задача – предотвращать *глобальное* уничтожение жизни в этих Мирах. Ну, как я уже говорил, в тех, что в *нашей* юрисдикции.

Да, вот так вот амбициозно, конкретно и чётко: предотвращать применение будь то ядерного, будь то позитронного, или даже химического и бактериологического Оружия в масштабе данной планеты. И иногда, чтобы прогресс не шёл слишком быстро, приходится делать то, что вы с леди Барбро сделали сегодня.

Цепочка событий могла бы быть такова: римляне побеж-

дают в решающей битве, варвары-бритты разгромлены. Рассеяны. На их земли приходит мощная и передовая технология. (Сама знаешь – римские инженеры уже применяли для строительства бетон, а дороги делали – на века.)

Ну вот, далее эти самые римляне, сосущие соки налогов со всей покорённой Европы, беспрепятственно процветают в своей огромной Империи, дают в зародыше в Малой Азии ростки христианства, тем самым способствуя выработке у простого народа завоёванных стран не дисциплины и покорности, а стремления к лучшей жизни!

(Ты должна быть знакома с такой точкой зрения: в эпоху Коммунистов у вас, в России, очень верно подметили основную доктрину этой (Да и многих других!) Религий: работать, работать и работать, веря что жизненные Блага и Счастье возможны и даруются истинно верующему только в *той*, загробной, жизни! А *здесь* надо безропотно слушаться феодала, бая, князя, и вообще – начальника. Ну и разумеется – и священнослужителей. Которые поставлены от Бога, и лучше знают, что и как надо простому, сирому и убогому, крестьянину или ремесленнику!)

С такой точки зрения Религия перед Сэрой ещё не представала... Вернее, не принималась всерьёз! Как же тогда быть с истинной *Верой*?! В покаяние, спасение, и Рай...

Но – верна ли такая концепция?! Может, всё же религия – это не хитрый способ угнетения, а – свет для жаждущих, и прибежище для горюющих? Опора в суровую годину? Спла-

чивающая против набегов врагов, и... и...

– Вижу сомнения в твоей хорошенькой головке. Пойми: я не призываю тебя от чего-либо отречься! И в первую очередь – от Религии матерей и отцов, и Веры!

Но для примера вспомни хотя бы про то, как крестили Русь! «Огнём и мечом!» И это – после того, как Властитель *выбрал* именно христианство – в Византии...

То есть – точно так же князь Владимир мог бы выбрать и буддизм. И мусульманство. И ты бы сейчас с пеной у рта отстаивала именно *их* Догматы!.. А ведь и христианство – не без «греха».

Помнишь – крестовые походы?!

Как, прикрываясь красивыми, и, вроде, верными лозунгами (Ну, как же – отвоюем Гроб Господень у неверных!) сотни тысяч профессиональных мерзавцев, только и умеющих, что махать мечом (Зато уж хорошо!) – почти два века грабили и убивали миллионы мусульман! А ведь те точно так же верили: что Гроб Господень – это *их* святыня! А истинно неверные – это те, кто их убивает, грабит, и насилует их жён! Причём – на *их же* земле!.. Ничего не напоминает? Скажем, вторжение монгольских «ариев» в страны «неверных», чтоб подчинить их Золотой орде и её «облагораживающему» влиянию...

Ну и как быть тут с проблемой «кто прав»? Может тот, у кого больше населения? Или – кто сильнее и лучше вооружён? А если подумать ещё лучше, то же самое пропаганди-

ровали так называемые комсомольцы: принцип подчинения меньшинства большинству!

А если большинство – не право? Как те же околпаченные пропагандой солдаты – гитлеровские захватчики, пришедшие в СССР за землёй, за «жизненным пространством», которого им «не хватает»?! Пришедшие во имя будущих поколений. И свято верящие, что грязные и коварные «варвары», то есть, аборигены, без чистой, «арийской» крови, только помешают колонистам, и заслуживают лишь смерти?

Вдруг, точно вспышка молнии, мозг Сэры пронзила вспышка: это бритты и русские – варвары! Это «гитлеровцы» и римляне – «продвинутые!» Чёрт возьми...

Теперь понятней.

Мэтр как-то вдруг успокоился, и сел назад. Кулаки перестали сжиматься, и кисти снова порозовели. Он сглотнул, после чего, уже с легкой улыбкой, сказал:

– Хорошо. Поняла, вижу. Значит, хватит с тебя нудной моралистической лекции.

Если действительно заинтересуешься собственно историей... И особенно – проблемой дозволенности коррекции истории, Библиотека и Архив – в твоём распоряжении. Бери, читай... Пользуйся.

Но! Помни: почти любой учёный – сын своего народа. И, в первую очередь – раб своих убеждений и мировоззрения, которое обычно сформировано его окружением. Так что особой объективности в книгах не ищи. Думай сама. Ну, или

хотя бы старайся...

А по поводу воздействия на историю – да. Мы воздействуем и на Мир Океании.

Докончу, кстати, «лекцию» – если бы у вас в Британии воцарилась никем и ничем не сдерживаемая «культурная и просвещённая» Римская империя, атомную бомбу изобрели бы в 1542 году, и использовали против непокорных индейцев обеих Америк. После чего жизнь и в Европе прекратилась бы менее чем за пятьдесят лет – из-за ядерной зимы и радиоактивных осадков... Про которые никто бы и не подумал!

И по нашим расчётам следующим доминантным разумным существом у вас стали бы... Рептилии. Они устойчивы и к радиации и к холодам – вот и выжили бы, и смогли создать свою «цивилизацию». Тебе бы этого хотелось?

Вижу, что не очень.

По-моему, на сегодня хватит. Я сознательно, конечно, кое-что утрирую. Переделка истории – сложнейший Проект. Некоторые последствия трудно предсказуемы.

Но – сама понимаешь: не зря мы создали все эти «реперные точки» – причём как в реальном пространстве-времени, так и в альтернативном – чтобы отслеживать *все* возможные ветви эволюции Социума каждого Мира. И практически все эти Миры сейчас живы. И *развиваются* – а не так, как у Азимова, застыли в стасисе. То есть – болоте.

А болото я тебе показывал в самый первый день.

Ещё вопросы?

Она разлепила пересохшие губы, и выдавила из пересохшего горла:

– Мэтр Администратор... А те римляне, ну, солдаты... Их всех... перебьют?

Он хмыкнул. Но взгляд – она чувствовала! – стал гораздо теплей:

– Вот уж нет. Конечно, пару сотен ослабших легионеров варвары убить смогут... Но если бы не Зелье, римляне не прекратили бы бой! И поггло бы более пяти с половиной тысяч этих самых бриттов. А позже – в течении ближайшего столетия! – ещё пятьдесят с лишним тысяч. Их бы вытеснили с земель колонисты. И *вырезали* отряды карателей.

А потом остатки коренных британцев просто вымерли бы, и смешались с колонизаторами. И прекратили самостоятельное существование. Не говоря уж о том, что никогда бы не возникла Великобритания... Соответственно, не колонизировала бы Америку... А они, кстати, обе пока на *нашей* стороне. Помогают поддерживать «Глобальный Баланс».

Уже после ужина, лёжа в постели с очередным романом Дюма, Сэра всё никак не могла сосредоточиться на чтении.

Почему в таких убедительных и доступных, вроде, раскладках и объяснениях мэтра Администратора ей всё же виделся какой-то... Не сказать, что подвох, но... Недосказанность. Наверняка не всё так просто с этим «поддержанием

Баланса»!

«Они не против войн как таковых, но против глобальных»! «Войны ведут к прогрессу в промышленности и науке»! Ну, в смысле создания этой самой атомной бомбы, конечно, так оно и было... Если б не огромный, колоссальный промышленный потенциал США, и не купленные, и красивыми лозунгами призванные со всего мира, Лучшие Умы...

Хм. Манхэттенский Проект – самый амбициозный и дорогостоящий. Если, конечно, не считать «Битвы за Луну», и «Космического Щита СОИ». Но, по версии мэтра Администратора – всё это способствует пробуждению сознательности, осмотрительности, и трезвому взгляду на вещи. Когда-нибудь в будущем...

А вот самодостаточное и самовлюблённое, малообразованное в массе, погрязшее в роскоши и вседозволенности зажавшееся и распутное римское Общество применило бы бомбу, не задумываясь о последствиях. Как для поверженных врагов, так и для себя...

Похоже, конечно, на правду... Но.

Этих самых «но» у неё в последнее время накапливается всё больше.

Кто дал право местному руководству «присматривать» за всеми расами и Мирами?

Это что же – Вселенский «глобальный Полицейский», на роль которого, но «местного масштаба» у них дома, в Океании, сейчас претендуют всё те же США? Или это – организа-

ция типа Ордена тамплиеров, или иезуитов, хранящая свои подлинные цели в секрете? И готовая не колеблясь применить *любые* средства для их достижения?

А в том, что такие подлинные и глубоко засекреченные Цели здесь есть – у неё сомнений не имелось. Слишком уж пасторально, безоблачно здесь всё, чтобы быть правдой!

Но...

Как узнать?! У кого? Кто сможет хотя бы приподнять кончик занавеса над сценой?!

На которой разыгрывается, как ей представляется, самая прихотливая, масштабная и продуманная... Трагедия!

Мэтр Андервуд поцокал языком:

– Ты выглядишь... Невыспавшейся. Ну, говори – вижу же, что мысли одолели!

– Мэтр Андервуд... Я вот по поводу реформирования Истории... Вы тоже считаете это правильным – в смысле, что мы здесь всё решаем за других?

– Сэра! Ну что ты такое говоришь! Ничего мы за других не решаем! Мы просто... Удерживаем баланс! Ну как бы тебе... Представь: перед тобой шоссе с оживлённым движением. И к нему приближается ничего ещё не соображающий, но научившийся ходить, карапуз! Ну, скажем, сбежал он от матери, пока та трепалась с соседкой, смотрела сериал... Или варила борщ.

И вот ты – лично ты! – видишь, как он, глупый, обаятель-

но улыбающийся и пускающий бессловесным пока ртом пузыри, розовощёкий пупс, ничего не подозревая, не то храбро, не то – глупо, на подгибающихся пока ножках-кочерёжках шагает... Прямо под колёса дорожного катка!

Ты – кинешься спасать? Или предоставишь ему «научиться отвечать за последствия своих поступков на собственных ошибках»?

Сэра долго молчала.

Теперь проблема представлялась несколько с иной стороны!

Разумеется, накопленные знания и технические средства позволяют местному «Социуму» отлично представлять, что и как случится, если развитие в одном отдельно взятом Мире пойдёт *вот так*... Однако до конца её даже столь простой пример не убедил.

Но поскольку она понимала, что почти все учителя довольно легко считывают её эмоции и мысли, поспешила сообщить мэтру, что «Ага. Теперь понятно куда лучше! Потому что мэтр Администратор объясняет слишком... Наукообразно и пафосно – общими фразами, и без доходчивых примеров, конечно!..»

– Что ж. Я рад, что хоть и не переубедил тебя, но всё же немножко вернул на грешную землю из облаков высокого морализаторства – «о праве каждого на свою судьбу, свободу выбора», и прочую чушь. Поверь просто на слово: чертовски немногие расы и Цивилизации доросли до той Ступени,

той стадии, когда мы можем ослабить, или вовсе убрать свой контроль... А если бы не он – по статистике, (Вот уж неумолимая наука!) не добравшись до реального *понимания* ситуации (Не говоря уже о – «разумном» поведении!) погибало бы свыше семидесяти девяти процентов юных Социумов и Цивилизаций!

Убедил?

– Н-ну... Почти.

– Вот и хорошо. Поживёшь и поработаешь здесь с моё – «доубедишься»!

А сейчас – хватит морализаторских рассусоливаний. Пора работать. Сегодня у нас – методика создания огнедышащих драконов. Шучу. Просто – огнедышащих существ. Что? Разумеется, возможно! Иначе – откуда же все эти сказки и легенды?!..

Мэтр Дониёр выглядел сегодня и свирепым и расстроенным одновременно.

Он сердито кусал кончик уса, как бывало, когда она не понимала чего-либо сразу. И порывисто ходил по избе, пока она записывала под его диктовку «основные отличия тактики эскадронов османских янычар от тактики конницы Александра Великого».

Когда она закончила, внезапно спросил:

– Хочешь сегодня помочь мне? С работой. Это... Не совсем входит в учебную программу, но наверняка пригодится

тебе в будущем.

– Конечно, мэтр Дониёр! А что надо будет делать?

– В этом-то всё и дело... Убивать!

Она почувствовала, как липкая волна страха залила всё тело – от кончиков волос до пяток! Убивать! То есть – применять доктрину мэтра Администратора на практике!

Как-то это...

Одно дело – когда рассуждаешь об этом в кабинете, сидя на кресле... Или хотя бы в избе – не табурете, зная, что вокруг весь Мир Авалона чисто выдраен, и в нём всегда светит солнышко, поют птички и полно еды...

Другое – когда надо куда-то идти, и кого-то, пусть злобного и противного – но – насмерть убивать!.. Самой! Не отвлекаясь на сантименты и всё такое – иначе, как учил мэтр Гриф, может вот этой самой, решающей, доли секунды и не хватить...

А она пока даже не абсолютно уверена, что вправе это делать... Да что там – даже если бы – будучи!..

Однако отступить... Ведь она – будущая Ведьма! Она – за Зло!.. И ей наверняка придётся принимать и жёсткие, жестокие решения, и даже воплощать их... Лично.

– Мы... должны будем сделать это... Прямо сейчас?

– Да. Да, будь оно неладно. – он остановился, зыркнул исподлобья, – Чёртов мэтр Администратор рассчитал, что именно сегодня настала эта самая «равновесная дата». Ну, время, когда с наименьшими затратами энергии мы можем...

Воздействовать на *это* конкретное время и место.

– Понятно, – хотя понятно насчет «равновесной точки», конечно, ничего не было, она видела, что он говорит правду, – Хорошо. Мэтр Дониёр. Я согласна помочь. Только... Объясните суть.

– Разумеется. Сейчас попадём в тысяча триста восемьдесят девятый. Косово Поле. Нам нужно обеспечить продвижение на Запад Османской Империи. Болгарию она уже захватила, теперь очередь Сербии и Венгрии.

Для победы турок, как ни странно, нужно, чтобы сербский патриот, некто Милош Обилич, пробрался во время битвы прямо к шатру султана. И заколол его.

После этого его сын, разъярённый и пылающий жаждой мести, введёт в бой резервы, поведёт их сам, вдохновляя, и пылая сыновней... Н-да. И славян на голову разобьют. Территории их государств окажутся на пять веков под гнётом мусульман, и не смогут развиваться так, как... Словом – всё дело, как всегда, в Балансе – ну, ты знаешь!

А рискованно это потому, что придётся здорово помахать мечом! Тут не поможет ни заклинание невидимости, ни сонное Зелье, ни чары. Нужно, чтобы всё произошло открыто, на виду у «очевидцев», и так, чтобы никто ни в чём не усомнился!

Нет – если не хочешь, ни в коем случае не могу принуждать – ты ещё не слишком искусна... Но из *твоего* Мира сейчас у нас никого больше *здесь и сейчас* нет!

– Я согласна. Мечом – так мечом. Покажете, кто – «наши», а кто – враги?

– Это нетрудно. Все, кто в чалмах и тюрбанах – сегодня наши враги, а!.. – он не договорил, но она и так поняла, – «а завтра могут стать наоборот – союзниками!»

– И ни в коем случае не отходи от меня далеко!

Мэтр Дониёр, очевидно, прекрасно изучил «реперные точки» – они возникли прямо за спиной здорового мужика в кольчуге и доспехах, с дикими выкриками прорубавшегося сквозь ряды турок к вершине холма. Там виднелось что-то вроде палатки из ковров, и скопление чванливых пузатых мужчин в роскошных халатах. Сейчас азартно и злобно пляшущихся вниз, и что-то свирепое орущих.

Со всех сторон к мужику тянулись злобно оскаленные лица «в чалмах и тюрбанах», пытаясь достать наглеца кривыми и короткими саблями. Но – то ли Милош действительно был умелый воин, то ли нападавшие ещё не воспринимали его «сольный проход» всерьёз, и отвлекались на других воинов – пока он успешно пробивался.

Сэра со своей катаной и мэтр Дониёр со щитом и шипованным шаром на цепи, приделанным к мощной рукоятке, нисколько янычар не удивили, даже когда втиснулись за спину Милоша, и принялись отражать предназначенные тому с тыла и боков удары. Мэтр Дониёр что-то крикнул воину на явно славянском наречии, и тот, похоже, понял, что спина

теперь прикрыта: во всяком случае, он стал орать и рубить куда целеустремлённей и быстрее, с каждым ударом выдыхая, словно косарь на поле.

А шум вокруг стоял воистину оглушительный!

Масса воинов в белых халатах и штанах теперь напирала ожесточённо – если это банальное слово подходит к тому сумасшествию, что царило вокруг!

Сэре уже некогда было разбираться в моральных терзаниях и тонкостях – она и сама рубила и парировала во всю силу своих тренированных мышц, что-то злобное крича, и стискивая зубы, отлично осознавая, что преимущество на её стороне: катана прекрасно перерубала жиденькую сталь сабелек, иногда и вместе с кольчугами, или руками! Струи и капли тёплой и солёной жидкости заливали одежду и лицо: невольно она содрогнулась – кровь! Кровь везде! Брызги попали даже в глаза – еле проморгалась! А утирать уже некогда! Убьют!

Вот когда она поняла, что «древние сказания» в приложениях к параграфам на уроках истории – не банальные сказки, а голая и омерзительная правда!

Чёртовы янычары-берсерки не останавливались, даже когда её меч отрубал правую руку: перехватывали сабли левой, или просто – кидались вперёд, чтобы достать её хоть кинжалом, хоть зубами, да хоть как! – лишь бы затормозить их тягостно медленное кровавое восхождение!..

Орали мусульмане, орал мэтр Дониёр, работавший своим

цепом, словно мясник на бойне! Отчаянно орала, хоть уже не так громко, она сама, скаля в дикой гримасе зубы...

Кровь и ошмётки плоти покрывали её короткую курточку так, словно её окатили из ведра! И только осознание того, что мэтр Гриф не зря учил её – что не кольчуга, а скорость и чутьё – лучшая защита, позволяли, словно у неё выросли глаза на затылке, успевать везде! Или... Может, это мэтр До-ниёр помогал?!

Она обнаружила, что вид падающих поверженных врагов и кровь вокруг здорово бьют по нервам и в ноздри новыми дикими ощущениями – словно она вернулась в какие-то времена родо-племенного строя, когда до самозабвения, до последнего вздоха отдавались охоте или драке! Как-то же кро-маньонец победил неандертальцев...

А потом и мамонтов поистребил.

Может, как раз за счёт такого отключения сдерживающих, «цивилизованных», мозговых Центров, и «гуманных» установок, появившихся позднее, и абсолютного безоглядного кровавого беспамятства-сумасшествия?!..

Но все эти мысли (Вернее – их обрывки!) перебивало что-то другое, более...

Сильное. Жестокое!

Упоение от сознания своей силы! От гибели врагов!.. Силы словно удесятерились – волна адреналина затопила сознание, превращая окружающее в багрово-красную одноцветную фантасмагорию!

Да, льётся кровь! Она рубит, выпуская её из людей!.. Да, она, оказывается, готова выпустить ещё хоть море крови – во благо своего народа, своей Расы!.. Смерть врагам!

Рычали, выли и стонали разрубаемые воины, рычала, задыхаясь, и она сама... Но рубить не на секунду не прекращала! Вершина – уже близко!

Сколько народу ей пришлось положить в их упорном подъёме на холм, она не считала.

Зато мэтр Дониёр, ни один удар которого не проходил мимо цели, считал всё: потом сообщил, что на её «долю» пришлось «девятнадцать убитых, и сорок девять раненных серьёзно – то есть так, что адекватно сражаться уже не могли».

У палатки пришлось рубиться особенно яростно – она ощущала, как непривычные к такому бою руки слабеют, но усилием воли заставляла их двигаться ещё быстрее, вкладывая в удары силу из живота и всего тела – так, как учил мэтр Гриф!

Наконец Милош Обилич добрался, куда ему было нужно: впереди замаячило прикрытое личными телохранителями упитанное тело в дорогих роскошных одеждах, и лоснящееся потом и салом наглое лицо с презрительным, словно у верблюда, выражением...

Тут сербу подставили подножку, и уронили на землю, а в руке мэтра Дониёра неизвестно как оказалась сабля славянина, которую он метнул, что-то выкрикнув.

В мешанине охранников словно по волшебству (Впрочем

– почему – «словно»?) возник пустой коридор, в котором сверкнула летящая сталь!

Сабля вонзилась прямо в огромное брюхо вельможи, и, похоже, прошла насквозь!

Нагло-презрительное выражение сменилось удивлением, если эту эмоцию назвать столь слабым словом... Окончания дикого крика, в котором слились и султан, и его охрана, она не услышала – они вернулись домой, воспользовавшись тем, что все устали на эту самую рукоять!..

Недвижное тело Милоша осталось лежать там, под ногами янычар.

Мэтр Дониёр, с которого буквально текла кровь пополам с потом, образуя на полу отвратительные, пахнущие медью и кладбищем, лужи, буквально рухнул на табурет:

– Ф-фу... Мерзкое дело. Ненавижу. Садись – я осмотрю твои раны.

Только сейчас Сэра заметила, что ранена – левое плечо пересекала огромная и глубокая кровавая щель в добрый палец глубиной, и длиной в ладонь. И остальной торс покрывают неглубокие, но кровоточащие царапины-щели: надо же! Пропускала-таки удары!

Она ойкнула, и...

Почувствовала, как сползает на пол в обмороке – потому что позволила себе, наконец, действительно испугаться...

Очнулась она уже в постели.

Над ней склонилось озабоченное лицо миссис Рениллы, и смущённое – мэтра Дониёра. Миссис Ренилла поспешила «одеть» на лицо улыбку:

– Ну слава Богу! Сэра! Ну пожалуйста! Не ввязывайся ты в авантюры отдела прикладной Хроноформации! Ну ладно – мэтр Дониёр – он огни и воды прошёл! Или леди Барбро – та вообще никогда в «прямой контакт» не вступает! Но здесь!..

Убивать людей сталью! Фу. Этот фрукт, – она бросила тяжёлый, словно удар кувалды, взор на опустившего глаза к полу мэтра, – своё от меня ещё получит! Но ты!..

Тебе самой не совестно?!

Сэра попробовала разлепить рот. Сглотнула. Обнаружила, что говорить может, хоть и тихо:

– Простите, миссис Ренилла... Стыдно. До слёз. Но... Я сама навязалась мэтру Дониёру в помощницы. Он... Пытался меня отговорить. Просто...

– Что – просто?! «Просто» – у тебя мозгов ещё меньше, чем у него?! Рубить головы и тела – работа для мужчин! Ты что – воин? Нет! Ты – *Ведьма*! А Ведьмы не работают столь грубыми и примитивными методами! Ты должна была отказаться!

– Н-нет... Я не хотела... Отказываться. Миссис Ренилла – это звучит глупо и наверное, по-детски, но я хотела... Попробовать и *это*! А вдруг – понадобится?!

Миссис Ренила фыркнула:

– Да, знаю! Что все вы, новички, этим грешите... Пыта-

етесь, раз уж остались, «проверить, смогу ли я в случае, если...» И так далее. Ну вот – ты попробовала. Проверила. И как ощущения? Приятные? – Сэре пришлось отвернуться к стене. Слёзы стояли в глазницах, но она не утирала их – знала, что про них и так знают.

Её мучили стыд, и жалость, и к себе, и к убитым, и что-то ещё... Однако, зная, что от неё ждут ответа, она нашла в себе силы повернуться обратно:

– Н-нет... Это, это... Отвратительно! Словно – бойня! Да это и была бойня.

Мне... Правда стыдно. – она подняла глаза, заволокшиеся пеленой слёз на учительницу, и чувствовала, и правда, дикий стыд, – Но я не жалею! Я теперь знаю – я – тоже *животное!*

Да-да, злобное, тупое, грязное животное! Похоже, питекантроп из меня так до конца и не вышел... Остался глубоко там – под тонкой корочкой так называемой «цивилизованности...»

Я, я... Сама от себя *такого* не ждала! – она закрыла глаза руками и разрыдалась.

Её руки мягко кто-то развёл.

Теперь в глазах миссис Рениллы вовсе не было укора и суровости. А что там было, она сказать не смогла бы – всё поле зрения размыло слезами, так и лившимися из слёзных (Это она теперь знала!) протоков. Она услышала:

– Никакое ты не животное. Думать так – ошибка. Причём – большая. Животное поступает так, как велит инстинкт. А

ты – можешь контролировать. И контролируешь себя.

И если в нужные моменты можешь, вот как сегодня, «подключать» животное начало, чтобы оно помогло *выжить* – это просто *замечательно!!!* Маг должен максимально эффективно использовать *все* доступные способы и средства!

Значит, не зря мы все тебя учим!

Из тебя, похоже, выйдет толк... – и, видя, что Сэра пытается что-то возразить, строго добавила, – А сейчас лежи и молчи. Два дня постельного режима. Завтра приду с утра на перевязку – до этого повязку не трогай, и не мочи в воде! И...

Не терзайся. Стыдиться *уже* нечего. Это... Работа. Ну всё – отдыхай!

Миссис Ренилла двинулась к двери. Выходя, оглянулась. Похоже, она больше не сердится на неё. Может, это от того, что она сказала правду? Про себя, про свои ощущения... Про стыд, что теперь терзал её душу, словно наглый кот пойманную беспомощную мышку?..

Мэтр Дониёр скрипнул табуретом, встав с него:

– Знаю, тебе сейчас мерзко... Но ты вспомни о том, что те, кого мы убивали – сами последние отморозки, твари без тормозов и капли совести. Убийцы и насильники. И теперь благодаря нам они... и им подобные...

Будут терзать славян пять веков, пока Русский Царь не освободит болгар от владычества Турции... – он дёрнул щекой, – Вот это-то и есть самое страшное.

Что мы как бы... Впрочем – почему – как бы! Мы и есть – Сволочи! Причём – с большой буквы! Мы помогли свершиться мерзкому делу! – желваки на скулах мэтра Дониёра так и ходили, и лицо покрылось бледностью, словно он и сам впервые серьёзно задумался... Нет, вряд ли – впервые. Он же «прошёл огни и...»

– И пусть мэтр Администратор хоть тысячу «разумных» доводов приведёт, что – так, мол, и надо, для итогового торжества Общества Разума и Порядка... Где-то там, в далёком Будущем... И нам нужно во что бы то ни стало поддерживать чёртов Баланс...

Ты права – Совесть этими лозунгами не заткнёшь! Совесть – она такая...

Сука.

Но – она всегда права. Мы должны *осознавать*. Что поступили подло и грязно. Сломали сотни тысяч будущих судеб. И всё – ради какого-то далёкого, призрачного будущего счастья...

Прости.

Прости, что втянул. И...

Спасибо.

– За что? – она улыбалась. Она уже знала, за что – тоже постепенно научилась читать пусть не мысли – но ощущения. Впечатления. Эмоции.

– За помощь. Один бы я при всём умении не справился. И, конечно, за то, что поверила мне. На слово. Что всё это –

надо. Нужно. Необходимо. Для... Чёртового Будущего.

– Мэтр Дониёр? Простите, что спрашиваю. А вы сами – видели его? Это Будущее?

Мэтр долго молчал. Отвернувшись. Явно сдерживая эмоции.

– Нет. Не видел. И не увижу. Проклятый гороскоп донны Парки показал, что я не доживу до двадцать второго века вашего Мира... Но мэтр Администратор сказал, что видел. Он – доживёт! И у меня нет оснований ему не верить... Вроде бы.

– Мэтр Дониёр... Вы... Мне так жаль... Получается, бессмертие всё равно не...

– Да нет. Бессмертие тут не при чём. Меня просто убьют в каком-то сражении.

– Боже!.. – она содрогнулась, – Так вы знаете свою... Судьбу?

– К сожалению. Мне не хватило смелости жить в неведении – я, как баран на бойне, *сам* пошёл к Парке... Теперь так жалею. И тебе советую: не ходи! Не будет этого ужасного камня на шее – Предопределённости! Живи лучше, не зная, что ожидает тебя там, за поворотом!..

Мэтр Дониёр неловко кивнул ей, и открыл дверь. Вот уж не думала она, что такому, как мэтр Дониёр не хватает... *Мужества!*

– Да, вот ещё что... Спасибо, что сказала, что сама захотела... Я ощущаю себя последней свинской свиньёй. Втра-

вил тебя в кровавое и гнусное дело... И то, что, как уверяет наш «большой Босс» оно «научно обосновано и необходимо», нисколько...

Да, я уже сказал – не меняет его подлой и кровавой сути. Ну, ладно, поправляйся.

Для одного урока и так слишком много всего на твою навивную... – он не договорил, снова сглотнув, и вышел, аккуратно прикрыв дверь за собой.

Она уж было подумала, что осталась одна.

Ан – нет!

Раздался топот босых маленьких – словно ступал ребёнок! – ножек по доскам.

Повернув голову вбок, она заморгала – не поверила вначале своим глазам!

Да это же... Это...

Домовой! Как настоящий!!!

Во всяком случае, очень похож. Нет, не на того банально-го лысого английского Доби из фильма о Поттере – а нашего, русского, волосатого и зачуханного... Впрочем, и на домовёнка Кузю из мультика существо не походило.

Оправившись от первого удивления, она смогла лучше рассмотреть домового – благо, он к ней подошёл на расстояние вытянутой руки.

Хм-м... А никакой он и не зачуханный – скорее, наоборот, вполне опрятный!

Огромная грива аккуратно расчёсанных на прямой пробор седых волос. Лицо с узкими хитро-татарскими щёлочками глаз – оно кажется поперёк шире, и довольно смуглое. Туловище... Ну, как у ребёнка. Но – ножки и ручки явно покрепче. Усы, борода – тоже седые. А одет – почти как она сама в детстве: заношенные до дыр штаны непонятного фасона и цвета, рубашка, курточка.

Чёрт, да это же её рубашка и штаны: прямо оттуда – из далёкого детства!

– Здравствуй, хозяйка! – голос вполне молодой. Тембр (Да и кое-какие черты лица – только сейчас поняла!) напоминают Гошу Куценко. Дикция прекрасная, чуть рокошующие нотки басов придают солидность. Только интонации... Немного как бы извиняющиеся, – Ты уж прости, что не уберегли тебя! Но это для нас слишком далеко! И давно! Туда мы с нашими домашними средствами не достаём. – И вдруг уже деловым тоном, – Наверное, пить хочешь?

– Да. – в горле и правда пересохло. Наверное от потери жидкости – пота, крови... – А вы – кто?

Он даже вскинул брови к потолку:

– Ну Женя... Тьфу ты – Сэра! Ты же знаешь! Я всю твою жизнь живу под печкой.

– Но... Я никогда вас не видела! – она и правда, не видела его!

– Ой, так уж и не видела... А вспомни-ка: кто тебе сказал, что Машка на соседской яблоне, и сейчас грохнется?!

Точно! Она тогда рванула что было сил через забор – ну, как забор: три жердины в пять рядов! – и успела точь-в-точь к моменту падения!

Машка, оравшая во всю глотку, летела с высоты метров пять, и наверняка сломала бы шею, если бы не подставленные руки!..

Всё равно удар швырнул их обеих на землю, и они понаставили синяков... Но синяки проходят, а вот шея... Её на место не вправишь! Повезло, что успела.

Ох, и отлупила она тогда сестрёнку – не посмотрела, что та маленькая – пять лет! Ну а та, конечно, наябедничала. А мать – сделала выволочку уже ей.

Потом плакала сама.

Но кто же сказал ей?!.. Странно. Кто-то же сказал... Нет – слова словно бы возникли у неё в ушах, но образа сказавшего их почему-то не всплывало... А ведь ей было тогда уже восемь! Неужели...

– Так это вы сказали?

– Да. И давай уже без этих дурацких церемоний – чай, не в Кремле... Переходи на «ты». А зовут меня Евграф Лукич. Можно просто – Евграф. Или – Лукич.

– Хорошо. Очень приятно... Евграф. Лукич. Надо же... Но лицо... Да и вообще – не помню! И как вы – тьфу ты, – ты! – сказал мне про Машку, помню!.. А лица – не помню!

– Хм-м... А оно, пожалуй, и верно... Я тогда из-под печки-то не вылез! Чтобы не отвлекать, стал быть... Ну а сей-

час-то: может, есть хочешь? Говори уж – для того и приставлен, чтобы помогать. Хозяйке-то!

Сэра, почувствовав внезапный прилив голода, спустила ноги на пол. Евграф тут же обул на них домашние тапочки.

Боже! Откуда он их выкопал?! Она помнила их чуть не с десяти лет! Растоптанные и стёртые до нельзя, сейчас они были заботливо починены, подошва – заменена, и ногам в них было так тепло, так... Приятно. Словно она – дома, и тут её... любят. А не – терпят.

Она не придумала ничего лучше, как разрыдаться!

Теперь её молча утешали в меру своих сил сразу двое: по ноге похлопывал как-то растерявшийся Евграф Лукич, приговаривавший озабоченно: «ничего-ничего, скоро твоя ручка заживёт, и не будет больше бо-бо!», и Хамви, слетевший к ней на плечо, и тёплым мягким языком грозивший провертеть дополнительную дыру у неё в ухе...

Она невольно хихикнула, и пальчик сам потянулся почесать мягенькое брюшко.

Затем постаралась взять себя в руки. Вытерла слёзы одеялом. Хамви спустила на колени, где он продолжил преданно глядеть ей в глаза, повиливая задней частью спины (так как хвостом до сих пор не обзавёлся), и поминутно поскуливая – ну, ни дать ни взять – щенок!

Евграфу Лукичу она просто пожала руку, сказав:

– Спасибо, Евграф Лукич! И за меня, и за Машку! И за сейчас. Вы с Хамви молодцы... А как вы подружились?

– Да очень просто. Он обнюхал меня, и признал за кровного родственника. – Хамви поглядывавший в это время то на неё, то на Лукича, утвердительно (Вот никогда бы не поверила, что такое возможно, если бы не увидела собственными глазами!) облизался.

– Я так рада. Что вы теперь вдвоём – а то прямо дом боялась оставить... Евграф Лукич, а как вы, ой – ты! – вообще *здесь* оказался?

– Ну – как!.. Это же ты и перенесла меня сюда! Я, так сказать, вхожу в твои воспоминания детства – а они самые прочные и, как это говорят сейчас, «достоверные»!

– Надо же... Ну замечательно. Я очень рада, что вы... что ты – здесь, и рада наконец познакомиться. Ничего, если я буду кушать за столом? У меня же – только рука?..

– Конечно-конечно, садись. – Лукич мягко, бочком, отодвинулся от ноги, и почти бегом припустил к холодильнику, – Но ничего не таскай! Я сам накрою на стол! Рука-то, конечно, рукой... Но вот потерю крови надо восполнять, так сказать, мясом!

Мяса оказалось предостаточно: и копчёный окорок, и шмат шпика, и даже копчёная индюшка, которую она не помнила, чтобы выдумывала...

Лукич, деловито и очень быстро «настругавший» на стёртой до впадины глубиной в палец, разделочной доске, толстую колбаску на немаленькие ломти, хитро прищурясь, сообщил:

– А индейку-то мы сами... С усами! Угощайся!

– Спасибо, Евграф Лукич... А вы – почему не...? Составите компанию?

– Хамви вон составит, – летучий бобёр как раз подобрался с постели, и теперь поглядывал с пола на кромку стола. Сэра дала ему один из ломтей индюшки, – А нам не по рангу. Да и не по рациону. Мы... Другим питаемся. Молоком. Лучше всего, конечно, сладким... – он уселся на табурет напротив. Лицо у него уж больно знакомое... Прапрадед? Видала на выцветшей и потрескавшейся от времени фотке на панно с ещё десятками «семейных», что висело над бабкиной кроватью, пока мать не отнесла панно в кладовку...

Где оно куда-то пропало.

– Ну вот и отлично! – она вообразила на стол крынку с парным молоком и сахарницу. Подумав, добавила банку мёда, – Евграф Лукич... Не побрезгуйте! – она удлинила ножки второго табурета, так, чтобы ему удобно было доставать до столешницы.

Он снова усмехнулся в седые усы. Отлил себе в чашку, достал откуда-то из-под пояса почерневшую от патины серебряную ложечку с вензелем, (Ух ты! Это – та самая, что осталась от прапрадеда, а они ну никак не могли найти её все эти годы – хотя твёрдо знали: ложка где-то здесь!) насыпал сахару.

Обстоятельно размешал, и, пригладив усы, стал отхлёбывать маленькими глоточками. Она в это время, чтоб не сму-

щать тем, что невольно пялилась, налегала на домашний хлеб, нарезанный тонкими ломтями, (Вот молодец Лукич – нож тоже явно он наточил!) и окорок, запивая сладким крепким чёрным чаем. Самовар с кипятком монументальностью теперь грозил проломить столешницу – видать, Лукич сделал его побольше, каким помнил. А маленький заварочный чайник наверху теперь оказался полон до краёв – и не вчерашней заваркой, а свежей!

Блин – а, оказывается, здорово она проголодалась: слюна так и выделялась, если можно это так назвать!

Хамви с едой справился первым, но добавки не попросил. Аккуратно зевнул своим «скромным», в пол-морды, ротиком, и, похлопав крыльями, упорхнул на печку, где поёрзал, и прилёг, приоткрывая иногда чёрный глаз на происходящее.

Сэра проводила его довольным взглядом. Сама она уже наелась, и дожёвывала кусок индейки с трудом – почему-то плохо двигались челюсти. Въехали ей в них, что ли? Нет, она не помнила такого...

– Это у тебя от усталости. – прояснил ситуацию Лукич (Неужели и он – читает её мысли?!). – Нет, я мысли не читаю. И сейчас – не читаю. – словно отвечая на её удивлённо расширившиеся глаза и приоткрытый рот, – Просто вид у тебя – растерянный. Ведьма не должна так явно выражать на лице то, что думает, чувствует... Словом – эмоции. Не расшифрует только ленивый! Ну, это так, к слову – а сейчас иди ложись, а я всё тут приберу.

– Спасибо, Лукич... Теперь есть кому позаботиться обо мне... И хозяйстве... Так приятно. – она только надеялась, что он снова не «прочитает» её вновь навернувшиеся слёзы, и залившее грудь странное чувство... Она и сама не сказала бы – *что* это. Но наверняка что-то домашнее, тёплое и успокаивающее.

– Да ладно, чего уж... – Лукич, похоже, всё же смутился. Почуял. – наше дело стариковское... И тебе спасибо. За молочко. Не баловала нас твоя мама-то... Ну да уж не в молоке дело! А в понятиях! Всё должно быть так... Как ему быть положено!

Ну, ладно – разболтался я чегой-то не на шутку сегодня... Ложись, воительница недоученная! Завтра – отдыхать, спать, набираться сил! А уж послезавтра – снова за учёбу! Тут ведь тебе не то, что школа – усидчивость, да счётка нужны завсегда!

Спокойной ночи! – он доубрал последнюю еду в холодильник, и погасил свет, даже не прикасаясь к выключателю. Она услышала, как он полез под печку, и тихо сказала:

– Спокойной ночи, Лукич! Спокойной ночи, Хамви!..

Утром за окнами стоял туман.

Вот это да! Похоже, здесь всё же бывает смена времён года! Или это она сама навоображала раннюю осень?

Тусклый свет, словно молоко разливался по комнате, делая обычно резкое и контрастное деление на светлые/тём-

ные углы почти неощутимым. А здорово.

В-смысле – здорово успокаивает. Так и тянет полежать под тёплым одеялом! Но вот позавтракать не помешало бы! Ей нужно... Чтобы рука зажила.

Умываясь под рукомойником, она поняла, что Лукич успел добавить в него кипяточку – вода шла тепловатая, и словно какая-то мягкая... Непривычно, но приятно!

Зубы надраивала тщательней обычного – вчера бессовестно забыла про них! Ай-яй-яй! (Ей так и представилось, как Лукич укоризненно качает головой.)

На столе уже всё оказалось накрыто – чистый рушник, на нём – хлеб, мёд, ветчина и масло. Осталось лишь убрать чистую холщовую тряпицу, накрывавшую все это от мух. Впрочем, мух она «догадалась» оттуда *не* захватывать. Как и тараканов. И мышей.

Она поискала глазами: Хамви – на месте, а где Лукич?

– Доброе утро, Евграф Лукич! Идёмте завтракать!

– Доброе утро, Сэра! – донёсся сразу же ответ из-под печки, – Благодарствуйте, сегодня – без меня! Мы уж тут, на положенном месте... В соответствии с традициями предков, так сказать... Да и не положено нам зазря-то на глаза показываться! Это уж вчера – я сам отправил эту... миссис Рениллу – чего ей зазря болтаться при тебе, когда я могу и сам... Г-хм!.. А как сегодня рука?

– Отлично, спасибо. Даже не болит. Правда, зарядку, наверное, делать не буду, и мэтр Гриф сегодня не придёт – для

него-то я точно «не в форме»! – её смутило, что домово́й не вылезет к ней. Но подумав, она решила, что так даже лучше – и для него, не привыкшего к «обществу», и для неё самой: как-то неудобно набивать рот всеми этими вкусностями, когда сотрапезнику можно пить только молоко.

– Ну, приятного аппетита!

– Спасибо, Лукич. Так красиво у меня стол накрыт никогда ещё не был!

– Э-э, чему не научишься за два-то века!.. Даже «сервису»! – оба посмеялись.

Она уселась на табурет, положила как всегда на блюде на полу толстый шмат для Хамви, и прямо замурлыкала от наслаждения – нежное мясо буквально таяло во рту, а кипяток чая снова оказался обжигающим – как раз как она любила!

После завтрака, когда она уже убрала со стола, и решала – то ли лучше лечь обратно, уже на заправленную кровать, то ли всё же остаться сидеть, раздался стук в дверь: пришла миссис Ренилла. Прищур умных глаз сразу показал, что учительница думает:

– Знаешь что, дорогая, для «серьёзно пострадавшей» ты выглядишь... Неправдоподобно здоровой! Будь я твой участковый терапевт, больничный бы закрыла! – и уже серьёзней. – Болит?

– Н-нет. Не болит. Но... Как-то тянет, и постоянно чешется – я уже ногтями обшкребла вокруг всего бинта! А ещё зудит.

– Ага. Угу. Понятненько. Ну-ка, садись на табурет. – миссис Ренилла грозным взглядом смела в кучу и выбросила в открывшуюся и сразу захлопнувшуюся форточку крошки, которые не успела вытереть Сэра: «Пусть и птички поедят».

Затем учительница разложила на досках баночки и коробочки из принесённой на плече сумы. Если бы Сэра не знала, что та – поистине безразмерная, могла бы и удивиться обилию всего...

– Так, немного берёзового дёгтя... Теперь – зверобоя... Мёд и медуница. – учительница смешивала густую массу деревянной ложечкой в маленькой плошке прямо на глазах, коробочки и баночки как всегда подлетали к рукам сами, – И ещё кое-что... Не смотри так – рецепт запишешь потом. Понюхай-ка!

Запах... Очень знакомый! Привычный! Да это же...

– Мазь Вишневского!

– Верно. Только – не «мазь», а «бальзамический линимент». Так оно вернее будет. А открыли его, если хочешь знать, ещё древние Финикийцы. Только они готовили на основе оливкового масла... Так что всё новое – хорошо забытое... Или – *скрытое* старое!

А вот с антибиотиками у нас проблема. И тебе, если хочешь пожить подольше, лучше не пользоваться вообще! Догадываешься – почему?

– Вроде, да. Там, внутри больного, вроде бы у микробов... Или бактерий – тоже вырабатывается... Типа иммунитет на

антибиотик – ну, у тех, кто выживает... И потом нужны всё более и более сильные антибиотики – а они уже вредят самому иммунитету!

– Хм! «Типа»! Отвыкай от жаргона – ты Ведьма. Нам не по статусу. Ладно, грубо, но в-принципе правильно. Только не «вредят» – а просто ведут к его ослаблению вплоть до полного... Так. Ну, выглядит неплохо. – миссис Ренилла разбинтовала, наконец, руку, и отделила слегка присохшую пропитанную засохшей кровью накладку. Сэра почти не ощущала её мягких и заботливых пальцев.

Теперь и она посмотрела на рану.

А что – никогда бы не сказала, что ещё накануне здесь шёл разрез в палец глубиной! Только толстая припухлость и глянцево отблёскивающий остатками мази рубец.

– Ух ты!.. Здорово! Наверное, и шрама не останется?..

– Нет, шрам-то останется в любом случае... Ладно, терпи – буду стирать! – миссис Ренилла принялась удалять остатки старой мази тампоном из корпии – марлю она игнорировала принципиально. Сэра зажала губы зубами – действительно, неприятно. Словно по краю чашки водят ложкой...

Миссис Ренилла наложила щедрой рукой новой мази, прихлопнула её раскатанным для мягкости в руках листом... э-э... Ага – это – бессмертник! – и аккуратно забинтовала всё новой хлопчатобумажной тряпицей:

– Вот. Имей в виду: слишком плотно – будет затекать, слишком слабо – съедет. А слишком много слоёв – задохнёт-

ся. Завтра снимешь сама. Утром. И – бонус! Мэтр Гриф – только послезавтра! А сейчас – лучше лежи... Хотя бы до обеда! Большая потеря крови перестает ощущаться только на третий день. Ладно, счастливо оставаться. Ухожу спокойно – о тебе есть кому позаботиться! Евграф Лукич! Чао! – учительница помахала в сторону печки.

Из пода высунулась маленькая волосатая ручка, тоже помахавшая:

– Миссис Ренилла! Чао! А чай с тульскими пряниками?

– Спасибо. В следующий раз. Ну, до свиданья.

Сэра вздохнула, только когда за миссис Рениллой закрылась дверь.

Вновь опустилась на табурет. Ф-фу... Что-то действительно, тяжело как-то...

Правда, мэтр Дониёр тогда сказал, что человек может драться, даже если потерял до литра из своих пяти-шести... Но из неё вышло не больше полулитра. Хотя и это – многовато! Потому что даже из доноров откачивают за приём не больше трёхсот кубиков...

Ладно. Ей конкретно сказали, чтобы отлёживалась, и не строила из себя двужильную. Ну, если и не сказали – то намекнули. Вот она и не будет. Строить.

Покачиваясь, она перебралась на кровать. Отвернулась к стенке. Расслабилась. Прохладно всё же. Может, затопить печку – а то сырость от этого тумана.

Тут же она почувяла, как её накрывают старой шкурой от тулупа – О! Хорошо!

– Спасибо Лукич! Сама бы не додумалась – устала... Или и правда – так ослабла... Спать хочется. – глаза как-то сами собой слипались, – И голова... Слегка кружится.

– Да чего там... Спи себе, грозная Ведьма – завтра снова... Учёба. А сегодня – покой! Хамви! Хамви, морда твоя бобровая... Куда полез говорю – не мешай!

Она ощутила, как, приподнимая край тулупа, сбоку к ней влез и приткнулся кто-то маленький и тёплый. Хамви. Хамви...

– Да ладно уж, Лукич, я постараюсь лежать смирно. Не придавлю его...

– Ну хорошо, хорошо... Спокойной... э-э... Спокойного дня!

Она провалилась в тёплую и какую-то по-домашнему уютную темноту.

Обедать Сэра села только в пять часов – всё это время мирно проспала!

Лукич весьма довольным тоном посоветовал вначале почистить зубы – она так и сделала. Вот. Никакого запаха. Теперь обедать оказалось куда веселей.

На горячее Лукич приготовил кавардак – в старинном чугушке слои картошки аккуратно перемежались тонкими слоями мяса, и всё это оказалось щедро залито восхитительным

соусом из помидор. (Не иначе, как успел снова засадить ими крохотный огородик, раньше бывший за дровяным сараем!) А уж пахло!.. Тоже какими-то травами. Чабрец, что ли?..

– Лукич! – поев, она откинулась бы на спинку, но у табурета её не имелось. Она срочно вырастила её из задних ножек, – А где ты научился так замечательно готовить?

– Где-где... Да здесь же. Под печкой. Если слушать и нюхать – рецепт получается куда точнее, чем записанный на бумажке... Вот я и храню. В голове.

– Ух ты... Лукич... – ей в голову пришла интересная мысль, – А записать такие рецепты ты не хотел бы? Вот была бы замечательная поваренная книга! Причём – для всех!

Под печкой долго молчали. Сэра поняла:

– Лукич! Извини, что спрашиваю. Ты... Не хотел бы научиться писать *теперешними* буквами? – она не сомневалась, что он и старые-то «яти» да «буки» вряд ли знал, но постаралась спросить потактичней.

Теперь пауза оказалась куда короче:

– Хм-м... А что – хорошая, по-моему, мысль... Это можно бы.

– Ну тогда подожди, я сейчас уберу со стола, да и займёмся!

Со стола она убрала по методике миссис Рениллы: продукты и тарелки мысленно транспортировала в холодильник и мойку, крошки – в форточку.

После чего вообразила свою потрёпанную Азбуку и тол-

стю большую тетрадь с ручкой:

– Лукич! Пожалуйста выходи.

Он сел напротив, несколько сдержанно поглаживая окладистую бороду – явно смутился. Ну, она уж постарается. Открыв первую страницу, она показала:

– В компьютере буквы стараются писать теперь без всех этих завитков и красотостей – попроще. Поэтому и мы начнём с самых простых. Таких, которые в газетах, книгах и интернете. Самое первое слово у любого... э-э... существа – Мама. Вот. Оно так и пишется! Это – «м», а это – «а»... Вот если два раза написать их – так и будет: «ма-ма».

Лукич покивал. Сэра предложила:

– Перо я не помню, как выглядит. Да и чернил у нас нет. Поэтому писать придётся шариковой ручкой – ты уж извини. Вот и давай попробуем: М-а... Ага, и ещё раз – м-а. Неплохо. Ну, чтобы закрепить, давай-ка строчку «м», и снизу – строчку «а»... Ага. Что? «Ага»? Две – «а», одна «Г». Вот так. Ну, давай уж теперь строчку «г»...

На следующий день ближе к полудню пришёл мэтр Андервуд:

– Приветствую, Сэра! Как рука?

– Спасибо, неплохо. Уже, в-принципе, можно, наверное, и повязку снять!

– Нет уж. Давай пока оставим. Работать она тебе сегодня не помешает. Садись. А слабость? Слабость ощущаешь? – он

довольно покивал, когда она поспешила заверить, что всё в порядке, – Ну тогда вернёмся, как говорится, к нашим баранам! Вернее, насекомым.

Ты библию читала?

Она сокрушённо покачала головой.

– А вот зря! Старый Завет – вообще кладёшь интересных мифов, заклинаний, и слегка «облагороженных» реальных событий! Ну тогда вкратце: опишу тебе историю и предысторию так называемых «казней Египетских».

Когда Моисей захотел вывести свой народ из рабства у фараона, этот нехороший человек – ну – фараон! – не захотел его, этот народ, отпустить... (Впрочем, тут я его могу понять – кому же захочется лишиться дармовой рабочей силы!) И тогда Бог сказал Моисею...

Сэра слушала о десяти казнях действительно с интересом: мэтр Андервуд замечательный рассказчик! Перед ней словно разворачивался фильм, полный внутреннего напряжения и драматизма: вот ведь настырный и подлый сволочь этот фараон! «Хозяин» своего слова: захотел – дал, захотел – обратно взял! Надо было заставить его расписаться на договоре!

Впрочем, может он и писать-то не умел... Ну – крестик бы нацарапал!

– ...и вот, когда саранча полетела над полями и городами египтян, показалось им, что великая тьма, ночь – опустилась на всю землю Египетскую! Тучи насекомых закрывали небо сутки напролет – и не осталось ни ростка в полях, ни зерна –

в закромах! (Кстати – вот этот пункт всегда вызывал у меня сомнение. Похоже, его придумали как метафору: чтобы показать масштабы бедствия. А так, бревенчатые или даже саманные стены очень даже неплохо защищают от насекомых! Это ж – не крысы! В-смысле, рыть не умеют!..)

И великий плач стоял по всему Египту! И воззвал народ египетский к фараону, восклицая: «Почто сотворил ты с нами такое! И фараон, как говорится, соблюдая старую добрую традицию, позвал к себе Моисея, и...»

К сожалению, очень скоро рассказ закончился, и мэтр, словно спохватившись, сказал:

– Пожалуй, на сегодня теории довольно. Вижу по горящим глазам, что на тебя произвело впечатление – как тупое упрямство фараона, так и глобальность насылаемых бедствий... Всё же правдива только часть «казней». И происходили они наверняка не подряд. Это уж составитель Библейских текстов расположил их так – чтобы придать, стало быть, драматизма и напряжения... И из фараона тупоумного упрямца сделал он же.

Ну а теперь – к делу. – он довольно потёр руки, как всегда делал в предвкушении чего-то интересного.

– Вот самец саранчи обыкновенной. – над столом возник и как всегда стал поворачиваться синий голографический контур, – Вот и его челюсти крупным планом. Что может нам пригодиться для работы? В первую очередь – способность в огромных стаях очень быстро передвигаться с места

на место, то бишь – мобильность. И, разумеется, врождённая привычка: выгрызая подчистую всю органику растительного происхождения!

Ну а если ты захочешь усугубить ситуацию для врага – сделаешь челюсти попрочнее, усилив их дополнительным слоем хитина, и ещё...

Учитывая её состояние, они всего час, вместо обычных трёх, посвятили созданию боевой Армии из кочующих насекомых.

Сэра теперь знала, как сделать саранчу действенной силой, уничтожающей продовольственные ресурсы, и вообще – всю зелень в тылу возможного противника... (Надо будет как-нибудь дома попробовать на тех же США! У них кукурузы хватает... Пока.)

Научилась она и «конструировать» тело самцов таким образом, чтобы оно почти не пропускало вовнутрь инсектициды, а организм обладал стойкостью к ним... Жуть!

Древнее неумолимое Зло предстало перед ней во всей красе, заставляя пересмотреть все предубеждения на эту тему, типа «А-а, ерунда – подумаешь, букашки!»

Букашки оказались пострашней химического оружия или бомб: территория оставалась «не заражённой», или изрытой воронками, но – вычищенной и мёртвой...

Да, это, конечно, могло пригодиться – для любых Заданий, где нельзя показать своё присутствие.

И ведь никто не догадается!.. Получается, пушки, танки

и самолёты – фигня.

Да, разрушительная, грозная, но – такая уязвимая техногенная фигня! Пара снарядов, ракета, мина, кумулятивный снаряд, или пулемётная очередь – вот и нет танка или самолёта... А тут – не поможет оружие! Ведь полчища не только неуязвимы, но и – невидимы! Это вам не «стеллз»! Не помогут обнаружить на подлёте тучу из саранчи ни радары, ни оптические усилители! Как не помогут и огнемёты: разве что спалить стаю вместе с посевами того, на чего там она напала. А от химии она саранчу сама... Предоохранила.

А ведь создать и «натравить» можно – не только на «вершки». А – и на корешки. Например, нематод. И Колорадского жука. И червя-хруща. И... Да мало ли!..

Вот только надо не забывать главное, чему научил её профессор – размножаться такая наколдованная и направленная на конкретную Цель стая ни в коем случае не должна! (То есть – там должны быть лишь самцы!) Как не должна и жить слишком долго – а уж тут вступает в дело не «чудо», а самая банальная генная инженерия. Поскольку теперь-то она знает, где – гены старения, и где – те, что ограничивают время жизни...

Когда мэтр Андервуд ушёл, она вздохнула. Сегодняшний урок навеял на неё буквально ужас. До сих пор она как-то... Не совсем всерьёз относилась к предстоящей работе. А теперь оказывалось, что силы, которые окажутся в её распоря-

жении, гораздо легче вызвать к жизни, чем контролировать и нейтрализовывать... Страшновато.

– Лукич. Ты всё слышал?

– Да. И мне тоже страшно. Будем надеяться, что тебе не прикажут наслать такую тучу ни на кого из наших... – в голосе домового явственно ощущалась дрожь.

Она же ощущала её во всём теле – словно работал промышленный виброгрохот, медленно, но неумолимо подталкивая её к краю...

Вот только – к краю чего?!

После обеда появилась донна Недда. Она улыбалась, но в глубине глаз Сэра видела беспокойство: донна явно не хотела показать, что переживала за ученицу. Неужели и она донне не безразлична?! Она поспешила отогнать «посторонние» мысли.

– Здравствуй, Сэра. Вижу-вижу, рука почти... Ну, я очень рада. Однако! По-настоящему умная Ведьма старается ввязываться в рукопашный бой только в самом *крайнем* случае! Хотя... Не могу осуждать методы мэтра Дониёра – уметь, разумеется, нужно *всё*! И, конечно, ты теперь примерно знаешь, чего...

И – главное! – *почему* – мы стараемся избегать!

Итак: тема сегодняшнего занятия – магия Вуду. А-а, вижу – слышала! Ну ещё бы! Только ленивый в Голливуде не эксплуатирует эту тему!.. Нет, не надо презрительно кривить

ротик – настоящее колдовство Вуду...

Куда страшней, чем в кино!

И вот что я хочу отметить: несмотря на известный скепсис обывателей и затертость темы ямайкской «страшилки» киношниками, в руках, так сказать, умелого профессионала эта штука действует достаточно эффективно! И сил почти не отнимает. Тут, как говорится, всё зависит только от твоей изощрённости и изобретательности. (Ну, воображения!)

Можешь поглумиться всласть, если кто сделал тебе... Или твоим друзьям-близким, какую-нибудь гадость... Приведу пример. В театре была? Что такое режиссёр-постановщик представляешь?

Сэра покивала, удивляясь, насколько выразительные и глубокие глаза у её миниатюрной... учительницы. Мурашки снова почему-то побежали по спине... Чёрт. Хватит! Нужно не пялиться, как околдованная чарами дура, а *слушать* то, что ей говорят!

– Значит так. Нам понадобится воск – для куклы. И какая-нибудь пропитанная потом вещь, или плевок, или часть тела, или просто волос с того, кого хотим взять под контроль. И, разумеется, правильно подобранные компоненты для отождествления! Вернее – установления эмпатии. Ну, слышала же наверняка: когда происходит неприятность с ребёнком – мать чувствует это, находишься она при этом хоть на другом конце земли! Ну, или как ты чувствуешь всё, что происходит с Хамви. Так вот.

Как ты, наверное, уже знаешь от мисс Рениллы, корень мандрагоры очень даже...

Вечером, уже окончив ужин, она почувствовала, что явно пока не в форме. Ноги тряслись, будто кто-то их, словно муку, просеивал через сито, и ещё её мучила одышка. Не слишком-то помогла даже обильная мясная диета, прописанная Лукичом.

Может, просто прошёл тот период, когда всё здесь ещё казалось волшебной полусказкой-полусном?.. И наступало отрезвление – сказка обернулась изнаночной стороной.

А здесь, на этой самой изнаночной стороне, всё то же, что и в обыденной жизни: работа, пот, кровь, людские страдания...

Не пропало ли у неё теперь само желание стать настоящей Ведьмой?

Ведь Цена, которую предстоит платить, уже хорошо видна, и ощущается всем мозгом, всем нутром – страшной реальностью!

Сможет ли она... Выстоять? И не сожрёт ли её изнутри, словно гниль поваленный бурей ствол – собственная совесть?! Быть *плохой*, и осознавать это – не сказать, чтобы ощущение из приятных...

Однако взглянув в сторону печки, Сэра подумала, что по крайней мере двое... э-э... близких существ у неё теперь есть – можно хоть посоветоваться, если возникнут уж *совсем*

страшные подозрения и сомнения...

Вздохнув, она повернулась на бок, прижав колени к груди, и попыталась согреться.

Коридор не вёл ровно – тогда можно было бы заглянуть подальше вперёд! – а изгибался по дуге. Через несколько минут она начала даже думать, что ходит кругами...

Однако – нет. Узкий проход, выкопанный прямо в тёмной от влаги земле, имел явный равномерный спуск книзу – она неуклонно опускалась под землю. Запах стоял точно такой же, как у тётки в подполе: сыростью, плесенью и... могилой. Не к добру всё это.

Зачем донна Недда послала её сюда? Ах, да – за белым куском подземной скалы. Которая, если верить геологии, «подстигает» осадочные породы. Представленные в виде этой вот самой земли... Правда, там, ниже, вроде, ещё должны иметься и какие-то грунтовые воды. (Тьфу-тьфу!)

Факел, что она несла в левой руке, слепил, и почти ничего не освещал, отбрасывая лишь неверные трепещущие тени на небрежно прорытые, и явно никем не подправленные стены коридора, и потолок, сходящийся странным треугольным сводом. Наверное, чтобы не осыпался. Она видала похожую конструкцию в пирамидах ацтеков – это в их сооружениях потолочные своды «решались» именно так, узким треугольником. Блин. Вот ацтеков и инков ей только и не хватало! Сразу вспомнился несчастный мэтр Монтомери...

Пол впереди вдруг показался ей каким-то... Станным. Нет, цвет и структура, вроде, те же, но... Но он отсвечивал словно бы не так, как до этого. Хм-м... Ловушка?

Пробормотав заклинание извлечения, она выудила из ближайшей стены приличный кусок глины – с добрую голову! – и бросила туда, вперёд: на чуть отличающуюся оттенком поверхность.

В первое мгновение ничего не произошло: глыба просто покатилась вперёд, оставляя за собой шматки мокрой глины, и она уже было перевела дух. Затем разом весь пол на странном участке ушёл вбок – словно кто-то гигантской рукой дёрнул кусок фанеры!

И её ком провалился в бездну!

Ну, правда, когда она, осторожно подойдя, заглянула в тёмное отверстие, оказалось, что не совсем в бездну. На глубине трёх-четырёх этажей внизу торчали в разных направлениях заострённые штыри и колья: некоторые из дерева (Такие покрывала словно асфальтовая смола – похоже, чтоб не гнили!), другие – из железа. Эти нагло отсвечивали ржавыми остриями... А неплохо.

Особенно для того, кто продолжал бы, словно баран, ничего не подозревая, переться вперёд.

Но почему же донна не предупредила?..

А может это – снова урок выживания? То есть, она должна сама понять, что готовой нужно быть ко всему! Буквально ко всему! И – всегда!

Впрочем, это может оказаться и просто лабиринтом, который она, словно лабораторная крыса, должна пройти. Чтобы показать выучку. И целеустремлённость.

Эта мысль как-то... Угнетала.

Ладно – двигаться дальше как-то надо.

Пробормотав ещё с десяток Заклинаний Извлечения, она повинимала из стен над ямой с десяток комьев, прокидывая их вперёд. По краям прохода образовалось два длинных ряда выемок. Чертыхаясь, и упираясь руками в стены, она, раскопавшись, словно утка, пересекла яму, наступая поглубже в предательски скользавшую жирную глину углублений.

Вот преследует её упорное чувство, что это пока цветочки... Но как же?..

Ага – вот так! Достав пузырёк с Зельем, она полила им извлечённые из выемок комки, на всякий случай переброшенные (Вот как чуяла – что пригодятся!) за отверстие ловушки, на продолжении пола. Сформировала туловище. (Благо, тут никакой нервной или кровеносной системы не надо!) Капнула кровью из пореза на запястьи... (Ранку уж зализала сама!) Пропела Заклинание мэтра Андервуда. Ух ты!..

Нет, на легендарного Голема, конечно, похоже мало, (хотя бы из-за миниатюрного размера) но для разведки «боем» сгодится вполне. Вперёд, помощничек!

Глиняное чудище, размером с собаку и обликом – словно гномик, приземистое и неуклюжее, двинулось вперёд, еле переставляя ноги, с которых иногда сыпались комочки зем-

ли. Она последовала за ним, в пяти шагах, пошептав ещё и на факел – теперь он светил гораздо ярче и ровней: и как не догадалась сразу!..

Шагов сто прошли без приключений – коридор всё так же загибался и опускался. Она уже начала беспокоиться – может, перемудрила? Однако вдруг сверху на её детище посыпались каменные глыбы!

Чёрт! Больно-то как!..

Потом связь с телом несчастного «големчика» оборвалась – бедняжка «умер»...

Ага – вон в чём дело! Потолок специально сделан как бы выступом – чтобы за ним невозможно было заметить подвесную антресоль с огромными валунами!..

От её глиняного создания, конечно, ничего не осталось. Восстанавливать смысла нет. Впрочем, она ведь может... Ладно, для начала перелезем через завал!

Монстр, сооружённый из камня, и «покапанный» очередной порцией крови, двигался куда громче – скрипел, словно несмазанная телега, при каждом шажке. Зато он позволил легко найти третью ловушку – ещё через несколько десятков шагов.

Выехавший сбоку, прямо из стены, огромный молот впечатал беднягу прямо в глину... И спрятался назад. Не больно.

Да и каменному человечку удар не повредил. Но, когда

она попыталась мысленно отлепить его от стены и запустить дальше, молот снова выехал, и снова впечатал!

Проклятье! На фотоэлементе он, что ли?!

Ладно, раз вы так с нами – и мы вам тем же концом!..

Она расставила руки как можно шире, напряглась... Пропела.

Земля под местом, где прятался молот, разверзлась. Амелквашее так, что сливалось в огненный поток, лезвие жужжащего, словно рой не пчел или ос, а – носорогов, диска воображённой *очень* большой болгарки, обрубил рукоять, краешек которой становилось видно, когда тот выскакивал до упора...

Молот со свистом улетел вниз, раздалось глухое чмоканье, когда он вошёл в раскисшую глину там, внизу... Ух ты – похоже, недалеко эти самые... Грунтовые воды!

Грунтовые воды попытались залить её каменного монстрика шагов через двадцать.

Для них пришлось «проложить» отводящий тоннель – в ещё более глубокие горизонты под коридором. Спуск теперь стал куда круче – приходилось придерживаться за стены, чтобы не оскальзываться на каждом шагу, несмотря на альпинистские ботинки.

Коридор перед ней словно расширился – впереди что-то вроде пещеры. Своды, естественно, теряются в непроглядной тьме, как и положено в порядочной пещере. Стены чёрно-серо-зелёные. Диабаз, что ли, если она правильно помнит

геологию?..

На полу имелись и обломки, и гравий. То бишь – обвал.

Пол завален... Капитально. И гравий вычерпывать оказалось бессмысленно – он сразу же вновь засыпал выкапываемую дыру. Хм.

Она облила пол из ведра, в которое превратила очередной пузырьёк из сумы:

– Я, Сэра, приказываю: замёрзни!..

Вот теперь стенки не оползали, и она смогла прорыть насквозь (Не сама, разумеется – а с помощью управляемых мысленно отбойного молотка и огромной лопаты!) примерно двухметровый слой напрочь цементировавшегося гравия.

А яма-то получилась неплохая – прямо... Вот чёрт.

Ну видно же – могила!

Не нравится это ей. Может, стоило копать не прямоугольник со ступенями, а – круг?

Но как тогда спускаться к долгожданной коренной породе с вожделенными белыми прожилками? Стоп.

Что-то ведь держит её, не позволяя спускаться во, вроде, безопасную, и самолично расчищенную от обломков и пыли (Ну, пусть уже и пассами с Заклинаниями!) выемку!

Почесав затылок, и ещё раз, куда придиричвей оглядев пещерку, освещенную вспыхнувшим по её приказу куда ярче, факелом, она охнула: *их* видно! Круглые отверстия с чуть отсвечивающими при перемещении факела, остриями огром-

ных сосулек, готовых, похоже, метнуться вниз, когда она дотронется до... Детонатора! (Как ни вспомнить несчастных сапёров!)

Она отступила подальше в коридор. Так? Нет – ещё подальше! Мало ли – может, там есть и яды, и бактерии. И кислота... Она призвала в руку прозрачный, но абсолютно непроницаемый для всего этого Щит, шириной во весь коридор. Донна Недда наверняка сейчас потирает руки – ученица включила *мозг*!

Реанимированный каменный человечек двинулся по ступенькам вниз. И вот она следит за ним только мысленным взором – переключившись на *его* глаза. Так. Наклониться. Отбить клювом специально придуманного геологического молотка вот *этот* кусок с белой прожилкой – кварца, что ли? Э-э, неважно!

Удар!

Грохот падения словно от настоящей лавины! Ей опять больно – из стали, что ли, чёртовы сосульки?! Ровными рядами, словно атакующая армия, только с пиками не наперевес, а книзу, жуткий частокол обрушился на её неторопливого беднягу!

Правда, она ещё ощущала его тело – значит, раны ему не слишком повредили...

Зато ему очень повредил поток, полившийся сразу следом из отверстий на потолке пещерки! А-а, жжётся!..

А угадала она с этой кислотой... Только вот как теперь за-

брать камень с прожилкой, если там, внизу, этой самой кислоты – уже по колено!

Придётся, наверное, выпустить её ещё ниже – по ещё одному отводящему каналу: пусть-ка перемешается где-то там, внизу, с водой!

На «копание» пассами тоннеля для спуска жидкости ушло минут пять – трудно оказалось отыскать мысленным взором полость уже в монолитной скале. Но она справилась.

Щит убран, кислота ушла.

Что же останавливает её теперь?!

Запах? Едкий. И ещё – словно квашеной капустой...
Странно.

Ругаясь про себя за возможно, излишнюю мнительность, она вернулась к месту нового камнепада. А петь и творить новые Заклинанья-то... Становится тяжело. Вновь появилась одышка, и ноги... Да, признаемся хоть самой себе – трясутся. Причём не столько от усталости, сколько от ощущения надвигающейся беды.

Новый каменный Големчик скрипел ещё больше, и двигался помедленней, потому что был побольше – ей по пояс. Вот он протопал по ступенькам, вот подобрал остатки молотка (Она поспешила восстановить нужнейшее орудие!), вот...

Удар!

Из ямы начал подниматься жёлтый не то – пар, не то – туман. Впрочем – какая разница: похоже, ей, чтоб не задохнуться в ядовитых миазмах, придётся бежать!

Наскоро сотворив ещё один Щит, она установила его поперёк всего тоннеля, перекрывая путь дымке, уже приобретшей конкретно зримые контуры: огромной Змеи!

Гос-споди, да это же легендарный Золотой Полоз Бажова – хранитель недр и тайн Уральской земли! Но они же, вроде, не на Урале?!.. Она отступила от щита, развернувшись, чтобы бежать. Полоз, массивная голова которого уже раздулась до размеров бычьей, и сгустилась в нечто поматериальней, чем дымка, внезапно ударил ею в Щит!

Тот, как это и бывает в кошмарах, разлетелся на мелкие осколки с печальным звоном...

Ну, тогда – только бежать!

Она кинулась вверх по коридору, поминутно оглядываясь и бросая за спину наспех творимые гранаты-лимонки. Некоторые особо наглые осколки свистели даже над головой, но полозу их взрывы ощутимого, да и просто – видимого вреда не причиняли! Он явно догонял, хоть и двигался с неспешной грацией и мощностью скоростного электропоезда!

Чё-ё-ё-рт!.. Стены спереди начали сходитьсь!

Проклятье, это нечестно! Ведь она почти добыла...

Ладно – придётся попробовать подобраться к «коренным породам» в другом месте!

Она пропела Заклинание переноса, хотя, скорее, это напоминало выкрикивание:

– Я здесь и не здесь! Я – везде и нигде! Я – в Авалоне!

Однако – ни ...я Заклинание не помогло!!! Да что ж это

за свинство такое?!

Стены продолжали нагло и неумолимо сходиться, а «уж-переросток» уже буквально дышал в спину! Ах, вы так со мной!..

Она, с криком не то отчаяния, не то – ярости, развернулась, и, выхватив катану из-за спины, нырнула навстречу врагу, буквально влетев в тёмный провал пасти! Первый удар – в мягкое нёбо! Вот так! А-а-а!!! Ну погоди ж ты, мерзость бесплотная!

Она была готова рубить тварь изнутри в мелкие дребезги, но...

Но обнаружила себя сидящей на постели, проснувшейся, похоже, от собственного крика. О-ох-х!..

Донна Недда сидела на чуть отставленной табуретке за столом, попивая чай из блюдца, и вполне весело глядела на неё. Убедившись, что «акцептор» проснулся, спрятала в рукав маникюрный наборчик... С чем?!

Сэра почувствовала, что стучит зубами: они выбивали дробь, что твои кастаньеты!

Учительница вежливо поинтересовалась:

– Ну как – кошмар? Реалистичный? Надеюсь, скучно не было?

– Ре... Реалистичный! Не было... А как вы узнали, что мне снилось?!

– Ну, это просто! Я сама и задавала тебе все эти карти-

ны и приключения: ну вот же! «Помнишь про меня?» – учительница потрясла перед ней куколкой Вуду с растопыренными ножками-ручками, сделанной на предыдущем уроке, – Теперь, наконец, ясно, что убивать можно и не лично, и не ядами или грубым оружием, а – тонко, долго, и подло: страхом? Надеюсь, твои сомнения в действенности магии Вуду рассеяны? Я старалась, как могла! – донна открыла форточку, тоже мысленно, и отправила за окно горсть глины, пару сосулук, чашку с чем-то дымящимся, и трубку – обычную курительную трубку, из мундштука которой всё ещё струился кольцами неторопливый поток дыма...

Сэра открыла рот. И снова его закрыла. Руку не оставлиwała – пусть себе чешет многострадальный затылок... Донна Недда продолжила лекцию:

– Поскольку ты ещё не пришла в... Должную физическую форму (Назовём это так!), мы... Ну, мы – то есть – благородная Донна! – решили провести сегодняшнее занятие не поднимая тебя, так сказать, с постели! Ну? Как впечатления?

– Впечатления – о...реть! (Ой, простите!) Я имею в виду... Ну – то есть – жуть! Всё до того реалистично... Это вам не какие-нибудь тренажёры. Или кино в три-Д! Вот уж ощущения!.. Донна Недда! А как вы добились такого... Эффекта?

– Как-как... Очень просто. Главное – у нас очень надёжная связь между тобой и куклой. Помнишь? Мы вставили внутрь твой *свежевырванный* волос! Это – лучше всего. По-

тому что выпавший самостоятельно – выпадает обычно от старости, и с организмом связан примерно так же, как осенний опавший лист с деревом. Так что если захочешь добиться такого же, или *примерно* такого же «эффекта» – старайся вырвать волосы жертве сама... Или подослать кого-то близкого... (Ну – вспомни легенду о Самсоне и Далиле!) Или уж тогда вмуровывай целый пучок – снятый с расчёски. Или сметённый с пола...

– Ага, понятно... А это – только волосы работают вот так?

– Волосы, конечно, лучше всего для насылания именно галлюцинаций. Потому что волосы изначально близки к мозгу. Если хочешь, чтобы жертву хватил сердечный приступ (Ну, или любовь – что почти одно и то же в нашем случае!), используй кровь, ногти или слюну.

Для особо извращённых мучений в виде... Хм! Геморроя – годится и... Ну, сама понимаешь! – донна хитро подмигнула. Сэра покраснела.

– И вот ещё что. Магия Вуду всё равно требует от самого мага довольно сильной концентрации. Да и расход психической энергии большой. Поэтому – жертва должна быть одна! И не какой-нибудь там «изменивший поклонник»! А реально – Важная Персона в политике, или уж – власти, если речь об «особах придержащих...».

Видишь, сколько у нас, Ведьм, разных... опосредованных, скрытых, рычагов?..

Сэра кивнула, продолжая смотреть только в эти чару-

юще-глубокие, выразительные, словно у евреек с полотен Брюллова, глаза...

Она уже поняла, что просто так это «смотрение» не закончится...

Что-то «особенное» донна для неё подготовила.

Мэтр Дониёр явно чувствовал себя виноватым – сжатые тонкие губы не украшала, как обычно, кривоватая хищная улыбка.

Сэра чуть прислушалась к своим ощущениям – ну точно: читает его эмоции куда легче, чем в самом начале. Поэтому нагло улыбнулась:

– Мэтр Дониёр! С вас причитается! Раз уж вы поэксплуатировали меня в прошлый раз, теперь позвольте и мне... Сделать то же самое!

Мэтр, несмотря на железное самообладание, подрастерялся:

– Сэра! Я... То есть – что ты имеешь в виду – поэксплуатировать?! И, кстати – как там твоя рука?

– Рука отлично, – она продемонстрировала чистый заживший рубец, закатав рукав, – а насчёт поэксплуатировать... Свозите меня в древний Рим? Уж больно охота посмотреть на настоящих гладиаторов!

Да и на Рим!

Теперь настала очередь учителя чесать затылок. Но надо отдать мэтру Дониёру должное, сориентировался он быстро:

– Твоя правда – там есть чему поучиться. Да и к человеческой жизни они там подходили совсем с другими мерками! Куда... циничней, и... прагматичней, что ли. Ладно – поехали. Значит, ты повторяешь, что «в Океанию», я – представляю время и место!

Место оказалось в трёх милях от Капитолийского холма, за какими-то лачугами (когда обошли их, оказалось, что это гончарная мастерская), и обошлось без свидетелей.

Время, как объяснил мэтр – «при императоре Нероне, девять утра.» Чертовски точная хронология, усмехнулась Сэра про себя. Но мэтр уточнил:

– Знаменитый поджог Рима состоялся три года назад – так что тут всё свежее и новое. Ну, почти. Не водить же тебя по помойке, которая тут была до поджога!

Ух ты! Нерон! Вот уж про кого снято и море фильмов, и написаны горы книг! Посмотреть бы вживую! Ну, хоть издали! А-а, он же будет, наверное, на боях!

Мэтр между тем покачал головой:

– Сэра! Имей совесть! Местные приличия, да и менталитет, не позволяют солидным и состоятельным матронам ходить в мини! Опустит подол хитона ещё на три ладони! Так. Теперь – стола... – её бёдра скрыла широкая складчатая юбка, – Фибулы я сам тебе на пеплу... – под его руками на плечах миниатюрной накидки-пеплы возникли миленькие как бы заколочки, – И пояс. А уж вырез на груди уменьши сама!

Теперь – снова хитон и стола. Цвет – белый. Никаких «дизайнерских» выкрутас: синий и зелёный – для черни. А мы тут типа аристократы!

У самого мэтра по груди и спине подборенной и спадающей как бы по диагонали тоги, одетой на нижний хитон, шла узкая красная полоса – «всадническая!» – пояснил он – «до сенатора я не дотягиваю!»

Её сандалии, красные «солеа», которые, зная местную моду, подправил учитель, оставляли ногу непривычно голой – ей показалось, что ступня замёрзнет. Мэтр буркнул:

– Ничего. Здесь не холодно – лето! Займёмся-ка причёской...

Жаль, что посмотреть на себя оказалось нельзя. Но мелкие кудряшки на лбу и словно распушённые остальные волосы, да ещё и прищипленные сзади массивной золотой заколкой, сильно обременяли и смущали Сэру всё остальное время – уж слишком много, как ей казалось, объёма мэтр им придал! Однако на её возражения он «добил» её:

– Будешь капризничать – добавлю туда же и накладной шиньон! Здесь высокородной положено быть... Ну, очень волосатой! Говорю же: мы – аристократы!

Она узнала, почему эти самые аристократы красят тогу и солеа, или кальцеи (мужская обувь): краски, особенно яркие, и стойкие к стирке и чистке – *жутко* дороги.

Престиж-с!

Они неторопливо, словно гуляя, двинулись мимо одно-

этажных скромных хижин-лачуг, вначале по пыльной дорожке, впрочем, быстро приведшей к настоящей мощёной камнем мостовой. Ого! А здесь существовали и колеи для «авто» – телеги уже выбили в камнях приличные желоба! А на перекрёстках торчали каменные же как бы тумбы, чтоб переходить с тротуара на тротуар, «не замочив туники» в дождь! Судя по высоте тумб, воды бывало и по колено...

Пахло рыбой – слева оказался квартал не то ловцов, не то – торговцев, а, может, и тех и других. Пока прошли мимо, старались делать такие же сморщенные носы, как и встречаемые теперь всё чаще люди в похожей одежде.

С такими вежливо раскланивались, ничего, впрочем, не говоря. Зато на «чернь» в действительно серо-голубых и светло-зелёных, а иногда и откровенно неопределённо-бурых из-за частой стирки тряпках, смотрели свысока: словно через ноздри!

Лачуги бедняков казались построены чуть не из мусора: какие-то корявые палки, ветки, камни, и всё это обмазано глиной – словно не великий и культурнейший город, фактически столица Мира, а обычный захолустный городишко, если вообще не посёлок.

Наконец пошли кварталы «доходных домов». Построенных, конечно, куда прочней и капитальней. В них, как объяснил мэтр, ютились те, кто понаехал в Рим на заработки, или по делам. Плата обычно чисто символическая, зато здесь даже наличествовала канализация – правда, не на всех эта-

жах... А выглядели такие дома словно общежития в «её» время: четыре-шесть этажей, общие длиннющие коридоры, и клетушки-комнатки с узенькими, и ничем не забранными проёмами окон.

Зато эти здания смотрелись куда как внушительней: нижние этажи – явно из камней, скреплённых бетоном. Правда, верхние, словно бы нависающие над всё такой же узенькой улочкой – из дерева. Дерево казалось светлым, свежим... А, ну да – Рим же только что сжёг «величайший поэт и певец всех времён и народов...»

Ну а раз – всё ещё дерево – чего ж удивляться, что чёртов Рим горел, и ещё будет гореть... Вплоть до окончательного разгрома и поджога его варварами-пиротехниками. (Ничем иным, кроме любви к «огненным шоу» Сэра не могла объяснить себе странное нежелание галлов, даков, вест-готов и т.п. германцев жить-поживать в завоёванном гигантском, удобном, обустроенном на века, мегаполисе... Одни многоэтажные здания «общежитий» чего стоят! Здесь может разместиться, наверное, до полумиллиона человек. Причём – с комфортом. Ну, по местным меркам...)

Народу попадалось всё больше – и все старались идти по чуть выступавшим над полотном собственно дороги тротуарам, потому что внизу, на «проезжей части», буквально плескались вода, помои, моча и – если полагаться на обоняние! – кое-что и поконкретнее!

Они старательно берегли сандалии, но ноги всё равно ста-

ли покрыты словно кожурой – из брызг глины, и пыли.

Правда, ближе к самому амфитеатру попадалось куда больше кварталов частных вилл и дворцов – эти были старательно ухожены, перед ними аккуратно не то выметено, не то – вымыто, и сады за высоченными заборами явно позволяли наслаждаться чистым, хотя бы относительно, воздухом. И тенью. Она спросила:

– Мэтр Дониёр! А почему не видно Колизея?

– Ну здравствуйте! – он покачал головой, – Историю помнишь? Его ещё не построили. Это же – Нерон. Он всё делал – в первую очередь для себя. Любимого и бесподобного... Вон: его Домус Аура. Дворец. Который строят уже три года, и будут строить вплоть до свержения и самоубийства нашего милого... матереубийцы.

Вон леса вокруг основного Здания: оно стоит на освобождённой после пожара шестьдесят четвёртого года, территории, прямо в центре Рима. (Учись, кстати: вот так Нерон и «расчистил» стройплощадку. Да ещё и не заплатил никому ни гроша за конфискованные пепелища!). Территория бывшего Форума.

Во дворце сто пятьдесят комнат. Внутренний двор целиком занимает пруд в три гектара. Ещё там, внутри – сувенирчики со всех концов Империи. – мэтр сплюнул, – Нам там делать нечего. Раскусят вмиг – местные сплетни нам незнакомы. А на Форум ходят, как и в бани – потрепаться. Ну, коренные римляне – они ж не работали ни дня, даже бедняки.

Помнишь – бесплатные раздачи хлеба, денег и т.д., и т.п...

А мы идём смотреть гладиаторов. Да?

Она кивнула. Точно. Гладиаторов.

Мимо проплыло странное здание. Она принюхалась... Не может быть!

– Мэтр Дониёр! Это же... Это!..

– Ага. Общественный туалет. – он выглядел невозмутимым, – А в чём проблема? С тех пор, как проложили Клоаку Максима, римлянам стали доступны и такие блага Цивилизации, как канализация. Вот они и стараются – перед тем, как пройти в Амфитеатр.

– Да-а?! А почему... Все входят-выходят из одной двери?!

– Это просто. Здесь нет деления на мужской-женский. Все... Справляют свою нужду в общем зале! – её передёрнуло, мэтр заломил бровь, – Шокирует, да? А вот римлян не шокирует. Впереди – восемь-десять часов сидения. Вот и стараются облегчиться, так сказать, заранее. Кстати – не желаешь приобщиться к традициям? Я даже сотворю тебе собственную губку: для... Ну ты понимаешь! – мэтр сделал выразительный жест, – тут все таскают персональные... Кстати, и в плане гигиены полезно: хоть *оттуда* никакой заразы не подцепишь, даже во время эпидемий. – она решительно помотала головой, – А зря. Было бы интересно! Поучительно, так сказать.

Она открыла было рот, но тут же закрыла. Вот уж без сомнения – поучительно!..

Мэтр Дониёр поспешил успокоить её:

– Ладно, мы почти дошли: смотри. – он указал на нечто низкое, но похожее на овал стадиона «Лужники», – Тут амфитеатр, конечно, поменьше, победней, чем будет Колизей, до начала строительства которого ещё лет пять. (Это бого-равный Веспасиан постарается задобрить местный электорат таким способом!) Но традиции – можешь не сомневаться! – такие же мерзкие и кровожадные. Так что мы даже не будем смотреть больше ни на какие достопримечательности архитектуры Столицы. А познакомимся. С... Нравами толпы.

Причём ты и сама увидишь, что так называемая родовая знать ничуть не лучше последнего плебея.

Собственно, для чего-то *такого* все эти «шоу» и нужны. Они как бы сплывают. Демос и Аристократию. Как бы мажут всех одной кровью, создавая ощущение единения каст и классов – богач, бедняк... Одинаково звереешь, глядя на...

Поощряешь убийства, словом. Причём – сознательно. Может, думаешь, болельщики хоккея далеко от *такого* ушли? Хм-м. А вот и посмотришь сама.

Сэра понимала, конечно, что с человеколюбием и гуманностью как таковой здесь проблемы. А вдруг здесь все такие, какой она сама ощущала себя недавно, рубя янычар?!.. Она уже ощущала сожаление – лучше бы попросилась куда-нибудь в Лувр...

Но – назвался груздем – полезай в кузов!

– А там... Какие-нибудь билеты покупать надо?

– Не билеты. А зарезервированные места. Вот – видишь? – мэтр вынул из складок тоги пару странных не то табличек, не то пластин, – Это – наши. Вход номер двенадцать. Ряд. Места. Правда, конечно, не на первых рядах, но видно будет неплохо. Только будь готова к дикому ору болельщиков. Ну, почти как на футболе. Но вот идти «шоу» будет до вечера.

– Ого! А если надоест, можно уйти?

– Можно. Но не нужно. Во-первых – не принято.

А во-вторых – посмотреть найдётся на что.

Действительно, нашлось.

Когда они, толкаясь и переругиваясь с чванливыми мужчинами и накрашенными, словно низкопробные шлюхи, женщинами – жёнами и любовницами разных «важных персон», – пробрались к зарезервированным местам, загремели барабаны и зазвучали трубы – явно медные! Потому что звук оказался уж больно гнусавый. Зато громкий.

Вокруг сидели, полулежали или даже стояли римляне. Они зубоскалили, приветствовали знакомых, громко болтали с друзьями и соседями, и почти все – что-то жевали!

Да, еда имелась буквально у каждого! А кто не принёс с собой хотя бы пресной лепёшки, сейчас подзывал кого-нибудь из огромной армии резво снующих лоточников, выкрикивающих, что «только у них – свежайшее», и, разумеется, «по самой низкой цене»!

После фанфар все, наконец, расселись, и гул, крик и хохот

сменился простым гомоном – уже заткнулись лоточники и зазывалы, а оказавшиеся на сиденьях зрители всё чаще глядели на арену, и мощные ворота на дальней её стороне.

Сэра рискнула оглядеться нормально. Нет, ничьего внимания она не привлекла. Очевидно, потому, что поработав над лицом, замаскировалась под адекватную спутницу мэтра Дониёра – даму лет пятидесяти, с золотой заколкой в волосах, и клипсами с бирюзой – как объяснил мэтр, уши прокалывать ещё не принято. Впрочем, все украшения изготовил и навесил сам мэтр: только «для придания должного соответствия эпохе и моде».

– С собой в Авалон не тащи! Захочешь – сделаю тебе прямо там такие же!

Вот уж нашёл чем привлечь! Заколка в волосах всё ещё досаждала своей массивностью. Но уж статус, похоже, придавала – местные матроны явно с завистью пялились на её благообразное красивое лицо, горделивую осанку, (Уж она вспомнила советы Васильева – «словно зажимаешь доллар между лопатками!») и богатые побрякушки!

Сам мэтр скромно обошёлся напوماженными волосами в мелких же кудряшках, (Дань уважения моде, введённой императором, как пояснил он!) и кулоном на толстой золотой цепи: ну, ни дать ни взять – «новый русский» из лихих девяностых! И чванливо-небрежный взгляд ему удавался не хуже. Она и сама старалась глядеть на всё и всех так же.

Фанфары прозвучали во второй раз.

На арену вышли служители, встали по кругу лицом к трибунам.

Открылись двери огромного балкона, и туда вальяжно вплыли явно некие начальники – местные Большие Шишки: сенаторы, проконсулы, ликторы – словом, высшие армейские и гражданские чины.

Затем соизволил возникнуть у перил, ограждавших ложу, и сам Император.

Его все приветствовали стоя. Аплодируя, и что-то выкрикивая. Кажется, что-то о его щедрости и милости...

Ещё бы: сегодняшнее «шоу» оказалось полностью бесплатным – всё, как пояснил её спутник шёпотом – оплатило Государство! Так вот почему трибуны забиты – яблоку негде упасть!

Впрочем, это, конечно, был далеко не Колизей: Сэра прикинула, что чаша вмещает не более тридцати тысяч. И навеса, который должен бы прикрывать их от солнца, как она слышала, сделают в Колизее, здесь нет. Бедновато для «мировой Империи»!

Появление Императора совпало с третьими фанфарами.

На центр Арены вышел служитель – с поистине громовым голосом. (Ну, или это акустика была великолепной!) Объявил:

– Граждане Рима! Сегодняшние бои посвящаются памяти матери нашего великого и милосердного Императора Нерона, Агриппины Гай Германики! Прошу всех встать, чтобы

почтить её светлую память!

С почтительным ропотом и шелестением подолов ряды поднялись со своих мест.

Все помолчали с полминуты. Распорядитель сказал:

– Благодарю, граждане Рима! Прошу занять свои места! – после чего удалился.

Начался «парад»: вокруг арены строем, или кучками прошли все те, кто должен был сегодня усладить толпу своими страданиями и смертью: гладиаторы. Вот уж смотрела она на них с интересом!

Загорелые, большинство – сухопарые. Но попадались и крупные рослые – похожие на варваров. У таких и вооружение отличалось экзотичностью: длинные, в отличие от римских, мечи, палицы, секиры, цепи с шипастыми шарами... Полчаса спустя она с сожалением вздохнула: всё, парад закончен!

Сейчас начнётся бойня!

– А что это за листки у некоторых зрителей? – поинтересовалась она шёпотом.

– Программа выступлений. Погоди-ка, сейчас я и нам достану одну...

Не без удивления Сэра обнаружила, что почти все буквы знакомы, и она может вполне свободно читать по-римски. Вот только числа-цифры написаны латиницей, с иксами и палочками – не поймёшь, сколько всё же гладиаторов участвует в тех или иных схватках.

Нерон торжественно махнул рукой, все заорали, и шоу началось!

Разглядывая знаменитого злодея, она давалась диву: ну, раскормленная морда поперёк шире, ну, трясущиеся явно от обжорства, рыхлые щёки, ну, бочкообразная грудь, и пузо под ней... Она знала – он выступал (Или пытался, по крайней мере!) и на публичных состязаниях декламаторов и поэтов... И, вроде, даже побеждал. Даром, что для вдохновения (Или – по более трезвой версии мэтра – для расчистки участка «в центре»!) спалил весь этот развращённый бездельем, и халявной добычей с ограбленных завоёванных территорий и провинций, Рим, к чертям собачим!

Впрочем, злые языки его недругов уже тогда, до мэтра Дониёра, уверяли, что Рим он спалил именно для этого! Для того, чтобы построить чёртов Домус Аура. Сто пятьдесят комнат? Пруд? Н-да, скромновато для «реального пацана с маньей величия...».

Рыжеватая жиденькая бородка исторического Злодея с большой буквы тоже её не впечатлила – ни мужественности, ни оригинальности облику сластолюбца она не придавала. И вообще – с бородами сидела чуть не половина присутствующих. Брились, как объяснил сам бородатый для такого случая мэтр Дониёр, те, кто имел отношение к Армии, или кто считал, что вшей лучше иметь только в волосах. Хотя раньше, во времена проконсулов, мода и та же гигиена заставляли бриться всех мужчин: от юнца до старца.

Она после этих слов невольно почувствовала зуд, и начала невольно дёргать плечом и по возможности незаметно чесаться.

– Хватит! Нет у тебя никаких вшей. Это – нервное.

– Знаю... Но остановиться трудно! – они посмеялись.

На арену вышла первая, снова объявленная громовым голосом, пара: могучий, до пояса обнажённый загорелый варвар «из дикой Дакии», в дурацком шлеме с узенькой прорезью для глаз, и щитом, и надраенным до блеска мечом. («это – знаменитый, завоевавший полмира, гладиус, короткий римский меч» – пояснил мэтр) И тощий, вооружённый только сетью и трезубцем, блёклый какой-то, «шемит (Еврей, что ли?) из Лидии!».

Под одобрителный рёв и подбадривающие крики шемит попытался, внезапно наскაკивая, поковырять мощную тушу своей «зубочисткой», помахал сетью. Варвар не слишком испугался: прикрывшись щитом, стоял в центре арены, как врытый, только поворачивался лицом к кружащему вокруг противнику, на которого глядел явно с пренебрежением и сверху вниз.

Возможно, конечно, что действия гладиаторов кто-то отрепетировал заранее, но...

До определённого предела.

Минут через пять осторожных выпадов и вялых отмахиваний гладиусом, схватка пошла ну точно совсем не так, как на «тренировках»!

Шемит, всё ещё круживший вокруг придавленного тяжестью громадного щита и ограниченностью поля зрения к песку в центре, дакийца, как бы невзначай уронил один из концов сети на землю. Примерно пяти шагов вокруг варвара ему хватило, чтоб сеть оказалась под ногой того. Затем шемит дёрнул что было сил!

Нога мирмиллиона, голень которой укрывали поножи, (Совсем как у футболистов – щитки!) оказалась вскинута в воздух, варвар дёрнулся и переступил второй, чтоб сохранить равновесие. Этим моментом и воспользовался тощий, но, оказывается, жилистый и подло-коварный шемит: трезубец ударил прямо в ляжку, прямо над незащищённым коленом!

Зрители издали дружный не то – вой, не то – вздох! Варвар заорал.

Сколько же в этом крике было боли и отчаяния!

Теперь он понимал: его время пошло! Если не убить врага в ближайшие несколько минут, он попросту истечёт кровью, обессилит, и станет лёгкой добычей!..

Дакиец перешёл в наступление, пытаясь игнорировать поток, струящийся по икре в сандалию и на песок, оставляя за ним прерывистый, словно пунктирный, кровавый след.

Шемит-ратиарий тоже отлично всё понимал: ему-то тяжёлый щит и дурацкий шлем не мешали отбегать и уворачиваться от выпадов короткого, не длинней чем по локоть, лезвия! Так продолжалось ещё минут пять, под улюлюканье

заскучавших от «трусости» и «подлости» шемита зрителей – особенно усердствовала чернь, разместившаяся где-то на последних, верхних, ярусах. Впрочем, вряд ли кто из бойцов обращал на их выкрики внимание: не до идиотов, когда речь идёт о жизни!

Варвар наконец замер снова в центре арены, очевидно устав. Он задыхался, и его хриплое с присвистом дыхание разносилось теперь по всему заткнувшемуся, наконец, цирку (Вот уж инженеры здесь отлично владели тонкостями акустики!). Ратиарий снова начал свой танец смерти, обходя врага. Теперь он не делал ложных выпадов – просто собрался словно в мускулистый тугой комок, и ждал – ждал, когда сможет нанести верный удар в незащищённое место.

У мирмиллиона уже не оставалось, похоже, сил держать щит высоко, и он поставил его кромкой на песок, защищая ноги, и просто поворачиваясь так, чтоб щит оказывался между противником и им. Зрители напряглись, некоторые привстали, понимая, что настал критический момент. Никто не шикал, не смеялся и не сморкался!

Она чуяла сверхспособностями – толпа жаждет уже не просто крови – но смерти!

И смерть уже словно слетела вниз с вершин Олимпа, или что там было у древних римлян – и распростёрла тусклые графитово-матовые крыла над двумя людьми на арене...

Шемит сделал стремительный выпад – целясь в щель шлема. Очевидно, хотел добиться красивой и быстрой смерти

врага! Большая ошибка.

Варвар, чего-то такого, похоже, и ждавший, метнул от бедра гладиус!

Такого, похоже не ждали не только зрители, но и ратии-рий!

Меч, словно большой нож, (Которым он, с её точки зрения и был!) вошёл точно в бок, где кончались рёбра, под поднятой рукой с трезубцем! Толпа выдохнула – что-то первобытное, злое и удовлетворённое, слышалось и чувствовалось в этом вздохе.

Ох, и эмоции здесь царят! Совсем не такие простые и «гуманно-наивные», как на футбольном стадионе, или боксёрском ринге, или в клетке Пелатора, на смешанных единоборствах, и боях без правил... На корриде. На петушиных или собачьих боях. Сходство лишь в том, что противников – двое. Невозможно болеть так... абстрактно-отрешённо, когда точно знаешь, что проигравший умрёт!

Но «болеть», судя по всему, в природе человека. Словно высунула на миг из-за угла голову оскалившаяся обезьяна, жаждущая крови, жаждущая убить врага, а не просто – положить его на лопатки! Ох и много же женщин до сих пор обожает бокс! И бои без правил. Похоже, *их* обезьяна спрятана куда хуже под маской «цивилизованности и культуры»!

Боже! Какая фигня все эти попытки гуманистов и «просветителей» эпохи Возрождения, да и «идеологов-моралистов» её времени, «очеловечить» человека!

Как не вспомнить слова мэтра Администратора, так поразившие её ещё тогда, в самом начале: *все* доросшие до разумности расы – плотоядны! То есть – регулярно едят мясо. И получают его существуют благодаря узаконенному фактически – убийству: тех же коров, овец, свиней. Кур...

А есть ещё и охота с рыбалкой. Правда, уже не для еды, а для... Вот именно.

Но ей пришлось, преодолевая подступившую к горлу тошноту, досматривать: как теперь уже ожидавший варвар, решил, что – пора, и его фигура неторопливо приблизилась к корчившемуся на песке врагу. Наклонившись, он подобрал отброшенный в конвульсиях трезубец. Обратился, подняв его в воздух, с немым вопросом к зрителям – вытянув руку с указующим перстом к шемиту...

Она и так знала, что те покажут: опущенный к земле большой палец сопровождали дикие, злобные и почти звериные крики – так могла бы кричать и выть стая гиен, терзающих пах антилопы, применяя излюбленный охотничий приём этих гнусных тварей!

Сердце будто сжала чья-то стальная рука: не часто (Вернее – никогда!) на её глазах так спокойно, и с громогласного одобрения тысяч тварей (А как их ещё назвать?!), убивают человека... Пусть здесь это и традиция... Хорошо, что в её время *таких* традиций не сохранилось. Вот: сейчас!

Трезубец опустил в стремительном ударе, пронзив то место, где, по идее, должно располагаться сердце – точно в

центре груди! Дёрнувшись пару раз, (Словно лягушка в опытах Гальвани с электричеством!) тело расслабилось и словно расплылось по песку.

Мирмиллион какое-то время ещё стоял над ним. Затем кто-то из служителей, похоже, что-то ему крикнул.

Гладиатор поднял голову от поверженного, выдернул из его бока меч, и почтительно поклонился Императору, и – во все четыре стороны света.

После чего, хромая, ушёл в ворота. Выскочившие оттуда неприметные невысокие люди – явно рабы! – обнажённые до пояса, похожими на багры палками с отпорными крючьями уволокли тело туда же.

Осталась небольшая дорожка из параллельных бороздок на песке, от которой Сэра долго не могла оторвать взгляд... Пока выскочившие следом за «крючниками» рабы с мётлами не размели песок, скрывая и дорожку и кровь...

Далее выступало две группы – у одних на шлемах красовались белые перья, у других – чёрные. Только этим они и отличались, на взгляд Сэры. Мэтр Дониёр пояснил: группами обычно выступают какие-то племена, или – проштрафившиеся солдаты. Скажем, отступившие с поля боя, пока командир ещё не отдал такой приказ. Или мародёрствовавшие в неполюженном месте...

Похоже, военная выучка сказала: те, что были в чёрных перьях – и действовали слаженней, и прикрывали друг друга. Не прошло и трёх-четырёх минут, как отряд «белых» остал-

ся на песке, и Император снова получил положенный синхронный поклон...

Когда уволоакивали этих, Сэру снова прорняло: вид волочащихся по песку и покрывающихся пылью сизо-белых лент кишок вызвал рвоту и у некоторых других женщин!

Ах, вот почему здесь находятся как бы урны, одну из которых поспешил подставить ей мэтр – как раз для...

Продышаться и успокоиться она смогла лишь к концу третьего выступления – отряды оказались куда больше, и хоть и строились в подобие каре, и шли сомкнутым строем, перебить друг друга смогли лишь за чуть большее время, чем предыдущие группы.

Затем пошло смертоубийство диких зверей: крепкий жилистый негр с помощью копья и меча разделался со львом, а две львицы растерзали-таки огромного светлокожего брита со щитом, копьём, и даже двумя мечами: вряд ли он когда-нибудь видал хоть кого-то крупней и опасней волка в своей древней Британии...

Сэру удивило, что никто из зверей не пытался удрать с арены... Но потом она поняла: приблизиться к возвышающемуся над песком на добрых три метра барьеру не дают заострённые колья из меди, понатыканные под самой её кромкой в песок, и в саму стену...

Когда убили быка с огромными рогами, (кажется, это был индийский буйвол) она так взглянула на мэтра Дониёра, что он сразу всё понял:

– Дождёмся только перерыва между схватками. Иначе зрители отлупят нас.

А ведь верно – могли бы и отлупить, если б они загородили от жадных глаз происходящее на сцене! Сэра отлично чуяла тот неповторимый запах возбуждения пополам со страхом, что царили теперь здесь: пот, аммиак, рвота, кровь! Боже, как они сами здесь сидят, не задыхаясь в непроветриваемой закрытой чаше – от своих же выделений и эмоций!

Или...

Привыкли?

Возможно. Человек такая тварь – привыкает ко всему. А чужим страданиям ещё и радуется. (Не для этого ли у нее на родине смотрят передачу того же Малахова?! «Как хорошо, что все это происходит не с нами!..»)

А что самое страшное – какие же дети рождаются у всех этих... Матрон?!

Пока шли по городу, она старалась сдерживаться – нельзя, чтобы её заметили плачущей. Могут неправильно понять.

Однако когда они почти пришли к месту, откуда возникли, и никто их не мог видеть, её проняло: она зарыдала, закрыв лицо руками, и потом, когда учитель подошёл – перекинувшись на плечо мэтра Дониёра.

Он не отстранился, напротив: ещё и положил тёплые мягкие руку ей на плечи.

Сэра наконец перестала рыдать, и спросила:

– Здесь... Всегда так?

– Да. Но бывает и хуже. Амфитеатр занят почти каждый день, и иногда – особенно по Праздникам! – общее число убитых может быть и впятеро больше.

– А почему же эти гладиаторы... Если их так много, и они отлично тренированы в обращении с оружием... Не сбегут! Или хотя бы всех не пережуют, восстав?!

– Всё продумано. Тюремщики отлично знают все слабые места Системы. Оружие дают только перед схватками. Боевое оружие. А тренировки – как у японцев – с деревянными макетами. Да и куда больше тут стражников, чем ты могла подумать. Но они – внутри, в галереях под ареной. Всё, как и сейчас: закулисная механика Сцены скрыта от...

– А как же... – она тщетно ворочала воспоминания в поисках нужного имени. Ах да – тоже футбольный клуб! – Восстание Спартака?

– А, небось начиталась Джованьоли? – она отрицательно покачала головой, – Нет? Ну тогда скажу тебе по секрету: ему помогли! Помогли организовать всё это «восстание», чтобы сместить Императора, и воспользоваться возникшим хаосом и паникой плебса и конкурентов-сенаторов, как предлогом, чтобы усилить тиранию и... Налоги!

После этого «свободы и права» граждан Великого Рима превратились в фикцию!

– А-а... Понятно. То есть – опять политические игры?

– Ну... Да. Политика и вообще подлейшая вещь. А вот и

известнейший тебе пример: ваш Ленин как раз и считал, что красивыми лозунгами можно прикрыть банальную кровавую месть за брата, ну и... Заодно – захват власти! Причём – с помощью буквально горстки хорошо инструктированных людей. Запудрив мозги так называемой «широкой общественности». (Вспомни: большая часть тогдашних «СМИ» была большевиками просто куплена! На деньги якобы немецких банкиров.) «Услуги» вооружённых людей, кстати, большевики тоже *оплатили*.

Ну, Ленин так поступил по *своим* соображениям. Подтвердил заодно, так сказать, свои теориейки... Чего они *стоят* – ты знаешь. А уж чего такая экспериментальная проверка стоила самой Стране – ты помнишь. Если не лично – хотя бы из Учебников истории.

– Мэтр Дониёр... Значит, Ленин – тоже *наших* рук?..

– Дело? Ну да. Как, собственно, и не только он. Правда, в случае с «большевиками» мы удачно прикрылись деньгами тех самых немецких Банкиров: все так и посчитали, что немцы хотят просто вывести Россию из войны таким замысловатым способом. А мы-то знали... – он прикусил губу и замолк надолго. Она пробормотала:

– Получается, вся разница между ними и нами – в том, что мы убиваем для дела. А они – для развлечения.

Мэтр кивнул, дёрнув щекой. Вдруг вскинул на неё горящие глаза:

– Что это мы сегодня – всё о плохом, да о плохом... Хо-

чешь узнать и кое-что интересное? Невероятное?

Ух ты! Раз уж мэтр Дониёр говорит, что это – интересное... Да ещё – невероятное!..

– Хочу конечно!

– Тогда – остаёмся здесь же... Ну, в-смысле, в римской Империи, но – сменим время. Держи руку! А я воображу эпоху!

– Задача наша совсем проста. Ты – усыпляешь библиотекаря, я – ищу нужный свиток! – они стояли перед довольно большим зданием, очертаниями и пропорциями напоминавшем классический храм, но – без алтарей и прочих обычных религиозных атрибутов снаружи.

Они подошли ко входу. Она, вспомнив уроки леди Барбро, заработала руками, негромко распевая Заклинание.

Можно особо не напрягаться – внутри замкнутого пространства *это* действует куда сильнее...

– Порядок. Кто бы там не находился – все спят!

– Отлично. Пошли. Нам нужно в опистодом. – и, видя её недоумение, – Ну, в заднюю, отгороженную, часть. Всё самое ценное всегда хранится там.

Судя по положению звёзд, время приближалось к четырём утра – самый коварный, как она знала, для часовых и сторожей, час: когда сон наползает неумолимо, словно туча на солнце, а бдительность ослаблена самоуверениями, что «раз до сих пор ничего не случилось – не случится и дальше!»

Они бесшумно вошли под своды портала. Двинулись, сквозь колоннаду и тишину гулкого пространства, к дальней торцевой стене. «Оригинальная» конструкция заставила её скептически хмыкнуть: храм называется – а в самой середине крыши – огромное окно! («Это – для освещения днём, – пояснил мэтр, – факелы здесь запрещены. Чтоб не поджечь. Больше всего эти храмы – ну, вернее, их крыши – боятся пожаров! Вспомни Герострата!»)

Здесь, на многочисленных полочках в нишах, поднимавшихся чуть не до потолка, (Как же они сами их оттуда?.. А-а, вот и лестницы!) хранилось не совсем то, что она привыкла видеть в библиотеках. Не книги, а – рулончики, свитки, трубочки, иногда – и круглые, как для чертежей, футляры из ценного, и приятно для её обострённого обоняния, пахнущего, кедра.

Мэтр вынул ничем не примечательный рулончик-свиток из одной из ниш. Взглянув на неё, кивнул. Она пригасила свечу на руке, и они удалились, оставив мирно досыпать лохматогривого мужчину, сидящего за столом в углу, уронив голову на руки, лежащие на крышке этого самого стола.

Уже на улице, убедившись, что всё тихо и спокойно, она спросила:

– А что – библиотеки разве не запирают на ночь?

– Нет. И бани тоже. И школы. А поскольку библиотеки всегда – ну, как эта! – находятся в храмах какого-либо Божества, их не... грабят. Страшный грех! Виновный подвер-

гается остракизму и проклятью Богов!.. – он вскинул руки. Но она не испугалась. Тогда он тоже хмыкнул, – Не принято, словом, грабить Храмы. Тут – практически гарантия.

А вот частные дома запирают. И даже держат собак – обычного, то есть – профессионального, и даже имеющих нечто вроде своего «профсоюза», ворья и здесь навалом. Но Общественные Места они не трогают. Традиции. Сознательность. Культура!

– Надо же... Блин. А что это мы уволокли?

– Не уволокли, а позаимствовали. – он хмыкнул. – Свиток Клавдия.

Она недопоняла. Но спросить не решилась. Только традиционно почесала в затылке. Мэтр, и сам всё про неё понявший, пояснил:

– Он посвящён истории этрусков. То есть – народа, территорию которого Рим захватил. А самих этрусков подмял, поработил. И смешал с собой. Чтобы лишить земли, корней и истории. Кстати – Рим нагло воспользовался всеми достижениями этрусков в градостроительстве, планировке, канализации. А потом, чтоб не обвинили в плагиате и воровстве идей и технологий...

Словом – нету больше этрусков. И это, – он потряс трубкой, – последнее объективное свидетельство. Составленное не то чтобы очевидцем... Но хотя бы тем, кто действительно интересовался. Как позже интересовался побеждёнными галлами и Юлий Цезарь. Тоже, кстати, неплохой писатель.

Сильно помог историкам – галлы о себе не писали...

А свиток этот, кстати, мы «позаимствовали» для тебя. Ну, и библиотеки мэтра Администратора: отдашь, когда прочтёшь!

А прочесть его стоит.

В том, что прочесть свиток стоило, она убедилась тем же вечером.

Правда, читать в постели шелестящий и всё норовивший скататься обратно в трубочку, и сыплющий на одеяло чешуйки и кусочки кожи, отслаивавшиеся с краёв, пергамент, оказалось неудобно.

Зато с языком всё оказалось в порядке. Как и с почерком: вот уж молодцы древние писцы – старались для потомков! Чернила тоже отличались стойкостью. Не выгорели. Может, для этого всё и хранилось в темноте... Однако по виду пергамент представлял собой палимпсест: то есть, выскобленный от предыдущего текста рулон, на котором написали повторно.

Значит, то, что написано позже – казалось современнику важней!

«Я, Клавдий Луций Германик, из рода Агенобарбов, повелел записать этот аннал, чтобы грядущие...

... стойко защищали последние земли, начинавшиеся в тридцати стадиях к северо-востоку от Вечного города! И только благодаря мужеству, дисциплине и боевым навыкам

наших доблестных воинов, искусству военных инженеров, и мудрому руководству Консула Публия, проломили стены и захватили город Таркуинию...

... неудивительно, что остановить наших солдат, справедливо горящих желанием отомстить за гибель товарищей, оказалось невозможно! Впрочем, консул и не считал необходимым кого-либо останавливать. Так что избиение оставшихся в живых закончилось лишь со смертью последнего старика и младенца мужского пола! После чего многие из этрусских женщин предпочли покончить с собой, нежели быть обесчещены, или оказаться проданными на острове Делос, или других рынках рабов, куда мы их собирались...

... захваченные в библиотеке манускрипты оказались сильно испорчены огнём, а то, что ещё можно было прочесть, я повелел тщательно рассортировать по важности и...»

Первые, полные самовосхваления и напыщенного глумления над поверженным и похоже, под корень вырезанным (Чтоб больше не претендовал на звание конкурента и учителя римлян!) народом, демагогические сентенции, она прочла по диагонали. А громоздко-напыщенное посвящение Сенату вообще пропустила. Интересное началось примерно после трети свитка, там, где закончилось описание «славной победной кампании».

«... ведут своё происхождение от славного героя Этуроса, чей дед Мурсок и привёл народ этуросов на эти земли. От злобных набегов соседних племён благополучно отбивал-

ся отец Этуроса, Химора. Но только Этурос истребил под корень злобных и коварных панитов и буриносов, после чего на два века воцарился благодатный мир.

Народ Этуроса смог, наконец, хоронить скончавшихся соплеменников так, как это было принято при великом Гулле, в некрополях, во всём сходных с городами живых...»

Далее Клавдий рассказывал о том, какие замечательные гробницы устраивали этрусски для своих умерших, и как свято они верили в жизнь по ту сторону: снабжали покойников всем тем, что использовалось ими и в обычной, пока были живы. Больше всего римского императора поражало, что некрополи, города мёртвых, зачастую оказывались куда роскошней и обширней, чем города живых при таком погосте...

Сэра невольно чертыхнулась про себя, покачав головой: вот уж благодать для всяких «чёрных копателей» и искателей кладов!..

Раскручивая пованивающий всё сильнее плесенью и шуршащий (Вот уж: папирус или бумага – великие в этом плане изобретения!) свиток, Сэра подумала, что точно так же себя вели и египтяне, скифы, да и десятки других древних этносов и народов, чьи традиции, предания и культура давным-давно утрачены, и вряд ли когда станут точно известны историкам... Раскапывающим жалкие остатки от разграбленных сокровищниц.

Разве что всё про эти вымершие, или выбитые народы может знать мэтр Администратор... А уж он вряд ли поделится

с посторонними!

Но вот, уже в конце списка, проработав длинный список религиозных верований, обрядов, зависимости сельхозработ от разных астрономических примет, многочисленных божеств, странных обычаев, и даже Указов и Законов, которых придерживались этруски, и т.д. и т.п., она обнаружила нечто невообразимое: Предание. Миф. Легенду.

Как же назвать-то *это*?!

«... и настала сушь великая, и длилась она тридцать лет и три года. И выгорели все поля, и высохли все оливы. Пересохли ключи, озёра и реки. Почти весь скот пришлось забить, ибо нечем стало кормить и поить его – даже сгоревшая трава превратилась в прах, рассыпающийся и уносимый прочь порывами злого и колючего обжигающего ветра.

И воду для питья добывали в грязных оплывающих и иссыхающих ямах. И глоток густого вонючего, но жидкого ила, или грязи, почитался за счастье... Тогда воззвали жрецы этуросов к богу Мантре: «О, благостный и всепрощающий! Воззри же на страдания верных рабов твоих! Ибо оскудела земля наша. И нечем нам кормить и поить жён и детей наших! Неужто оставишь нас милостию своею?!»

И плач великий стоял на земле Этуросской подряд пять дней и ночей – все возносили моления к всемилостивейшему, отбивая поклоны и посыпая голову прахом земным, и горели огни на жертвенных алтарях горы Герсифайской!

И снизошёл Мантра благостный и всепрощающий к сте-

наниям народа своего!

Возник тогда образ пылающего ока в небе, и разнёсся оттуда глас по всей земле, так, что и в отдалённых концах её услышали:

– О народ мой, услышал я плач твой! Тяжка ныне доля эутуросов! Ужели отрину мольбы плачущих и презрю слёзы младенцев невинных! Внемлите же!

Через два дня отверзнутся Врата мои. И будет вам спасение: готовьтесь к великому Исходу в земли далёкие, земли цветущие. Щедро родит там земля плодов в ответ на труды ваши, и реки там текут молоком и мёдом! И нет там болезней страшных, и врагов лютых. Соберите же то, что унести можете в руцех ваших, и скот мелкий оставшийся: только час будут отверзнуты Врата. И кто не успеет пройти, останется навсегда в земле этой проклятой, и не увидит никогда больше родных и близких своих из племени своего. (...)

И собрались все пред местом, где должны были явиться Врата, и ждали часа назначенного. И явились Врата – в ослепительном сиянии славы Мантры явились они. И больно смотреть было на них. (...) И все побежали, как были выстроены в колонны по родам их и семьям их, говоря друг другу: неужели хотим навсегда остаться здесь, когда обещано нам всех благ земных и мёда с молоком в пропитание!

И прошли все восемьдесят восемь родов их, и в каждом по шестнадцать семей их, и не осталось никого там, откуда бежали, ибо велико было отчаяние их и велико желание всту-

пить в земли обетованные, земли предначертанные...»

Ух ты! Великий исход через... Врата!

Сэра покачала головой: слишком уж похоже на фильм «Звёздные Врата»... Неужели?.. Кто-то прочёл... Или как-то узнал про этот свиток там, дома?! И где тогда этот свиток? И куда же эти эутуросы?..

«... невероятное! Тела словно стали вдвое против прежнего легче! И дышать стало так трудно, словно новая земля та была высоко в горах, где всегда трудно дышится. Зато реки и правда, текли везде, по равнинам и горам, и пашня обильно родила! Созрела жатва их всего через два месяца, как бросили в землю первые семена, взрыхлив мотыгами, или с тяглом людским орал своих, ибо не мог ослабший скот пахать, а лишь еле шевелился в своих загонах, пока не взошла трава новая, и не смогли накормить животных...»

Так обилён оказался урожай, что даже не могли убрать его сразу!

И восславили великого и всемилостивого Мантру, и воспели его деяния благостные и благословенные. (...) И женщины рожали по двойне, и скот плодоносил так, как никогда прежде. И вот, весьма увеличился в короткий срок народ эутурусский! Тесно стало родам их на месте этом, и стали тогда расселяться по земле новой во все стороны от того места, где вошли впервые в Землю Обетованную. И назвали то место Огилламли, что значит «благословен бог мой»!

...и тогда те, кто остался на первом месте, у камня, по-

ставленного близ Огилламли, стали брать плату за осмотр и с тех, кто пришёл паломником восславить Мантру, и попросить его о милости. Но не понравилось это вождю клана Бурджиа, и пошёл тогда войной на... (...) А старейшины предостерегли его, указав, что гнев Мантры может быть столь же страшен, как беспредельная милость его...»

Тут начались пробелы в тексте – свиток оказался сильно подпорчен и подгнил.

Она застонала от досады, (Хамви на печке было вскинулось. Но увидев, что она успокаивающе махнула ему рукой, лёг обратно, не переставая, впрочем, поглядывать на неё полуприкрытым глазом.) что не может прочесть, чего там натворили чёртовы этруски – похоже, начали беситься с жиру. А такое никогда добром не кончается...

Достаточно вспомнить ту же Библию: вот уж где вся история спеси, самовлюблённости и тупости описана без прикрас! Как и геноцид коренных жителей земель, куда припёрлось поколение, воспитанное воинственным Моисеем, оголодавшее и намуштрованное за сорок лет скитаний по пустыням, и сразу начавшее «наводить свои порядки» в «земле обетованной и заповеданной». Бедные ханааннеи и аммореи...

Здесь аборигенов (К счастью для последних!) не нашлось. Иначе вся дурь оказалась бы направлена на них – как на «главных» врагов этуросов. А врагов – не было. Первоисточники раздора прибыли вместе с восемьюдесятью восемью

коленами «избранных».

Болваны хреновы! Их и так-то мало, а они ещё и междуусобицу затеяли...

Наверняка сейчас перебьют сами себя, так, что останется только «Ной и его сыновья». Или – как Ламех и его две дочери... После чего благополучно вымрут от вырождения: генный материал-то на Марсе достать негде! А то, что племена этрусков забросили именно на Марс, она не сомневалась – ну не в другую же Галактику! На такое даже у «Мантры всемогущего» возможностей... Да и энергии не хватило бы!

А ведь верно – в виде обрывков и намёков у многих народов сохранились сведения о том, что какой-то из них, этих самых народов, пришёл с Красной Планеты. И даже упоминалось – что именно с «планеты», а не страны, земли, края. Или «из-за моря»...

Ну и дела. А может, «милосердный Мантра» имеет отношение к тому самому Объединению межгалактических Рас, про которое ей намекал мэтр Администратор?

Как бы то ни было, ей вполне ясно, из-за чего они с мэтром «попутно» этот самый список Клавдия извлекли из «анналов» римлян... А то, глядишь, кто-нибудь снял бы с него копию – вот и готова дешёвая сенсация в духе Эрика фон Дэникена... Ну, или Анечки Чапман в купе с Игорем Прокопенко – они всё этакое обожают, и культивируют.

А это всё – правда. О вмешательстве Пришельцев.

Ну и бараны же в таком случае – уже эти самые зелёные

человечки: переселили с Земли – сразу уж на Марс...

А когда припекло – а припекло явно! – вернули обратно на землю, и решили, похоже, больше не связываться! Вот и предоставили римлянам, не обладавшими столь древней культурой и столь «славными» традициями, зато обладавшим отличной воинской выучкой, дисциплиной и настырностью, доходящей до фанатизма, истребить и поглотить этих «высококультурных» и древних идиотов...

Вот теперь ей стала более-менее понятна позиция мэтра Администратора: никого никуда не переселять, и лишь следить, совершая минимальные изменения в прошлом, чтоб мальчишки с ядерными рогатками не перестреляли друг друга в запале азарта...

Бедные этруски. Похоже, они стали хрестоматийным примером. Для Авалона. Правда, вряд ли им от этого легче – теперь-то, когда исчезли во «мгле веков»...

Спала она в эту ночь плохо.

Всё время снились какие-то гробницы, города... Проходя по улицам, она буквально видела сквозь стены: в подвалах, в саркофагах, и прямо на полу – груды трупов. С открытыми в предсмертных муках глазами, и искажёнными стенаниями ртами...

Что же там натворили чёртовы «высококультурные»? Открыли, тоже, что ли, Атом? Отравляющие вещества? Газы? Или чего похуже?..

Завтрак прошёл в молчании. Хамви, поглядывая умными глазками, не чавкал. Не встречал даже Лукич. Видать, ощущал её подавленное настроение, и работу, происходящую в голове. Поев, и убравшись вручную (!) она всё же решилась:

– Здравствуй, Лукич!

– Здравствуй, Сэра. Спрашивай, не смущайся. Я же чувю, что что-то не так!

– Да уж не так!.. Блин. Как сказать-то... А сделаем вот так: я тебе расскажу, а ты мне скажешь, что думаешь про это. И про то, как мне себя вести.

– То есть, ты чего-то боишься? – а молодец Лукич: зрит в корень!

– Да. Очень. Впрочем, нет – боюсь – не совсем то слово. Я, скорее, опасуюсь.

Встать не на ту сторону... Ну ладно, поживём – увидим. Рассказывать?

– Ну, рассказывай, что уж с тобой делать-то... Глядишь и полегчает!

От ворчливого и такого домашнего тона домового уже становилось как-то легче на душе: всё-таки он – за неё!..

– Тут такая, значит, история. Давным-давно, в земле итальянской, жило племя эутуросов. И вот напала на из страну жуткая засуха... – медленно, своими словами, она пересказала историю переноса чёртовых эутуросов на Марс и обратно.

– ... и вот о чём я хотела бы спросить: те, кто перенёс их

туда и обратно – виноваты в том, что произошла междуусобица, после которой от целого народа, да ещё на богатейшей местности, остались жалкие кусочки?! Или – нет?

Ответ последовал сразу же, и отличался редкой категоричностью:

– Конечно, виноваты!

– ?!

– Ну как же – пришельцы енти, туды их печень раскудрить, должны были понимать и сами – с кем имеют дело! Ну вот ты же, например, когда была маленькая, присматривала за Машкой? Следила, чтоб она не плюхнулась в колодец! Не грохнулась с дерева! Не ела с пола. Не попала под колёса там, на шоссе...

– Ну, и что дальше? Машка же – была дитём несмышлёным?

– Вот! Ты сама сказала! Ну а если б твоей Машке – да пулемёт в руки? От всей деревни нашей тогда ничего б не осталось, потому что Машке-то, как знать, может, понравилось бы, как из людей кровь-то красиво брызжет! И как они падают, и дёргаются!.. Может, она посчитала бы это за новую игру...

А смерть – не игра. И пулемёт – не игрушка.

– Кажется, я поняла. То есть – нельзя решать проблему, перевозя людей просто на всё готовое... Потому что «детские» проблемы переедут туда вместе с ними же!

– Точно. Каждый должен сам набить все положенные

шишки, и передумать все положенные думы – тогда, может, он и станет... Взрослым. А может – и не станет! Задумываться и принимать верные решения свойственно, ой, немногим!.. А большинство, как бараны, обвиняют кого угодно – соседа, брата, жену! – в своих же ошибках и проблемах! Сама видала таких! Большинство людей даже сейчас предпочитают идти лёгким путём – никогда не признаются даже себе, что сами – идиоты! *Кто-то*, дескать, обижает, гнобит, и зажимает их, таких замечательных и талантливых... А вот если бы им дали развернуться в полную силу!.. Понимаешь, о чём я?

– Понимаю, Лукич. – она и правда понимала. А уж сколько попадалось таких идиотов ей!.. Которые действительно готовы были обвинять во всех своих бедах хоть глупую жену, хоть вредную тещу, или кретина-начальника... Да хоть – Дэнъ Сяо Пина, только б не признавать собственных, вопиющих, ошибок, и... Банальной лени и дури!!!

– Думаю, ты прав. Все по поговорке: «Если б ты хотел каждый раз давать пинка виновнику всех твоих забот и хлопот, через месяц не смог бы сидеть!» Нельзя давать хоть что-нибудь человеку... Да и целым Народам – нахалюву. Даром.

Победы или просто – результата, надо добиваться самому. Да это, в-принципе, давно известно: даже те, кто находили клады, получали наследство, выигрывали в лотерею – не разживались с этого никогда! Потому что наивно думали: «вот если мне упадут с неба халявные деньги – уж я-то

развернуть! А не как эти дебилы Петровы, что про...рали на всякую ...ню наследство тёти Мани!»

А когда случилось – то есть – подфартило! – про...ирали всё точно так же!

– Ну... да. Ты поняла мою мысль. Да я даже вижу – ты и сама думаешь так же.

– Думала. До того, как узнала о переселении этрусков. А потом... Засомневалась.

– А зря. У каждого возраста должны быть свои игрушки. Пока малыш не научился ползать – ходить не начнёт. Пока не выговаривает буквы – слова складывать не научится.

– Спасибо, Лукич! Ты вернул мне «так сказать» спокойствие духа. И мозг немного на место вправил!

– Да ладно, не благодари уж, тоже мне удовольствие – «спокойствие духа», – тон снова ворчливый, но чувствовалось, что Лукич и сам доволен. – Правда, насчёт мозга я не уверен – а что, он у тебя и правда есть?!

Она облегчённо рассмеялась. Лукич побулькал – он смеялся так. Даже Хамви привстал и похлопал крыльями, снова виляя бесхвостым торцом.

Сэра встала. Она уже чувяла приближение...

– Здравствуйте, мэтр Андервуд!

– Здравствуй, Сэра. Ты сегодня, смотрю, встала пораньше.

– Да. Очень уж хочется научиться расспрашивать деревья и камни! – мэтр показался ей слегка растерявшимся:

– А... Откуда ты узнала, что сегодня мы займёмся разговорами с растениями, и природными... э-э... образованиями?

– Не знаю – просто почуяла! А что – разве не так?

– Так-то оно так... Похоже, я тебя недооценивал. Учишься быстро. И схватываешь на лету. Бедная Леди Барбро – она не любит, когда копаются в её воспоминаниях.

– Намёк поняла! Никогда не буду копать у кого-то... без спроса!

– Вот, осмотри его внимательно. Шершавый ствол, пара корней повисла как бы в воздухе – это дожди вымыли почву из-под них! – крона слегка пожухла... Ну правильно – пока ты здесь живёшь, дождей куда меньше обычного! (Кстати: это – упущение! Имей сострадание к несчастной сосне – поливай её... и всех остальных.) Ну, это я к тому, чтобы ты... Как бы это сказать... Вначале поняла наружную конструкцию, стиль, или уклад жизни, а затем уж переходила на внутренний, так сказать, Уровень: Понимание.

Затем – сопереживание. Отождествление своего «я» – с его... Сознанием.

Пока не усвоишь потребности, интересы и приоритеты, так сказать, опрашиваемого, нечем будет заинтересовать его. Склонить, как говорится, к сотрудничеству! Ясно?

– Ну... Вроде, ясно. Но – как же? Ведь у него, – Сэра хлопнула шершавый и замшелый у корня ствол в два обхвата по

коре, – вроде, нет мозгов в нашем представлении?! Как же мне приблизиться к нему... Духовно?

– Хм-м... Ну, можешь, например, обнять его покрепче... – увидев её вскинувшиеся брови, мэтр поспешил поправить-ся, – Шучу, конечно. Но прикоснуться придётся. Да, положи ладонь. Так. Теперь представь, что тебе нужно питаться и пить. Воду ты закачиваешь не через рот, а через... Скажем, ноги. Н-да. А питаешься – руками. Грудью, лицом... Словом, всем тем, что подставлено солнцу!

Да, понимаю, что звучит дико! Но пока ты не поймёшь, не представишь *себя* на месте дерева ли, камня, ветра или ручья, никогда не сможешь настроиться... Как бы на их волну. Ну, говоря техническим языком мэтра Администратора – несущую частоту сознания донора. А ты – соответственно, пока – акцептор. То есть – воспринимающий.

Ладно, что-то я разболтался. Мешаю. Сосредоточься! Ты должна почуять его суть, его жизненный процесс. Рост в высоту. В толщину. Питание... Давай! Вперёд!

Вот уж озадачили, так озадачили!

Она с подозрением взглянула на шершавый и словно глянце-вый ствол.

Кора... нет, кора к самому дереву уже наверное не отно-сится: она – отмершие клетки, нужные ему только для защи-ты от внешних врагов! И окружающей среды, когда холодно. И от лосей и всяких зайцев, когда те пытаются жевать зимой с голодухи всё, что жуётся... Двинется-ка она глубже – туда,

где и правда, словно кровь, бегут по капиллярам соки, извлечённые из недр почвы, те, что с растворёнными солями.

Нет. Пока – никак. Ладно. Попробуем с другого конца – от кроны!

Вот она стоит, раскинув широко и привольно руки-ветви, и ощущает каждой клеточкой тепло и давление света, и дуновение ветерка. Вот её словно сгибает порывом. Нет – она прочно стоит на ногах, прорастая глубоко в... В ту странную среду, откуда её поит кто-то... А она сама себя и поит! Там, внизу – на кончиках пальцев, (Если можно назвать их пальцами!) миллионы ртов – пор, через которые она всасывает... А как она всасывает? Э-э, неважно, плевать на сложное словечко «осмос», которое она выудила из разума учителя. Но... Но где же – сознание сосны? Может быть, ей постараться замедлиться? Чтобы... «синхронизироваться»? – снова подсказка от мэтра.

А – как?

Она постаралась замедлить дыхание, и упорядочить мысли, летящие, словно дикие кони в мексиканских прериях, спасаясь от ковбоев и их лассо... Спокойней, спокойней.

Ага – есть Контакт.

Но Боже – что это за... Сознание. Словно у... ребёнка-дауна. (ТЬфу-тьфу!) А впрочем – и это – великое достижение!!! Дерево, пусть медленно, пусть не всегда верно, но – мыслит!!! И мыслит оно...

О чём угодно, но – своём.

Здесь нет места для посторонних. Для каких-то Сэр...

Впрочем, мэтр говорил, что она может его как-то... привлечь к сотрудничеству. Заинтересовать в себе. И в своих услугах. Вот. Она может предоставить ему услуги.

Отогнать тучу от солнца. Выгнать кротов и медведок из-под корней. Убить личинок соснового хруща, нагло жрущих эти самые корни... Да даже – воды поддать к корням!

Она попробовала мысли передать туда, в сознание, странно растёкшееся по всему пространству организма под названием «дерево», и к мозгу, не имеющему столь строгой локализации, как, скажем, у неё...

– «Дерево! Слушай меня, дерево! Я убью личинок, поедающие твои корни, если согласишься ответить на мои вопросы!»

Молчание. Странно. В чём дело? Её не слышат? Или попросту – игнорируют?

Она не привыкла к тому, что её игнорируют! И подсознание (Считало оно, что ли, опять «полезную информацию» из мозга профессора?! А лихо!..) подсказало – надо не заманивать, а отобрать что-то. Нужное для жизни. Действовать – с позиции силы! Ну-ка!

Она заблокировала напряжением воли тысячи капилляров-каналцев в коре, несущих живительную воду вверх, к кроне. Первые мгновения ничего не происходило.

О-о! Есть ответ:

– Во-о-о-ду! Об-рат-но! Сде-лай – во-ду – об-рат-но!

– Сделаю. Если ответишь на мои вопросы.

– Отвечу. Спрашивай. Верни только воду! Пить! Скорее-е!

Верхнее тело погибнет!

Ничего, подумала она, за две минуты никто не погибнет. Но... О чём же спросить?

– Сколько тебе лет?

– А – что – такое – лет? – вот блин! Да уж: понятия и термины у них явно разнятся!

– Сколько раз за твою жизнь наступало время... Когда вода в земле замерзала?

– Восемьдесят три раза.

– Ты... Можешь разговаривать с другими дере... Такими, как ты?

– Да. Могу! Верни, пожалуйста, воду! Воду!

– Э-э, ладно! Возвращаю! – она ослабила и убрала блок.

Вот, значит, как. Деревья понимают разговор только с позиции силы. Какое уж тут, к дьяволу, сотрудничество!

Ладно – отрицательный результат – тоже результат. Пора возвращаться.

Она представила, что её Дух снова влетает в старое тело...

Опаньки! Тело-то... Лежит себе на мягкой хвое на земле, а вокруг... Темнеет! Закат! Да что ж такое... Сколько же она так?!..

– Девять часов! – слышалось ли ей, или в тоне мэтра Андервуда сквозит живейшее удовлетворение?! – И это ещё очень хороший результат для первого раза! Кое-кто – не бу-

дем называть, кто, хотя это был мэтр Администратор! – хе-хе! – первый контакт закончил через двое суток! Да и вообще – с деревьями и кустами нужно общаться лишь в крайнем случае! Только если вокруг нет даже мышек! Ну, или других зверушек: уж те-то порезвей. Мыслят и отвечают. А деревья – реально, как у вас сейчас дома выражаются, «тормоза»!

И – ты правильно всё поняла! – вредные тормоза! Пока не поймут, что ты можешь доставить им массу серьёзных неприятностей, на контакт и помощь не идут!

Но! Всё же могут возникнуть ситуации, когда придётся что-то расследовать, а больше помочь будет некому – ну вот не было вокруг других свидетелей!.. Поняла?

– Да. Вроде. А что, они и правда, могут видеть всё, что происходит вокруг?

– Нет. Видеть – нет. Но чувствовать... Они как и мы – могут считывать эмоции. Особенно сильные. И если залезть им в память – вполне можно вычислить, кто это рядом с ними прошёл. И о чём он в это время... Нет, не думал – а страдал. Или – намеревался что-то сделать. Обычно – нехорошее. Потому что так, тихо и без свидетелей – работают только... Профессионалы. Маги – отщепенцы. Или убеждённые наши враги.

Однако... Дай Бог, чтоб тебе не пришлось с ними встречаться. Тебе ещё рано!

Она сглотнула. А работёнка-то у неё намечается...

Чем дальше – тем, как говорится, веселей!

– Сегодня форму тебе делаю я! – это храброе заявление Леди Барбро не застало Сэру врасплох – она уже видела в мозгу учительницы, что сегодняшнее задание – особое. Не то, чтобы сложное, но ответственное. Значит, нужно довериться! С другой стороны, чего ей переживать: позволила же она мэтру Дониёру «одеть» её в римские причиндалы.

Под умелыми руками и сосредоточенным взглядом её джинсы и футболка превратились в... Форму СС. Волосы под пилотку леди Барбро упихала, заплетя в тугую косу.

Да, чёрт его побери, как-то автоматически она и сама подобралась, чтобы и хромовые сапожки чётко сидели, позволяя при случае и щёлкнуть каблучком, и грудь расправила – чтоб китель облегал и упруго подчёркивал... Ну, то, что по идее полагалось подчёркивать, но что пока не *настолько* выросло... словно прочувствовав её сожаления, леди Барбро нежно похлопала её по карманам на передней части униформы:

– Хорошо, что у тебя небольшая и аккуратная грудь. И вот совет: никогда не старайся увеличить её как-нибудь искусственно. Маскироваться сложнее! А ещё – неудобно. Знаешь, как под ней всё потеет... А ещё – тяжело махать мечом: уже просто мешает! Ну, поехали.

– Я здесь и не здесь! Я – везде и нигде! Я – в Океании!

Леди явно очень хорошо представляла себе место и время – они возникли в подъезде какого-то пятиэтажного здания,

на площадке верхнего этажа. Пока спускались, учительница придирчиво осматривала, как и что на Сэре сидит, и поддёргивала полы кителя из-под ремня:

– Да. Серьёзней. Не-ет, кончики губ опусти, а в глаза – стали туда побольше. Так. Ну вот: вылитая стерва из «эсэс». Макияж я тебе нанесла поагрессивней – ты сегодня у нас за-место пугала! – и на удивлённое приподнимание бровей, – Да-да, мы идём пугать некоего киллера. – сама леди Барбро предпочла штатскую одежду: тяжёлые старомодные туфли коричневой кожи на невысоком каблучке, шерстяные тонкие чулки телесного цвета, строгая чёрная юбка миди, белая блузка и чёрная шерстяная кофта сверху. Шляпка напоминала скорее гнездо воробья, но на леди смотрелась обалденно – особенно сдвинутая набок.

– Сообщаю предисторию. Тысяча девятьсот тридцать восьмой. Гитлер уже канцлер. И только что – весной! – аннексировал Австрию, и забрал из музея в Вене копьё судьбы... (Ну, вернее, ту копию, что мы ему подсунули.) Но он теперь мнит себя неуязвимым, и тем «избранным», кому предстоит покорить весь Мир... Нормально. Для Гитлера.

А сейчас – осень. Восьмое ноября. Сегодня годовщина знаменитого пивного путча двадцать третьего года, Бавария, Мюнхен. Главные бонзы из НСДАП пройдут в мемориальном марше, поминая погибших соратников Вождя. По главной штрассе, мать их...

Сюда, зная эту традицию, подъехал Морис Баво, один

придурак из Швейцарии, который тоже считает себя – избранным. Избавителем. Народов от тирании. А своей главной жизненной миссией, соответственно – застрелить Гитлера.

Стреляет он уже неплохо. (Тренировался со своим чёртовым шмайссером в лесу: на деревьях. И на озере – на бумажных корабликах...) И встать в толпе «болельщиков» ему удастся достаточно близко к фюреру, поскольку он купил место на специальной как бы трибуне. А согласно историческим фактам – он поопасается даже вынуть руку с пистолетом из кармана! Побойтса, что растерзают на месте. Но на самом деле – всё обстоит сложнее. Не толпы он испугался. Вот мы и должны – ну, вернее – ты! – сделать так, чтоб он побоялся. Достать оружие.

Леди с усилием толкнула просевшую от времени массивную застеклённую дверь подъезда, и раздался низкий не то стон, не то скрип – а двери-то... Надо бы смазать.

– Кстати, чуть не забыла сказать. Когда встретится офицер в такой же, как у тебя чёрной форме – не забудь: надо скидывать правую руку, и выкрикивать: «Хайль Хитлер»! По-немецки – первая буква «Х». Осилишь?

– Осилить-то осилю... Только не нравится мне эта миссия. – Сэра решила высказаться сразу, – Может, пусть бы лучше этого «Хитлера» и грохнули, пока он не развязал войну? Всё-таки на пятьдесят пять миллионов трупов будет меньше?!

Вдоль улицы стояли полицейские в форме. По кромке тротуаров кто-то успел натянуть верёвочные барьеры, и вдоль них уже стояли люди – иногда даже в два-три ряда. Все они заглядывали вперёд, куда они и шли – в сторону, откуда ожидалась процессия. Пахло дымом – похоже, где-то жгли осенние листья...

– А-а, вот ты о чём... Ну да – верно, ты же не знаешь альтернативы... Отойдём-ка... – они вдвоём забрались в будку телефона-автомата. А что – нормально. Фрау решили позвонить. Сэра даже сняла трубку, чтобы всё казалось естественным, однако на рычажок надавила, чтобы не слушать от телефонистки вежливого: «Назовите номер, пожалуйста!»

Леди Барбро приблизила голову к виску Сэры, и буркнула: – Принимай. Я постараюсь поотчетливей передать то, что видела у мэтра Администратора в Архиве...

Сэра закрыла глаза. Постаралась дышать в такт с леди Барбро. Думала о Гитлере и его Германии, превознёсшей на пьедестал кумира, обещавшего всем работу, еду и Реванш! И ведь почти выполнившего... За счёт кредитов от США (Ну – так! Как же без *их* денег! Даже Украинские мафиози повелись на них, разваливая свою же страну! А уж Гитлер!.. Болваны американские банкиры! Вычислить, что на эти же деньги можно оснастить армию, которая вскоре нападёт и на «кредитодателя», мозгов не хватило!), ограбления половины Европы, и разорения СССР.

Есть! Вспышка – она в сознании Учительницы.

Настроиться – Задание с Баво... Здесь. Сейчас. А теперь – что там леди говорила о... Последствиях?

Ага – вот и Германия. Где-то в будущем.

Только... Почему так темно – ведь сейчас день? Солнце словно вообще не может пробиться сквозь могучую иссиня-чёрную тучищу... Её зрение как бы парит над землёй, между тучей и чёрной поверхностью... А что же внизу, на этой самой поверхности?

Руины городов, возносящие ржавые пучки арматуры, чудом оставшиеся стоять фрагменты стен, и незрячие глаза пустых оконных проёмов, словно взывающих к тёмному небу. Груды щебня и земли – словно песочница, в которую пришёл ребёнок с лопатой, чтоб отомстить обидчикам-сверстникам, разрыв *их* замки... Выгоревшие поля. Сгорели и деревни – торчат лишь трубы печей, и куски обгоревших стен. Тишина, как на кладбище: ни единой живой души. Да что там – даже стай воронья, столь обычных для опустошённых боями мест – и тех нет! Но...

Она попробовала перенестись мысленно домой – в подмосковье.

Боже! Такая же темень! От столицы не осталось даже руин – зато на её месте три огромных и подозрительно знакомо выглядящих гигантских воронки...

Ядерная война. Ядерная зима. Вон: здесь лежит и снег... Серый.

А что – Америка, Япония?!

Мысленно приказав, она зависла над Токио. Над бывшим Токио. Здесь остались здания из бетона. Лачуг и фанерных домиков не видно. А-а, вот в чём дело: поднявшись выше, она увидела, как от центра словно бы расходятся борозды! Воздушный взрыв.

Всё просто смело ударной волной – как пушинку ветром! А... Америка?

Города не так сильно пострадали – наверное, оттого, что здания капитальные. Кирпич. Бетон. Стоят себе. Крыш только нет. Как и людей. Радиоактивные осадки, что ли? Или – остаточная радиация? Но раз нет воронья и здесь, скорее всего, просто – радиация.

Она попробовала хитрый «запасной» план – Австралия!

Люди... Есть! Но почему они... Вот блин – погибнут и эти. Метнувшись взглядом ближе к ним, она содрогнулась: язвы, ожоги, гноящиеся раны и бельма на месте глаз... Да, верно – отравлено всё: и пшеница на полях, и запасы на складах. Радиация и здесь поработала. А консервы наверняка кончились. Если кто из живых и сохранится – вероятно, только пингвины в Антарктике. Они холодов не боятся. И питаются рыбой... Вот только если океан не замёрз.

– Хватит! Очнись! Да очнись же!.. – её настойчиво трясли за предплечье, сердито шепча в ухо, – Не хватало ещё, чтоб ты здесь прилегла! Всё! Сеанс окончен!

– О-ох... Простите, леди Барбро... – она обнаружила, что ноги расслабились, и стоять она осталась лишь потому, что

её крепко держат, а липкий пот заливает подмышки и спину.

– Вот уж не думала, что... На тебя так подействует. Ладно.

Извинения приняты.

Надеюсь, убедительная картина? Это то, что станется с вашей Океанией в тысяча девятьсот восемьдесят четвёртом, если Гитлера позволить убить сейчас... Кстати, попыток было совершено – сорок девять. Шансы выжить – один к пятидесяти триллионам. Чёртовы статистики: вычислили, конечно. Только не знают, *кого*... И даже есть теория – Ха-ха! – что его хранил не то – злой Рок, не то – Дьявол, которому он продал Душу.

Ну – *мы* пожалуй, не совсем Рок или Дьявол... Хотя по версии наших противников, тех, – она кивнула головой, – которые мнят себя «хорошими», претендуем на эти гордые звания... Но иногда – я и сама думаю... – леди Барбро прикусила губу, – Ладно, неважно! Пошли! Мы уже опаздываем!

Быстрым шагом они двинулись вдоль тротуара, за спинами всё сгущавшейся толпы у натянутых вдоль проезжей части верёвок ограждения. А молодцы немцы. Вот что значит – приучены к дисциплине: никто за обычную верёвочку вылезти, или даже натянув телом, подобраться поближе, и не пытался!

Минут через пять они оказались на месте, у перекрёстка и трибуны. Тоже мне – «трибуна»: кусок огороженного помоста высотой по колено!

– Смотри. Вон тот бледный худой мужчина – наш «кли-

ент». Теперь работаем раздельно. Ты пробираешься вперёд, становишься спереди него, ближе к ограждению. Я стою рядом, у его правой руки – чтоб не вздумал даже дёрнуться. Если что – я подстрахую. А ты, когда увидишь толпу с нацистскими бонзами в первом ряду, смотри чаще назад! Когда до Гитлера останется метров пятьдесят, просто встань к дороге спиной. И неотрывно смотри на нашего клиента. Злым взглядом. Лучше всего хмурься. Ну, пугай, словом!

Задача ясна? Вперёд!

Сэра вскинула руку, истоиво щёлкнув каблучками: «Хайль Хитлер!» – мимо прошёл сосредоточенно нахмуривший смоляные брови офицер в чёрной форме и сверкающих глянец сапогах. Он ответил, даже не удостоив её взглядом: похоже, тоже: не то – высокопоставленный чиновник, не то – из службы Безопасности. СД, стало быть. Но – вряд ли – гестапо. А ведь наверняка их «клиентом» потом займётся именно оно... Ведомство подавления инакомыслия и уничтожения врагов Фюрера. Аналог Сталинского НКВД. Только ещё эффективней и... Беспринципней.

И вот, получается – что Гитлер – «меньшее Зло»! Она провела рукой по щеке. Невольно вспомнилась брошенная когда-то вскользь злым тоном фраза от мэтра Дониёра: «Пусть мы – не гуманисты. Мы просто делаем работу. И нам обычно приходится выбирать между злом... И ещё большим злом!»

Однако Задание она собиралась выполнять со всей воз-

можной добросовестностью! Ядерные руины в восемьдесят четвёртом – ей ни к чему! Тогда она и сама не родится...

Протискиваясь сквозь уплотнившуюся и сильно выросшую толпу, вперёд, к ограждению, она наступила на туфель какой-то старушке. Автоматически буркнула: «извините!» Старушка открыла было рот, возмущённо вскинувшись, но скользнув взглядом расширившихся глаз по её пилотке и форме, захлопнула его, сердито фыркнув, и даже чуть отступив назад под грозным взором Сэры.

А, похоже, не все тут, в Мюнхене, любят СС! Вот и славно: она, работая локтями или языком, вполголоса, но весьма злобно произнося: «разрешите!», пролезла, куда наметила. Люди вокруг сразу словно подали чуть назад... Ха-ха.

На захваченном пяточке-плацдарме ей пришлось ещё два раза отдавать ненавистное приветствие, и стараться спину держать так, как у приветствуемых офицеров: словно трость проглотила! Но вот вдали показался могучий, во всю ширину проезжей части, поток людей – в сером, хаки, и чёрном. Как ни странно, шли они словно шеренгами – похоже, армейские привычки брали своё...

Гитлер шёл впереди, в первом ряду – она сразу узнала характерную чуть сгорбленную фигуру в светлом плаще, и тёмным пятном выделяющиеся усики под носом. А кто это рядом? Гесс, Геринг. Партийные Бонзы. И высшее армейское руководство – этих она почти не знала, но предположить можно: какие-нибудь Гальдеры-Гудерианы-Манштей-

ны-Роммели-Дёницы... Хрен с ними, процессия уже близко.

Теперь она всё чаще оглядывалась на их подопечного.

Ага: от него не укрылось её внимание – он решил, похоже, перебраться чуть дальше... Врёшь, не уйдёшь! Она сдвинулась параллельно верёвке, не спуская прищуренных глаз с парня в неприметном сером плаще. Всё, пора.

Теперь она просто стояла спиной к ограждению. И сосредоточенно разглядывала лицо невысокого человека в паре шагов, побелевшее от сдерживаемого напряжения! Парень часто моргал, и даже не смел утереть пот со лба...

А рука-то у него... всё ещё в кармане.

Гос-с-споди! Совсем мальчишка! Ему же не больше двадцати, почти её ровесник! Глазки бегают, сам еле дышит, и смотрит то на неё, то туда, вдоль улицы. Да, такому могло прийти в голову избавить Мир от...

Фанатик? Нет, скорее, «вычисливший» «Вселенское Зло» интиллигент...

Она сосредоточилась, мысленно приблизившись к его голове своим «Я».

О-о! Какой дикий разгул эмоций! Ненависть, желание убить... Но больше всего – страха, который делает его поведение непредсказуемым! Да, такой может пальнуть!

Быстрее назад из его сознания – где её самый «грозный» взгляд?!

Она вздохнула всей грудью, ощутив каждую косточку и мышцу тела! Нет, она – не позволит... Если надо будет – и

удержит руку сопляка: только взглядом!

Радует и поддержка-страховка: с одной стороны мальчишки леди Барбро, а с другой – явно патриотично настроенный баварец, который что-то приветственно-бодрое выкрикивает! Правда, разобрать, что именно, в сплошном гуле и рокоте приветственных возгласов невозможно. Да и ... с ним – главное, чтобы он как бы «работал» на них!

Проход Гитлера мимо она вычисляла только по направлению взглядов. Все глаза и головы устремлялись лишь туда – к Фюреру, к вождю, обещавшему (И – ведь уже почти исполнившему!) золотые горы. И – со временем! – необозримые просторы земель там, на Востоке... Плюс, конечно, полное убажнение национального самосознания военным Реваншем над теми, кто навязал унижительное Версальское Соглашение...

Она не отрываясь глядела в глаза молодому человеку, понимавшего, чем все эти экзальтированные восторги закончатся, и решившего положить конец геноциду, холокосту, и гибели Германии, и огромной части её народа в пламени мирового пожара...

Но которого удержит от попытки всё исправить её взгляд. Он... Испугается.

Значит, не так уж убеждён в своей правоте. И не считает босса нацистов убийцей, а лишь *предполагает*, что тот – потенциальный убийца-тиран.

Или просто не готов отдать жизнь за Идею.

В этом плане «свои», российские, народовольцы-бомбисты, и то вызывали у неё большее уважение: они-то довели дело до конца, взорвали несчастного Александра второго, пусть и ценой своей жизни!

Зрачки машуще-орущих смотрели уже в спину Гитлера и приспешников, руки вскидывались в нацистском приветствии... Но вот энтузиазм толпы явно пошёл на убыль.

Сэра прекратила усилия проникнуть в пучины «зеркала души», которые она, словно нефтяник, буравила неумолимо грозным взором. Отступив, (Она разрешила!) и опустив к помосту взгляд серых глаз, мужчина, сильно вспотевший и дрожащий, словно долго стоял голый на ветру, развернулся, и попытался скрыться в толпе.

Они ему не препятствовали.

Дома Сэра с удивление обнаружила, что и её всю колотит. И что самое странное – леди Барбро выглядела не лучше! – Лукич! Пожалуйста...

– Знаю. Самовар только что закипел. Мёд и варенье – там, на столе.

– С-спасибо. – она налила полную чашку леди, потом и себе. Леди Барбро от мёда отказалась, – «Аллергия! И вылечить лень!» зато щедро сыпанула себе три ложки сахара, и ложку смородинового варенья.

Они присели. Как оказалось, по доброй порции коньяка влить в чай Лукич не забыл – понял, стало быть...

Пока не осилили первой чашки, не сказали ни слова.

Голова очень быстро закружилась, и сознание словно замедлило свой стремительный бег по эмоциональным скачкам. Сэра спросила:

– Он ведь... Погибнет?

После длинной паузы леди покивала, оторвав, наконец, глаза от столешницы:

– К сожалению, да. Но в этом нет нашей вины, если ты об этом... Просто он там, в Мюнхене, потратил все деньги, и обратно пытался уехать зайцем. Вот при проверке билетов его и ссадили с поезда. Обыскали. Нашли пистолет, передали в Гестапо. Ну... И всё.

Точно. Всё. Всё ясно. Как ясно и то, что происходило при остальных сорока восьми покушениях, когда Гитлер то уходил из заминированного здания за три минуты до взрыва адского механизма, то оказывался прикрыт ножкой стола, то детонатор бомбы, заложенной в самолёт, не сработал, то... Чёрт.

Её с детства приучали к мысли, что Гитлер – антихрист в облике человеческого, душитель народов, и сбрендивший истеричный маньяк! А теперь оказывается – он – лишь цена, которую пришлось заплатить за то, чтоб в восемьдесят четвёртом чёртову Человечеству не сгореть в пламени Мирового Пожара...

Леди, читавшая в её мозгу так же легко, как теперь могла и она, сказала:

– Знаешь что, я попрошу мэтра Администратора показать и тебе... И рассказать. Он у нас (условно, конечно) «эмоциеустойчивый». Но это – не от патологической жестокости, думаю, а от... Того, что уже повидал. И пережил. Ему, если правильно помню, за восемьсот пятьдесят. И на должности Главного Координатора Хроноформаций он лет триста...

Уже на пороге Храма леди Барбро сказала:

– Надеюсь, ты окажешься достаточно умна, чтобы позволить ему заглянуть только в... Верхний слой твоих сомнений. А остальные приведи, пожалуйста, в порядок.

Сэра кивнула. Она знала, разумеется, что её сомнения и сожаления буквально выпирают из сознания, но... Леди Барбро права: не нужно мэтру видеть их!

Мэтр привстал из-за стола, чуть склонив голову в вежливых поклонах:

– Леди Барбро... Леди Сэра. – мгновенно возникла пара кресел.

Ого! Вот она уже и в «ледях»! Неважно. Как ни назови, а поучаствовала в...

Леди Барбро, кивнув и сев, вокруг да около ходить не стала:

– Мэтр Администратор! Я прошу вас показать Сэре то, что вы вчера показывали мне. Чтобы её юную и чувствительную душу перестали терзать сомнения и жалость.

Мэтр тоже «выделываться» не стал. Ещё раз кивнул, и

сказал:

– Конечно. Любое сомнение делает мага или Ведьму слабее – в решающий момент можно отвлечься, заколебаться, и... Так что ни наши методы, ни наши Цели *не должны* считаться жестокими и мерзкими, хотя в жизни они именно такими и выглядят. Наименьшее зло и минимальное вмешательство – так называется наша стандартная Доктрина.

А сейчас, леди Барбро, благодарю вас обеих за успешно выполненное Задание. И вас, Леди, не смею больше задерживать. – вежливый поклон, он привстал. Леди Барбро встала с кресла, голова тоже склонилась в поклоне. Молча вышла.

Сэра осталась сидеть, теребя в руках кончик кожаного ремня – она всё ещё была в форме СС. Ей и в голову почему-то не пришло, что уже можно переодеться...

Мэтр Администратор вылез из-за стола, и прошёлся по небольшому кабинету. Руки заложил за спину. Сэра уловила какие-то колебания в его таком непробиваемо-спокойном обычно Духе. Наконец он заговорил:

– Сэра. Хочу попросить у тебя прощения. За всё. И за «Задание» с мэтром Дониёром. (ну, ты, конечно, догадалась, что это я вас на Косово поле...) И за сегодня.

Ты, конечно, ещё не готова. Морально. Не готова к хроноформациям, я имею в виду... Для этого нужно иметь или огромный опыт путешествий и наблюдений, как у мэтра Дониёра, или хотя бы цепкий и критичный исследовательский

мозг, часто и основательно работающий с Архивом, как всегда делает леди Барбро...

Пока мы воздержимся посылать тебя на Задания с... Убийствами, или гибелью людей – нужно, чтобы ты успокоилась, отдохнула и... Поработала в Архиве. Я настаиваю.

Без точного знания что и как произойдёт, разумеется, ты не сможешь быть твёрдо уверена в необходимости того или иного Изменения... (Говорю же – почитай как-нибудь «Конец Вечности».)

А использовать тебя – прости за грубое, но верно отражающее суть, слово – пришлось потому, что кроме тебя у нас сейчас здесь, в Авалоне, из твоего Мира никого нет!

И мы отнюдь не всемогущи, хотя возможности и могут показаться почти такими... Нет. Мы не можем забираться в ваше Будущее дальше, чем то время, откуда тебя... Откуда ты прибыла! Зато легко можем проникать в Прошлое, начиная с *твоего* настоящего!

Конечно, мы многое основное уже там исправили! Но изменения и... Как бы это сказать попонятней... Флуктуации стохастической случайности, принцип Неопределённости, всё время как бы смазывает, изменяет результаты наших вмешательств. И с течением времени такие крошечные вначале изменения могут превратиться в нечто большее.

В Ошибку. И то, чего мы избегаем, (Ну, стараемся, по крайней мере!) может рано или поздно произойти! Поэтому чем раньше (в реальном времени) мы исправим последствия

последствий, тем вероятней, что ваш Мир доживёт, дотянется до Контакта...

Ах да, Контакт! Ты же... Ну, может, помнишь – у вас была предсказательница Ванга? – она кивнула, ошарашено думая, при чём тут эта самая Ванга! – Так вот, она предсказала вашу встречу с инопланетной Цивилизацией в две тысячи сто тридцать седьмом году! И много чего ещё, что сбылось уже при тебе... Хотя бы гибель «Курска».

Юная Ванга после удара молнии реально подключилась к Единому Информационному полю Вселенной... Эту ошибку нам исправить не удалось – не оказалось вовремя полевых Агентов оттуда, из Океании, из времён позже Ванги! А посылать тебя – уже поздно. Говорю же: флуктуации уже слишком сильно изменили структуру самого Поля...

Так вот: теперь наша главная и единственная задача – сделать так, чтобы вы и вправду встретились с расой гуманоидов, во всём похожих внешне, и... почти похожих духовно на вас – не уничтожив себя до этого!

Потому что после этой Встречи, Контакта, никому у вас и в голову не придёт вести междуусобные войны! Потому что... Будет реально *стыдно* демонстрировать свою *детскость* этим самым гуманоидам. Воцарится, как это принято говорить, «вечный Мир и торжество Разума...» И позже вас признают достигшими нужной ступени Готовности, и примут в Содружество. И наша миссия, наконец, будет окончена.

Понимаешь?

– Ну... Вроде, да. Цель понятна. Но...

– Но вот *методы* приводят твою юную душу в смятение!

Я прав?

– Да. – она сглотнула. Сердце сказала ей, что тут она должна быть поубедительней. И она взглянула прямо в глаза мэтра, – Да.

– Всё верно. В этом и состоит ВОСПИТАНИЕ.

Воспитание в себе человека.

Преодолеть сомнения и страх. Узнать больше. Научиться приёмам и способам. И... Выбрать. Да, после обучения ты сможешь выбрать. На чью сторону встать. И вставать ли.

Не хочу тебя обманывать – ты можешь прямо сейчас встать, и перейти на сторону тех, кто сейчас наши... Враги. Тех, кто категорически против вмешательства с суверенные дела своих подотчётных... Да и вообще – любых Миров.

К сожалению, запретить не могу. Отговаривать тоже не буду. У них есть и свои, отработанные веками, и логичные, *разумные* доводы...

Приводить примеры, тыкать пальцем в погибшие Миры и планеты, обвиняя, и красноречиво – это глупо. И наверняка, если я так поступлю, лишь вызову у тебя ещё больше... Недоверия. К нам. И нашей политике Равновесия. Баланса ценой меньших жертв.

Ну и, наконец, узнав всё, ты можешь просто... Отказаться. Вернуться к себе, в своё время. Закончить Универ, вый-

ти замуж, родить. И жить обычной жизнью, скинув всю ответственность на плечи и совесть тех, кто придёт сюда после тебя...

Когда узнаешь побольше, просто – выберешь!

А сейчас идём в Архив.

Архив поразил.

Ничего и близко похожего на библиотечные полки с пыльными и древними манускриптами... Вернее, стеллажи-полки-то как раз имелись! От пола до потолка!

Вот только потолок казался недостижимым: до него, как до неба, рукой уж точно не достать! Верх стеллажей терялся в необозримой чёрной вышине, освещаемый смутными матово-жёлтыми пятнами света от миллионов ламп, уходившим в пространство справа и слева, а когда она глянула под ноги, сквозь полупрозрачный пол – и вниз! А между лампами... Шагов десять. Шахматная доска? Нет, больше похоже на... Слоёный торт.

А жутковатое это зрелище, когда вдаль уходят миллионы «пластов» плоскостей с лампами, как бы деля матовую черноту, и правда, словно на слои торта «Наполеон».

И слоёв этих – миллионы...

– Ничего, привыкнешь. – видя её замешательство и открывшийся в немом вопросе рот, поспешил «успокоить» мэтр, – Это ведь – для *всех* Миров. К твоему относится пока только маленькая полочка. Там, в глубине. Дай-ка руку!

Они словно поплыли вдоль того, что показалось ей полом, а на деле оказалось некоей условной плоскостью, которую мэтр обозвал «Нулевым Уровнем»:

– От него и ведётся отсчёт! Вниз – минусовые этажи, вверх – плюсовые. Чтобы можно было легко ориентироваться. Вход поделён ещё вертикально: на левую и правую половины. Слева – условно синие полки, справа – красные. Запоминай: Архив твоей истории находится в красном секторе, уровень плюс восемьсот десять! А ещё – удаление от входа. Три тысячи двухсотый репер. – они полетели быстрее, пока перед её глазами не возник очередной щит с красной пометкой с непонятными значками. Мэтр буркнул:

– Извини. Ты же пока не читаешь на межгалактическом. Сейчас подправим. – он прикоснулся ладонью к её затылку. Словно взорвалась световая граната! На секунду зрение вообще исчезло! И заложило уши – как при подъёме на гору!..

Затем всё вокруг и в голове словно вернулось на место.

А на щите оказалось написано: Репер три тысячи двести.

– Теперь – вверх! – не успевшая удивиться, и увлекаемая рукой мэтра, она стремительно ввинтилась в межполочное пространство, оказавшееся достаточно широким. Наверное, чтобы тут могли свободно пролетать... Разные существа!

Возникла таблица поменьше: Репер три тысячи двести. Уровень восемьсот десять.

– Теперь – вправо. Видишь? Здесь нумерация с самого первого нашего вмешательства. Или, говоря проще, Хроно-

формации. Идёт по годам. Иногда – дням, и даже часам.

Для упрощения дата даётся на двух языках: всегалактическом межъязе и земном. Английском. Не владеешь? Ерунда – межъязом же теперь владеешь!

Действительно: верхние строки ей вполне понятны. «Год Первый. (Восемь тысяч девятьсот восемнадцатый до Р.Х.) Исправление первое. Флотилии купца Протоанидоса, атланта, позволено избежать гибели в Потопе Атлантиды. Основание им новой Колонии в Египте.»

Она попыталась прочесть то же самое ниже, на английском. Ага – два раза! Только – отдельные слова. «Первое... Атлантида... колония». Учить надо было языки в школе!..

– Не застревай – успеешь посмотреть, потом, если захочешь. Я покажу тебе то, что показал леди Барбро. – они стремительно понеслись вдоль полки направо. Мелькали таблицы: «тысяча четыреста до Р.Х... Р.Х... Двести сорок второй от Р.Х... Пятьсот девяностый от Р.Х...». Расстояние между веками всё нарастало – похоже, чем ближе к её времени, тем чаще приходилось вносить «изменения»...

– Приехали. Смотри: тысяча девятьсот тридцать восьмой. Восьмое ноября. Ага – уже готово! – он указал на две кюветы из прозрачного пластика, стоявшие на стеллаже.

Она с интересом рассматривала содержимое контейнеров. В каждом – словно глыба камня. Одна белая, вторая – чёрная, точно вороново крыло, отблёскивающая шлифованными гранями. Тысячами граней, как оказалось при более вни-

матерельном рассмотрении. И всё это – на объёме с добрый арбуз...

– Я научу тебя, как правильно пользоваться документами, чтоб не... Пострадать.

Вот. – мэтр Администратор показал ей на нечто вроде кронштейна сбоку стояка полки, – оттягиваешь на себя. Устанавливаешь кронштейн перпендикулярно полке.

Оттянутая железка вдруг из бруска преобразовались, выпустив прутья и сетку, блестящие, словно металлические, но оказавшиеся затем мягкими и податливыми, в удобное кресло со спинкой и подголовником.

– А вот сюда можно ставить ступни, чтобы лежать... Удобно!

Эта штука автоматически превращается в сиденье под любой... ну, под то, чем можно сидеть! Это, – мэтр отцепил странную как бы присоску от контейнера с чёрной глыбой – Визуализационный Шлем. Тоже действует автоматически. Садись-ка.

Она села, боком к полке. Мэтр одел превратившуюся в плоскость штуку ей на макушку. Тотчас штука зажужжала, и череп Сэры оказался охвачен мягкой, но, вероятно, прочной сеткой – наверняка с тысячами невидимых простым глазом контактов.

– Когда захочешь начать, подумаешь – «Начали!». Выберешь мысленно же место и время. А затем – любые другие места и времена вперёд, в Будущее. Или назад. Ну – назад-то

смысла особого нет... До вашего с Леди Барбро вмешательства всё Прошлое Океании стандартно одинаковое – обусловлено предыдущими изменениями... – он кивнул за спину – туда, откуда они прилетели.

– А вот Будущее... Ограничено, как я уже говорил, да той твоего появления здесь, у нас. (Ну, восемьдесят четвёртый-то как раз входит!) Захочешь остановиться – скажешь мысленно «Стоп!» Шлем не забудь повесить на место – вот сюда.

– А... почему вы отцепили шлем от чёрной кюве... От чёрного камня?

– Это – не камень. Это – флэшка. (Если говорить в понятных тебе терминах.)

Флэшка с гигантским объёмом информации. Записана эта информация буквально на атомарном, и даже – кварковом уровне. Неуничтожимая, вечная глыба Памяти... А чёрная потому, что это – то, что было бы БЕЗ Изменения. Без Хроноформации.

– Ага... Вроде, понятно. А вы, мэтр, сами, не... присоединитесь ко мне?

– Зачем? Я всё это уже видел. Поэтому и поторопился послать вас с леди... Впрочем, думаю, я был неправ. Нужно было вначале и тебе *показать*. Всё это. Ну а сейчас – не буду отвлекать. Дорогу обратно найдёшь? А то здесь есть и система запроса помощи...

– Найду. – она сглотнула. – Вот только объясните, почему

надо... Сидеть?

– Это просто. Иначе, войдя в транс, грохнешься вниз – в Подвал. (Там, конечно, тебя уловит страшущая Сеть... Но проще обойтись без этого. Нижних Уровней, мимо которых придётся пролететь, *очень* много!) Когда происходит глубокое погружение в отождествление, разум не может одновременно контролировать ещё и положения тела. Ну а мы же, если вспомнишь, тут всё-таки летали...

Точно! Ну она и дура!..

– Ничего, всё проходит со временем. Как говаривал Шекспир, умный человек со временем глупеет, а дурак к старости совершенствуется... – Мэтр посмеялся в усы:

– Извини – опять не удержался... Это – из «Двенадцатой ночи»... А вообще-то – неправильная, хоть и яркая и красивая метафора. Умный человек, если и правда умный, работает над собой вплоть до самой смерти. И может стать буквально гением. Профи. Суперспециалистом. Если, конечно, ему хватит терпения и настойчивости. В этом смысле я очень на тебя надеюсь... Ну, ладно – удачного просмотра! И – помни!

Вы ЭТО – он похлопал ладонью, – уже исправили!

Мэтр улетел так же быстро, как и «довёз» её сюда. Сюда.

До полки с чёрным камнем «Тысяча девятьсот тридцать восьмой после Р.Х., 8 ноября, Германия, Мюнхен. Предотвращение покушения Мориса Баво, полевыми агентами Барбро и Сэрой».

Чёрт возьми! Именно так и было написано, а она не заметила впопыхах, поверхностно взглянув только на дату! Это что же – такая фигня про неё есть и там, где они с мэтром Дониёром рубили в капусту несчастных янычар?! И там, где подложили свинью римскому Легиону в Британии, и?..

Она заставила кончики пальцев перестать дрожать и согреться. Сердце успокоить оказалось сложнее и дольше. Но вот она и готова. Готова? А что она увидит? И – как? Как узнает, что всё, что случится – результат их «невмешательства»? Ладно, разберёмся.

– «Начали!»

Вначале не было видно ничего. Она поспешила подумать:
– Мюнхен, восьмое Ноября, десять утра. Я – над улицей Берлиненштрассе!

Вдруг возникло изображение! Она, словно птица, парит над огромным городом с островерхими черепичными крышами, и толпой людей, словно серые точки наполняющих провалы улиц! Видно всё оказалось так чётко, что она поморгала: нет, не кажется – буквально до заголовков газет, выставленных в киоске на перекрёстке! А что это за странное мелькание на периферии поля зрения?

Чёрт его задери! Это – *крылья!* ЕЁ крылья! Она...

Вот блин, она – голубь! И она – летит над Берлиненштрассе!

Но как же?!..

А-а, вот, наверное, в чём дело! Носителем зрения может быть только живой объект. Теперь понятно – почему всё чёрно-белое. Голуби – дальтоники!

Тогда... Придётся вселиться в этого самого Баво.

– «Я – смотрю глазами Мориса Баво!»

Люди вокруг. Они двигаются навстречу, её глаза словно бы пронзают их строй, на уровне чуть выше, чем привыкла она. Ах, да – Баво невысок, но всё же выше её.

Серая улица, серые костюмы и платья на окружающих, словно цвета радуги перестали существовать. В чём дело? А, наверное, Баво тоже дальтоник! Ничего. Зато он отлично видит без очков. Но так можно ходить с ним хоть до вечера:

– «За пять минут до прохода мимо Гитлера!»

Смена картинки: она стоит позади трёх мужчин, место – то самое! Ага. Отлично. Но вот его «зрение» протискивается ближе к верёвке...

О-о! У «них» есть и слух и голос! Она слышит, как люди возмущённо оглядываются: «Молодой человек! Вы наступили мне на брюки!» – «Простите, пожалуйста, меня толкнули...».

Ну правильно: балбес Баво под ноги сейчас не смотрит! Думает только о своём: как бы... Да, поближе. Леди сказала, он много тренировался, и свободно попадёт шагов с десяти. А ведь, похоже, попадёт!

Вдали чуть заволновалась толпа, гул нарастает, словно цунами, и вот раздражается такими знакомыми по всем этим фильмам, ором: «Хайль!!!» Да чтоб вас всех, идиоты...

Сами не знаете, на что нарывае­тесь со своим почитани­ем-обожанием!..

Зрение опускается. (Проверка: как вынимается пистолет!) Затем поле его словно сужается: Баво сконцентрировался на движущемся посередине улицы потоке, и группе невысоких людей в его центре. Гитлер! Сбоку – Геббельс и Гесс. А ещё дальше – Геринг, Шпеер, Гиммлер... Остальных и Баво, по­хоже, не знает... Но почти все в плащах, или форме. А по бо­кам колонны всё же идут сосредоточенные эсэсовцы в чёр­ном – охрана...

Гитлер, несмотря на то, что марш посвящён погибшим ве­теранам, причисленным к мученикам, довольно улыбается, что-то говоря Геббельсу... Походочка расслабленная, нето­ропливая, руки – одна в кармане, другая жестикулирует пе­ред грудью.

Но вот он и прямо перед Баво.

В сузившемся буквально до коридора поле зрения возни­кает вскинутая рука с шмайссером: выстрел! И сразу – ещё пять! Баво стреляет так быстро, как только палец успева­ет нажимать на спусковой крючок! Гитлер словно бы удивлён...

Затем на его светлом плаще возникают медленно расплы­вающиеся пятна... Досмотреть не удаётся: набегают молод­чики в чёрном, рёв переходит в грохот, зрение падает до ас­фальта тротуара, и начинает дёргаться! Похоже, его облада­теля бьют ногами... Какое счастье, что она не чувствует его нервами! Наверное, можно было бы умереть от боли!

Крики: кричит и Баво, и толпа, напиральная дикой озвевшей массой, так, что люди мешают друг другу!..

Вот наступает чернота: похоже, Баво потерял сознание...

Снова просветление. Но видно почему-то только одним глазом – и очень мутно.

Напротив человек в чёрной форме, и он бьёт её (Тьфу ты – Баво!) по щекам, и фыркает в лицо водой из стакана... Всё равно – видно плохо. Похоже, один глаз выбит...

А что она мучается, она же может... «Точку зрения – в этого мужчину!»

Боже!.. До чего жалко выглядит то, что хэrr Шлоссман, гауляйтер, пытается привести в себя! Мерзавец пострадал от «праведного гнева патриотичных граждан». И, конечно, людей самого Шлоссмана... Однако надо выявить и нейтрализовать как можно скорей и его сообщников!

Задёргавшийся очнувшийся сопляк начинает мычать – похоже, выбиты и зубы!..

Да, вот он плюёт прямо под ноги гауляйтеру странный бело-красавый пенистый шматок: сгустки крови, куски десны пополам с обломками зубов... Да и вообще, Баво сидит явно лишь потому, что прикован к стулу... Нет, *это* она смотреть вовсе не хочет!

Ведь всё равно Баво не жить... А терпеть вместе с ним мучения, каких не снилось первым христианским мученикам, или проповедникам-миссионерам, или женщинам в когтях

«святой» Инквизиции, чей опыт гестапо наверняка тоже использует, ей как-то... Бессмысленно.

Ощущая стыд и жгучую тоску, она приказала сознанию оставить «сцену»...

«Германия, тысяча девятьсот сорок пятый, второе мая. Я – над Берлином!»

Странно. Берлин цел. И даже следов не видно от бомб союзнической авиации. Да что там: вон, люди идут себе по своим делам, и нету никакой войны!

Но как же ей узнать? В-смысле, как же узнать, что творится в мире?! Не будешь же вселяться в... Каждого?

О, вот хорошая мысль! Нужно влезть в голову того, кто читает свежую газету!

Это, похоже, мужчина. (Ну правильно: зачем женщинам – новости?! У них найдутся заботы и поважней! Хотя бы – воспитание детей и разговоры с соседками...) Пожилой мужчина сидит в парке, и газету читает неторопливо. А-а, пенсионер! Отлично.

Заголовки. «Канцлер Германии заявляет, что во всём поддерживает политику изоляции коммунистической России...», «Английский премьер-министр лорд Чемберлен заявил на сорок восьмой сессии Ассамблеи Лиги наций, что настала пора переходить к решительным действиям, призванным ограничить претензии коммунистов на мировое господство, и отринуть их призывы к Мировой революции...», «Американский президент Гарри Трумен подчёр-

кивает, что сплочённый блок прогрессивных стран Западной Европы давно должен принять американский развёрнутый План активных действий, а не ограничиваться обычными экономическими санкциями, вроде эмбарго на...»

Пока всё понятно. В частности, что Решения с большой буквы принимают не здесь. Ну, хоть войны нет. Кто же правит Германией? Э-э, не важно: похоже, вся Европа всё равно пляшет под дудку! Не Гитлера, так дяди Сэма! А вот есть ли уже бомба?

– «Перенестись на место первого испытания ядерной бомбы!»

Ох, и рвануло... Невада. Явно. Но какой же год?!..

– «Перенестись в голову читающего газету на следующий день в Вашингтоне!»

«...наши патриоты-учёные доказали всему миру: теперь у нас есть, чем обуздать распоясавшегося усатого тирана в Кремле! Одной такой бомбы с лихвой хватит, чтобы сравнять с землёй...». «Первая Леди заявила на обеде в Госпитале Святой Беатриссы (цитата): «Мы с мужем готовы отдать все наши личные сбережения на дело мира, дело торжества Идеалов Демократии и Свободы для всего современного...». «Вчера, тридцатого августа сорок шестого года, наконец состоялся торжественный спуск на воду авианосца Теодор Рузвельт, чья светлая память теперь увековечена в современном и...»

– «Перенестись в голову Президента, перед моментом на-

чала военных действий!

– ...таким образом план «Чариотир» предусматривает бомбардировку не только промышленных центров России, но и её наиболее населённых городов. Это позволит лишить русских основной их силы: неограниченных людских ресурсов. У меня всё. Благодарю за внимание. – усатый генерал справа от места председательствующего, в котором и располагалось её новое зрение, аккуратно закрыл папку перед собой, и уселся на стул.

Зрение, которым она теперь смотрела на хорошо знакомый по фильмам интерьер Овального кабинета, кивнуло. Затем Президент (губы под её зрением) сказал:

– Господин Генерал. Благодарю за весьма исчерпывающий доклад. – зрение чуть поворачивается, – Ну а что там говорит наша разведка? Появилась у уважаемого Сталина бомба? И есть ли ещё каналы, по которым могла бы произойти... Утечка?

Поднялся толстый мужчина с огромными мешками под узенькими щёлочками злобно-расчётливых глаз. В отличном костюме. Правда, сидел костюм довольно безобразно. Мужчина почти презрительно кивнул офицерам, сидящим за столом, и подчёркнуто вежливо – Президенту:

– Господин Президент, сэр, господа офицеры... Наши данные однозначно указывают: бомбы у дяди Джо всё ещё нет. Поскольку мы своевременно выявили и адекватно обез-

вредили прокоммунистически настроенных учёных из Манхэттенского Проекта, некому оказалось предоставить советам конкретные данные с чертежами. Сочувствующих... Не осталось. Утечки не будет! От лица нашего Бюро я могу дать такую гарантию.

А ситуация с бомбой у них в настоящее время... Весьма удовлетворительная для нас. Связано это, разумеется, в первую очередь с тем, что собственные учёные-ядерщики Советов мирно «сидели», обвинённые во вредительстве, и разбазаривании народохозяйственных средств «на мышиную возню с ерундой», как выразился Великий Кормчий.

И тут же их собственный официальный Суд поспешил обвинить этих несчастных вообще во всех смертных грехах, в том числе и в связях с нами, и с Западом. Многие не вынесли пыток. Даже сейчас, с молодыми и ретивыми, из нового поколения, и даже под личным кураторством наркома Берии, дело у них движется чрезвычайно медленно.

Опасаться ответного удара... Не нужно! Это моё мнение как эксперта. Спасибо.

– Благодарю, господин Гувер. Итак... – Президент замаялся, – Сколько, вы говорите, бомб уже подготовлено?

– Сто пятьдесят две, господин президент. – сидящий слева неприметный мужчина в штатском даже не сделал попытки заглянуть в папку перед собой – похоже, наизусть знал всё, что там содержалось, – И ещё двести сможем изготовить и сбросить в ближайшие два года. Наши аналитики утвер-

ждают, что этого окажется достаточно.

– Хорошо. А что там с... Японией? – кивок зрения только что севшему мужчине.

Толстяк вновь поднялся, сердито сопя – как поняла Сэра, это и был грозный Гувер:

– По нашим данным у них всё ещё активно строятся авианосцы. Правда, без ядерного оружия и баллистических ракет они представляют непосредственную опасность только для наших территорий на островах, и непосредственно для побережья штатов Калифорния, Вашингтон и Нью-Мексика.

Да и то – если осмелятся нарушить Пакт Ходжимуры-Томпсона.

– Благодарю. Что ж... – председательствующий сделал вид, что думает.

Пауза длилась не меньше минуты. Кто-то из генералов сердито засопел, кто-то забарабанил пальцами по столу, вдруг не менее внезапно резко прекратив это занятие. Тишину почти можно было потрогать на ощупь – липкую, зримую, грозную... Война. Война?

Но Сэра-то изнутри уже видела: Решение с большой буквы принято!

– Господа. Советский Союз представляет собой страшную и немедленную опасность для Западной Демократии и общечеловеческих Свобод и Принципов.

И для нашей Страны.

Империя Зла подаёт некоторым ещё не определившимся

несознательным Правительствам отвратительный пример. Советы слишком усилились, чтобы мы и дальше равнодушно взирали, как нашу страну и демократические режимы наших союзников пытаются поставить на колени, и обратить в свою веру «в светлое будущее Коммунизма...»

Довольно унижающих нас переговоров – они ни к чему не ведут! И лишь позволяют нашему заклятому врагу наращивать силы для коварного удара по нашему Блоку!

Господа генералы и адмиралы! Приказываю! Привести стратегическую авиацию, флот и Армию в готовность номер один! Как можно быстрее доставить бомбы к аэродромам наших союзников по Блоку в Западной Европе!

От лица граждан Соединённых Штатов Америки я объявляю войну Советскому Союзу. Господа Офицеры! Я утверждаю план «Чариотир»! Что делать, вы знаете.

Приступайте немедленно!

Сэра залезла в голову генералу справа: Тысяча девятьсот пятьдесят второй. Десятое мая. Вторник. Апокалипсис объявлен.

Пролетая через год чудом уцелевшей птицей над просторами бывшего СССР она видела руины, пожары... И снег. Серый, ноздреватый, местами открывавший чёрные ямы входов в подвалы и погреба, и радиоактивные скелеты сгоревших танков и автомобилей...

Она специально отправилась в год уже после нападения.

Смотреть на то, как родину покрывают шапки чёрно-огненных грибов, оказалось выше её сил: злость и горе раздирала душу, словно стая наглых и циничных котов. Проклятые самовлюблённые америкосы!

Ещё бы: как легко отдавать приказы, не видя омерзительных результатов!

А ведь на их собственной территории войны не было столет!.. Некому преподать им урок: чтоб поняли, каково это: знать, что бежать или прятаться – *некуда!*

Одно не давало покоя: почему к восемьдесят четвёртому уничтожены или мертвы фактически все?!

Это выяснилось быстро: в семьдесят девятом хитрущие японцы, до этого всячески превозносившие политику «превентивного усмирения», применили против США ядерные заряды на ракетах, доставленных гигантскими подводными лодками! Уж им-то опыт Вернера фон Брауна, секретные верфи, подземные заводы, невидимые для самолётов-шпионов «У-2», и тридцать лет форы пошли на пользу!..

Затем и японские авианосцы нанесли обычные, бомбовые, удары по всей акватории Тихого океана! После чего десант занял все острова, и высадился в Австралии...

Всё ясно: острова японцам нужны, а радиоактивная пустошь, в которую превратились сейчас оба побережья обманутой Америки – нет!

Однако «недолго музыка играла!» Центральные, незатронутые, районы, уцелели. У США оказались резервные бом-

бы, готовые ракеты, и подземные города в Техасе, и другие, предусмотрительно подготовленные, секретные Базы – по всему миру.

Правда, скоро были «вычищены», или погибли и они...

Но – только после того, как помогли стереть Японию с лица земли.

– «Стоп!»

Она очнулась в красном полумраке: рядом что-то вроде аварийного маячка. А как же лампы освещения? Она отдала мысленный приказ: «Свет!»

Зажглись тусклые лампы Архива... Боже, сколько их. А-а, понятно – пока она ничего не ищет, свет гасится автоматически. Здоровая экономия. Разумно...

Эсэсовская гимнастёрка пропотела почти насквозь, и бокам, оказывается, холодно. Дрожь вообще била всё тело. И не только от холода – в Архиве не холодно. А скорее...

Никак. Никак здесь не было! Вероятно, чтобы не отвлекать от... Работы.

Вот теперь стало понятно, почему – сразу восемьдесят четвёртый. К этому моменту так называемая Цивилизация планеты Земля погибла безвозвратно. Разве что кто-то ещё жив в Бункерах? Ну и что? Скоро замёрзнут и умрут с голода и они. И – всё.

Земля окажется простерилизована. И готова к прилёту Колонистов. В две тысячи сто... Каком-то там году. Не пла-

нета – конфетка! С почти неразграбленными полезными ископаемыми. И без аборигенов... Впрочем – нет!

Мэтр Администратор же сказал, что земля будет принадлежать пресмыкающимся: стало быть, пришельцы-гуманоиды посчитают уровень радиации слишком опасным для себя... Ну, или им просто не захочется ждать, когда пройдёт долгая ядерная зима.

Плохо. Тошно. Мерзко.

Правда, кое-что всё же утешает. Хотя бы имена – леди Барбро и её – на этикетке...

А посмотрит-ка она теперь на всё – *после* Исправления!..

«Мюнхен, восьмое. За пять минут до покушения. Морис Баво.» – тут уж не до голубей и гуляния по улицам предвоенного Мюнхена!..

Вот и её злобная физиономия прямо впереди!

Чёрт – похоже, перестаралась она с этим самым выражением. Тут только полный идиот не поймёт, что его в чём-то заподозрили!

А это что? А-а, это Морис потупил взор, рассматривая свой карман с пушкой. И соседей... Леди Барбро за спиной ему явно нравится даже меньше, чем восторженно-патриотичный придурок с левого боку...

А вот и момент прохода процессии мимо!

Боже, какие чёрные, глубокие и злые, оказывается, у неё глаза! Да она же – сущая мегера! Ведьма! Воплощение воин-

ствующего фанатизма. Или патриотизма? Но...

Чем-то её глаза привлекают. Затягивают. Боже, как странно – смотреть *себе* в глаза чужими глазами...

Бедный Морис! Тут только дурак не испугается. Надо же... Имидж жёсткой и подозрительной эсэсовки-«гипнотизерши» сработал на все сто.

Почему же она этому не рада? Сама же согласилась играть на... Другой стороне.

Почему тогда сжимаются сами собой в кулачки побелевшие ледяные пальцы?!

Нет, так не пойдёт. «Наименьшее Зло»? «Минимальное вмешательство»?

Странная доктрина...

Но возразить-то нечего: она... РАБОТАЕТ!!!

И «цивилизация» не «кончилась» в восемьдесят четвёртом, а до сих пор существует, и продолжает загаживать планету своими восьмью-с-чем-то-там миллиардами задниц! Неужели нельзя как-то...

Не «предотвращать» события и «вносить» всё учащающиеся исправления, а...

Как-то вправить МОЗГИ?!

С другой стороны – как вправить мозги населению целой Планеты? Это же – не единое Существо, имеющее одну, общую, и приемлемую для всех, (Как ни вспомнить: «То, что русскому хорошо – немцу – смерть!») цель? И не единое даже всепланетное Правительство, работающее на благо *всех*

Наций! А как сделать нации – единым Целым?

Слить, смешать, объединить все Нации – в одну, усреднённую?..

А *кто*, презрев «славное историческое прошлое, позволившее Демократии встать с колен», религию, традиции и уклад жизни, согласится на *такое* добровольно, даже зная, что преследуются самые гуманные, и несущие всеобщее Благо, Цели?!

Ха-ха.

Вот именно.

Но, с другой стороны, тогда получается, что противники методов мэтра Администратора и иже с ними, тоже имеют примерно такой же Архив... Или – нет?

Пожалуй, второе вероятней: зачем Архив тому, кому нечего хранить в нём: человечество, «предоставленное самому себе», уже давно погибло! Один вариант. Одна запись.

И – всё.

Она стянула шлем с головы, и повесила сжавшуюся в прищипку штуковину на место, на «флэшку».

Похоже, ей пока придётся мириться с мэтром Администратором, его Командой, и их методами. Пока... Пока – что?..

Ну, хотя бы – пока не познакомится с альтернативной Группировкой и её...

«Достижениями»!

Дорога обратно к дверям Архива заняла не больше пары минут – она ускорилаь, мысленно приказав телу автоматически затормозить перед ними.

То ли сработали навыки, то ли тут подействовали механизмы Архива, так и произошло. Она вступила на полупрозрачный пол-границу, и толкнула двери.

И вот она снова в Храме, закрывает такие обычные снаружи, и так много скрывающие позади себя, двери, со скромной небольшой табличкой «Архив»...

Да что же такое происходит?! Почему ей хочется одновременно выть, царапаться и кричать, рыдая?!

Как ей разобраться – кто прав? И... Надо ли разбираться?

Ведь она однозначно хочет только одного – чтобы её раса, её планета оставалась населена людьми, а не какими-то прибывшими на всё готовое, «похожими внешне», гуманоидами... Или, если те не смогут или не захотят обосноваться, через весьма длинный период – «своими» ящерицами, устойчивыми к радиации, пусть даже у них будет к тому времени миллионолетняя История с высокогуманными Идеалами, Принципами, и Нравственными Устоями...

Не заходя к мэтру Администратору она выбралась из Храма.

Ноги почему-то еле передвигались – словно таскала мешки и ведра с углём в погреб, как в далёком детстве... Только сейчас – всё в тысячу раз хуже: конца-краю изматывающим душу хуже, чем тело – мешки, сомнениям, не видать...

Ей бы хотелось выплакаться, порыдаться всласть на чьём-нибудь плече, прижаться к кому-нибудь тёплому, понимающему, самому прошедшему через *это*... И чтоб её погладили по волосам, пожалели, успокоили...

Донна Недда?.. Пожалуй, да. Она была бы согласна – эта миниатюрная женщина с глубокими и всепонимающими глазами могла бы подойти на роль не то матери (Ах! Мать...) не то – утешительницы.

Но как к такому отнесутся Лукич и Хамви?!..

Или...

Ладно, со временем всё решится – так или иначе!

Потому что кто поймёт женщину так, как другая женщина?!..

Но во что же она позволила себя втравить?!.. Впрочем, над этим она уже думала...

Дорога домой, мимо всех этих клумб, цветов и деревьев впервые показалась ей пошлой и издевательской декорацией. Прикрывающей, словно наигранно улыбающаяся маска, то, во что должен был бы превратиться её Мир без этого самого «гуманного и точечного» вмешательства в Историю: кровавый Хаос!

В памяти всё время вставал плевок, который мальчишка Баво уронил к ногам гауляйтера: вот такая смесь кровавых сгустков и выбитых зубов и является глубинной сущностью их Истории – истории так называемой «цивилизации» планеты Земля...

Но разве может быть по-другому?! Разве можно идти вперёд, к новым... Открытиям, свершениям, светлому Будущему, наконец, не набивая шишек и не натирая кровавых мозолей? Да что же это такое в конце-концов?!

Можно ли позволить едва научившемуся ходить восторженному от собственных успехов ребёнку храбро отправиться под колёса дорожного катка?..

Чёрт возьми! Какие великие умы прошлого, да и её современники думали, спорили, и даже... умирали, пытаясь справиться с этой проблемой проблем! И что же?

Да, некоторых за такие Идеи сожгли на костре. А некоторые сочиняли Утопии – универсальные, вроде, рецепты достижения всеобщего «Щастья». И ей «повезло»! Она даже жила в Стране, пытавшейся воплотить такую Утопию в ЖИЗНЬ... Где всё делалось с самыми лучшими, вроде, намерениями. На благо человека. И человечества.

И она видела, чем это закончилось.

Пустые полки магазинов и гневно ропчущие группки плохо одетых людей на улицах, и в крохотных квартирах... Продуктовые карточки... Это в мирное-то время!

Будь оно всё проклято: разве Гитлер с приспешниками не обещал того же самого Процветания и земного Рая – только немцам?! Разве не уверял, что если работать упорно и методично – немцы достигнут всего?! «Кропотливый труд – признак великой нации! Поэтому их, Избранных и Высших, людей, путь к Вершинам Благополучия – труд!» И ведь до нача-

ла войны примерно так и было: и рабочие места, и отличные зарплаты, и даже оплачиваемый отпуск – его первым придумал для трудящихся не коммунист какой-нибудь, а именно Гитлер!..

И разве после окончания войны, не оставившей от городов и промышленности камня на камне, те же немцы не воспряли быстрее, и не достигли жизненного уровня, достойного «свободного» Человека, – быстрее даже победителей?!

Но разве в СССР не призывали к тому же – самоотверженно трудиться?..

Хотя «кропотливо» и «самоотверженно» в Союзе мало кто трудился... Нет, с этим-то ясно: Приоритеты у каждой нации... Свои.

Почему же ей так тошно, хоть волком вой?!

Войдя в комнату, она попросила:

– Лукич! Пожалуйста!..

Тяжёлый вздох из-под печи сказал ей о том, что Лукич чувствует её состояние.

Он вылез уже с бутылкой в руках. Ноль пять коньяка «Арарат» поставил на стол. Сотворил, и достал из холодильника уже имевшуюся закуску. Они сели.

Первую выпили молча, не чокаясь. Вторую – просто за здоровье всех родных и близких.

После третьей Сэра наконец смогла разрыдаться, уткнув лицо в руки, сложенные на столешнице.

Лукич, осторожно подошедший, нежно гладил её по бо-

ку и коленке, бормоча какие-то слова утешения, и помогая не этим, а, скорее, просто тёплым ощущением присутствия кого-то близкого, любящего и волнующегося за неё, дуру такую... Хамви тоже слетел на стол, и попробовал слизать с пальцев солёную влагу... От этого поток слёз и рыданий хлынул ещё сильнее!

Бедняги! Они хотели бы ей помочь... А как, КАК ей можно помочь?!

Снова и снова она задавала себе вопрос: во что она так храбро и наивно вляпалась?! Глупая и сопливая идеалистка! «Исправительница истории!»

Сможет ли она когда-нибудь ещё вмешаться в эту самую Историю? Что-то там «исправить»? Или...

Или – правильней спросить: сможет ли она теперь НЕ вмешиваться в историю, просмотрев в Архиве, что будет с её планеткой, если...

– Сэра, солнышко моё, ну пожалуйста – иди спать!.. – неподдельное участие в голосе Лукича наконец, пробилось сквозь круговерть зациклившись мысли, и оторвало её от табуретки.

Раскачиваясь, как шлюпка в шторм, приблизилась кровать... Теперь – забраться туда, накрыться с головой, и не думать, не думать!

Уже засыпая, она почувяла тепло от тельца, пристроившегося у неё возле живота. Она осторожно прижала его ладошкой – не повредить бы хрупкие крылышки крошки-боб-

ра... Лукич натянул на них одеяло повыше, осторожно подоткнул...

– Спасибо, Лукич, спасибо, Хамви...

– Да ладно. Чего уж... Давай спи, беспокойная душа!

Завтра, может быть, тебе снова придётся спасти Мир...

Утром разбудило солнце: наглый лучик светил прямо в глаз!

Она осторожно потянулась: помнила, что где-то под боком должен спать малыш Хамви! Ага – вот он. Спит уже на подушке, свернувшись калачиком. Не иначе, она во сне пихалась! Хотя... если вспомнить, ей ничего не снилось. Да, ничего!

Она дохнула на сведённые лодочкой ладони: Ф-фу-у, перегар!.. Немного, но есть.

Спасибо, хоть голова не трещит. Молодец Лукич. Надо будет спросить, откуда он достал настоящий «Арарат» пять звёзд...

Как ни странно, чувствовала она себя гораздо лучше. Уверенней. Словно поговорка «утро вечера мудренее» сработала. А ведь верно. Мудренее. Сейчас ощущать всё то, что она ощущала вчера, так остро уже не получалось: словно сравнивать плавание в д...ме, просто с любованием на потоки этого самого... С берега.

Вздохнув, она сказала:

– Доброе утро, Лукич. Спасибо. Не дал вчера пропасть

«буйной головушке...»

– Доброе утро, Сэра. А ничего. Какие твои годы: всё перемелется – мука будет...

– Точно. – она, прихватив полотенце, двинулась на улицу к рукомойнику.

А водичка-то сегодня пожалуй, похолодней... Осень, что ли на носу?! Впрочем – какая, на фиг, осень! В Авалоне нет смены сезонов. Всё зависит только от её настроения.

Завтракала она без обычного энтузиазма, но поела плотно – впереди учёба. Работа. Обычная – почти как у клерков в конторе... Она усмехнулась, дёрнув плечом.

Донна Недда сегодня выглядела сногшибательно: ну ни дать ни взять – маркиза Помпадур! Неужели они поедут во Францию, к какому-нибудь Людовику?

– Привет, Сэра! Нет, не совсем угадала – не к королю, хоть и во Францию. Для разнообразия сегодня никого убивать не будем... А вот «ублажать» – будем. Тебе сегодняшней урок *точно* пригодится! Нам нужно помочь организовать колонию в Канаде. – и, когда удивлённая Сэра похлопала глазами, – Чтобы проклятые англичане отхватили не слишком здоровый кусок пирога для своей будущей «заморской территории номер один»!

– А-а, США, что ли?

– Вот именно. А для того, чтобы у чёртовых переселенцев, как дворян, так и всяких охотников-трапперов, появил-

ся стимул заселяться к чёрту на рога в дальнюю страну, нужно повезти туда побольше... Хорошеньких девушек!

– Это – нас, что ли?

– Ну, не только нас... Что, не помнишь, как происходило заселение северной Америки? Туда ссылали каторжан! Бандитов, нищих, проституток... Правда, с дворянами похуже. Они же – не купцы... Купцы едут сами, по дешёвке скупать меха, золото... А колонистам сбавривают порох и пули. Чтоб били побольше зверья с ценными шкурками... Ну и индейцев – чтоб не путались под ногами, – донна криво усмехнулась. Сэра покачала головой. Похоже, истребление аборигенов никак не сказывается на... Ну и правильно: что они могут напортачить в Истории своими примитивными томагавками и вампумами!.. А вот пришлые европейцы... С новыми технологиями... Хм-м... Но – дворяне?..

– А вот дворян можно было завлечь только баснословными прибылями – это для тех, кто промотался... Ну, или – возможностью повзимать *налоги* с местного электората!

А это уж – для тех, кто входит в элиту. Клана губернаторов и прихвостней, словом!

– Обалдеть. И... кто же мы будем? Проститутки или Леди?

– Знаешь, моя дорогая... Эти два понятия вполне тождественны... Только Леди, как известно, стоят куда дороже! – напыщенно-торжественный вид, с которым это было сказано, заставил Сэру от души рассмеяться. Донна Недда, по-

сверкивая глубокими влажными глазами, присоединилась. Посерьёзнев, сказала:

– Сегодня – работаем в Версале. Наша задача – «охмурить» маркиза де Глиссара. Да так, чтобы возжелал пуще жизни и сам поехать, и сыновей послать вдогонку за нами, «отплывающими в романтические дальние страны на корабле отца, барона де Кодильяк».

Происходить всё это будет на очередном балу. Так что придётся вспомнить уроки менуэта и прочего фуагра...

– Но... Леди Барбро! Я же их, этих танцев, не учила! А фуагра, кажется, вообще...

– ... паштет из гусиной печени! Молодец. Что уже выучила. А теперь – и владеешь! – леди, как вчера мэтр Администратор, прикоснулась кончиками пальцев к её затылку.

Снова – словно ураган пронёсся через мозг!

А ведь точно – она уже *всё* умеет!..

До неё дошло:

– Донна Недда! Так тут *всё* обучение может вестись вот так – просто... Просто – вкладыванием готового знания?! Без всяких вот этих «уроков и лекций»?!

– Ну да. А разве тебя не удивило, что куда бы мы не прибыли, ты везде владеешь языками, и легко общаешься хоть с иностранцами, хоть с бесами?

– Ну... Да. Но мэтр Дониёр сказал, что это – как раз работа мэтра Администратора.

– Верно. Для *вымышленных* миров всё сделано и работа-

ет. Но для реальностей...

Сэра прикусила язык: чёрт! Точно! А она-то думала, что это тоже пришло само-собой, благодаря ещё каким-то там «стараниям» мэтра Администратора...

– Ладно, дай-ка я... – донна Недда подправила мушку над её губой, и в последний раз критическим взором окинула пышный голубой кринолин и туго затянутый корсет. Сама донна предпочитала жемчужный. Талию, и без того точёную (Куда там Гурченко в «Карнавальной ночи»!) себе донна затянула так, что Сэра начала всерьёз опасаться: не упала бы учительница от недостатка кислорода в обморок!

Заметив её взгляд и нахмуренные брови, донна поспешила успокоить:

– А-а, не бойся! Оптический обман зрения! Ну, наведённые чары! Помнишь?

Да, она помнила. Сама, правда, «на живом», ещё владела не так хорошо...

– Ладно, отправляемся! Давай руку.

Они возникли на какой-то посыпанной розовым песочком дорожке меж высоченных и аккуратно подстриженных кустов, простирающихся непроницаемой стеной и влево и вправо на десяток шагов. Стояла ночь. Где-то за кустами, высоко вверху, отсвечивало и трещало – похоже, там жгли не то фейерверки, не то – факелы. Не то – и то и другое!

В уши мягко вполз разноголосый гомон и звуки музыки:

где-то поодаль смеялись и говорили сотни людей! И играл оркестр. Причём явно живую – вон, как выводят скрипки, и виолончели басовито вторят! В воздухе пахло... духами. И порохом – может, от каких-нибудь петард? И ещё, наверное, от салютов: вон, опять громко бухнуло, и отсвечивает направленным потоком разноцветных огненных змей!..

Но все зрительные и прочие впечатления перебивала странная приподнятая атмосфера: такая бывает на любом сборище людей, где веселятся от души, пьют, и... флиртуют! Она чувствовала, как эта атмосфера струится вокруг, и сквозь неё, заставляя приятно кружиться голову, и наполняя тело лёгкостью и... Беззаботным стремлением к... К чему?

Ух ты! А ведь – к сексу! Похоже, местные дамы не слишком-то обременены таким ограничивающим фактором, как Мораль! Для этого в лабиринте из кустов и сделано столько тупичков со скамьями и лежанками!.. А к услугам более серьёзных и пожилых – сотни комнат дворца!

– Идём! Кстати, юбочку придерживай вот так! – донна отставила мизинчик, двумя пальчиками чуть приподняв один из краёв кринолина, чтобы можно было чуть высунуть из-под него кончик изящной атласной туфельки, – Ну-ка, попробуй! Да, нормально!

Словно две каравеллы, торжественно и чинно, с чувством собственного достоинства и отлично осознаваемой неотражимости, они поплыли к ближайшему повороту Лабиринта. Идти по нему, правда, пришлось минут пять: чтобы

появиться незамеченными пришлось возникнуть совсем уж в дальнем конце садово-паркового комплекса...

Но вот стали попадаться и первые парочки. Донна, и она, следуя её примеру, отвечивали церемонные полупоклоны – а проще говоря, медленные томные кивки головой: ещё бы не медленные! Учительница сотворила нечто настолько высокое и пышное на их головах, что Сэра поминутно боялась уронить это безобразие прямо под ноги... Ну и само-собой разумеется, как они сами, так и все встречные дамы оказались блондинками. (Вот уж небось все изготовители париков – миллионеры!)

Вскоре вышли к фонтанам, и стало отлично видно возвышение, на котором несчастные артиллеристы не разгибаясь и потея, вели пальбу в воздух всякой шипяще-возгорающейся пиротехникой. А по дорожкам и площади перед высоченным дворцом неспешно и церемонно, словно расфуфыренные бараны и овцы, бродили уже целые компании оживлённо беседующих чванливых придворных.

– Не останавливаемся, проходим. – сквозь зубы тихо процедила донна Недда, мило улыбаясь, и раскланиваясь с очередным вельможей – этот оказался хамом: долго разглядывал их, близоруко щурясь. Неужели ещё даже лорнетов нет? Ну и ... с ним. Она почувствовала себя оцениваемой... Вещью. А-а, ладно!

Пусть завидует старый козёл, что *такая* вещь – и не его!
А ещё её преследовало ощущение дежавю. Где это она

нечто подобное... Ах, да – фильм «Правдивая ложь»! Там Шварценеггер тоже вылез из костюма аквалангиста прямо в смокинге. На Раут. Но куда миляге Шварцу до *их* «оснащения» и возможностей!..

Донна, возглавляя их маленькое боевое подразделение, проследовала через открытые настежь парадные двери в огромную прихожую, откуда они поднялись по помпезно отделанной золотой лепниной лестнице прямо на второй этаж. А золото-то здесь... Везде.

Теперь народу навстречу попадалось почему-то гораздо меньше.

– Все, кто на ногах – в бальном зале. – пояснила донна Недда, – а чревоугодники – вообще за столами. Нам туда не надо. Нам нужно взять этого сластолюбца тёпленьким!

Они прошли почти в самый конец длинной галереи. Одна сторона её выходила окнами всё на те же фонтаны и парк, в другой оказался ряд закрытых дверей... Ну точно – большой и помпезный... Бордель!

Донна приложила палец к губам, показала рукой, и они встали по обе стороны предпоследних в ряду дверей. Пришлось немного подождать. Донна сосредоточенно что-то шептала: похоже, работала.

Вдруг из-за двери послышалась возня, донёсся звонкий звук пощёчины, возмущённый вскрик... И даже грязная площадная ругань! Приблизился стук бегущих каблучков, двери распахнулись, чуть не ударив Сэру. Из глубины ком-

наты донеслось:

– Вернись, дура! Ты будешь жалеть об этом всю жизнь! И дети твои пожалеют!

– Скорее, это я найму кого-нибудь пристрелить тебя, похотливая макака! – поскольку дама с перекошенным от злости лицом, обнажившая в злобном оскале остренькие зубки, убегая, приводила в порядок свой гардероб и парик, и даже не давала себе труда обернуться, а их с учительницей она попросту не заметила!

Они двинулись друг к другу, хитро улыбаясь, и притворяя за собой каждая свою створку... Вот они и внутри. А двери надёжно заперты на защёлку!

Обе, не стовариваясь – чувствовали друг друга! – синхронно развернулись.

Маркиз в одной кружевной батистовой сорочке и даже не прикрытый простынёй, и не подумал встать с роскошной, разрытой, словно это – штормовой океан, постели.

Он тоже пялился на них, щурясь и чуть поворачивая голову – чёрт, и этот попался близорукий!

Сэра подумала, что это и к лучшему: пьяному и близорукому все женщины кажутся куда очаровательней, чем обычному человеку... То, что надо!

– Ма-а-аркиз!.. – начала донна Недда, медленно подходя к постели, и изящными движениями мраморных обнажившихся из-под широких рукавов точёных рук вынимая заколки из пышных волос.

– ... мы слышали, что вы-ы... – продолжила Сэра, проделывая то же.

– ... оказались непонятыми. И не оценёнными по достоинству некоторыми нахальными и глупыми ревнивицами! – донна Недда тряхнула пышной гривой – мало того, что у неё свои, платиново-искрящиеся волосы превосходны, так она ещё применила Чары!

Сэра поторопилась подбавить и своим волосам пышности и длины!

– Ну так вот мы, две дамы из *не совсем* именитых, и...

– ... и, скажем так – не слишком приближённых к... – глазки томно подкачены к потолку, с расписанным, похоже, самим Микельанжело, плафоном, – семейств...

– ... готовы *понять* вас, и... – их миниатюрно-скульптурные кисти споро освобождали тела друг друга из корсетов, а через кринолины они просто переступили.

– ... и исполнить, и даже превзойти все те ожидания, в которых вы оказались обмануты!..

– Разумеется, ничего не требуя взамен! Ну, разве что вы...

– ... представите нас Его Величеству...

– ... когда-нибудь потом!

К этому моменту ритуал медленного обнажения друг друга практически закончился, и обе, хитро улыбаясь, забрались к удивлённо, но вполне адекватно отреагировавшему мужчине на постель, приближаясь с обеих сторон. Вот уж подкрались «незаметно»!

– А сейчас просто расслабьтесь, позабудьте о...

– ... заботах и проблемах, и позвольте нам заняться вашим... Бойцовским настроением!

Пока Сэра тёплыми изящными ладошками оглаживала, и влажными горячими (Уж она постаралась!) губами обцеловывала плечи, живот и шею помаргивающего, но вполне оценившего пикантность ситуации, и довольно, словно мартовский кот, улыбавшегося, и похмыкивающего маркиза, донна Недда занялась его нижними регионами.

Не прошло и нескольких минут, как маркиз, откинувшись на атласные подушки, мурлыкал и стонал, сдерживая крики наслаждения, и только царапал простыни (Хорошо хоть, не их тела!), дыша, словно перегрузил вручную вагон картошки. Они же с донной Неддой продолжили «обработку», теперь делая эротический, на плечи и спину (Сэра) и тайский, ступнями на ягодицы и, перевернув, остальные положенные места, (донна) массаж.

Вскоре их усилия увенчались полным успехом: маркиз снова воспрял... Духом.

Теперь учительница занялась этим самым духом, оседлав мужчину, и развернувшись к нему лицом. И то, что было написано на нем, ну никак миролюбием или нежностью назвать было нельзя.

Скорее – хищным оскалом львицы перед прыжком. На добычу!..

Сэра продолжала ласкать везде, где могла, однако мар-

киз уже сконцентрировался только на донне, обхватив её точеный стан так, словно это его единственный спасательный круг посреди бушующего океана!..

И уж донна не подкачала: ещё бы! С такими-то знаниями и возможностями!..

Сэра всерьёз поопасалась: крики восторга могли бы перебудить весь дворец...

Если б тут кто-нибудь спал!..

И длилось это безобразие непозволительно долго! Чёртов маркиз оказался тот ещё призовой жеребец! Бедная донна Недда! И бедная она сама – теперь, когда всё происходящее стало явью, от уколов совести и стыда буквально трепетало сердце!

Однако всему прекрасному, как и тягостному, приходит конец...

Маркиз, жадно ловя воздух ртом, и всё ещё рыча, откинулся на измочаленные и мокрые от его же пота подушки:

– Богини! Нимфы! Небесные создания! Кто вы? И почему я раньше никогда...

– ... не встречали нашу милую парочку? – донна и Сэра нежно обнялись, обернувшись к маркизу. Затем демонстративно поцеловались долгим и пьяняще зрелищным поцелуем, (Сэру буквально растопило до кончиков ногтей – словно стаканчик эскимо – на солнце!) – Это просто! Ведь мы только вчера приехали из глухой провинции... С отцом...

– ... и завтра уезжаем ещё дальше – за море, в Новую Ан-

глию...

– ... а наш новый дом будет находится в Ванкувере...

– ... и поскольку мы обе не замужем, пока сохраняем родовое имя! Баронессы де Кодильяк! – тут обе стыдливо (Как бы!) похихикали, переглянувшись.

– А если случится вдруг заглянуть на нашу новую родину – уж не побрезгуйте, милый маркиз – навестите двух очаровательных и...

– ...наивных провинциалок!

– Мы слышали, у вас и сын есть...

– ... хочется верить, что и он обладает статью и выносливостью отца...

– ... ни в чём не разочаровавшем наших ожиданий...

– ... к тому же – настоящим джентльменом! Который никогда никому о своих победах над наивными провинциальными девушками не расскажет!.. – прижатый к губкам пальчик!

– ... а уж девушки сохраняют эти воспоминания в самой глубине сердца, и...

– ... будут жить только в ожидании новой встречи!..

Воркуя всю эту и подобную приторную хрень, сценарий которой, похоже, основывался не только на импровизации, но и на домашней заготовке донны Недды, в мозгу которой Сэра легко читала нужные слова, (Правильней всё же сказать – та их ей просто диктовала!) они собрали свои кринолины, лифы и нижние рубашки, и снова синхронно открыли створ-

ки дверей.

Теперь – только сногшибательную улыбочку на прощанье!

Закрыв двери за собой, тоже синхронно, вздохнули. Переглянулись. Сплюнули. Взялись за руки...

– Ф-фу, я думала меня сейчас стошнит! – донна Недда всё ещё умывалась у рукомойника. Сэра стояла рядом, протягивая полотенце, и глядя в землю. Уши горели.

– Да ладно тебе, Сэра, это было ещё не самое мерзкое задание... По-крайней мере, мы точно – никого не убили. И не... Подставили. – донна кинула на неё быстрый оценивающий взгляд.

Донна права, чёрт побери... Они никого не убили и не подставили. Что же тогда?

Её коробит омерзение от... Разврата? Грязи и циничности произошедшего? Банальной... Ревности?!

Донна вдруг рассмеялась. Весело и заразительно.

– Сэра! Ну не делай ты такое лицо! Могу с гордостью сообщить тебе: я всё ещё девственница!

Сэра недоумённо подняла взгляд:

– Да-а?! Донна Недда, вы... Но... Как?!

– Вот это и будет нашим следующим уроком. Как «отдаться» мужчине так, чтоб он испытал неземное блаженство, наслаждаясь... По-сути – самим собой! И на будущее: тебе тоже лучше оставаться в девственницах. Как можно дольше.

Потому что работать будучи уже женщиной – куда трудней. Почти в два раза. Как подсчитал дотошный мэтр Администратор – на нужную концентрацию воли уходит на одна целая и восемьдесят девять сотых больше энергии!

– Так вы... Вы...

– Да. Разумеется. Как ни цинично и мерзко звучит, воспользовалась его подсознательными подленькими желаньями и мечтами. И подсунула ему фантом. Хотя часть этого фантома – состояла, конечно, и из моего тела... Говорю же – всё подробно объясню на следующем занятии. Ну... Ты довольна?

Учительница не упала «ниже плитуса» в твоих глазах?

– Нет, донна Недда, что вы... Как вы могли... – она сглотнула. Донна – не дура. Наверняка тоже видала всю бурю эмоций, что вызвала постельная сцена у Сэры:

– Хотя – да. Было у меня что-то такое... – она невольно скривилась, словно от червивого яблока.

– Знаю. От таких заданий всегда воротит... Тошно, мурно, даже хуже, чем когда убьешь пару-тройку идиотов – но в открытом честном бою.

Но! Ведьма на то и Ведьма – чтобы уметь и делать... Всё! Вопросы?

Я имею в виду – не личные, а – по теме занятия.

Вопросов «по теме занятия» не нашлось. Ответы на остальные Сэра хотела бы получить позже.

Донна, глядя снова ей в самую душу, молча кивнула...

Лукич приготовил на обед настоящий украинский борщ – чуял, что густая мясная пища сейчас ей не полезет.

Она наворачивала так, что за ушами трещало. Мычала. Причмокивала.

От ужасного осадка удалось полностью избавиться! А неплохо её донна Недда сегодня «подковала»! Ведь и иллюзия – такое же замечательное (Если – не более!) оружие, чем добрая катана! А мужики – всегда, во все времена, рабы своего ... ! Глупо не пользоваться. Пусть – цинично, зато – действительно! И ведь правда – никого не надо отправлять к протцам!..

Она откинулась, довольно выдохнув.

А что... Отличное, оказывается, сегодня было Задание. Она многое поняла. И в «работе» и в себе...

Уж если она играет на стороне «зла», (А вот в этом она уже не была уверена! Разумеется, «добром» себя считают те, кто против хроноформации, и за естественный, «так сказать», ход Истории. Ну и болваны же они в таком случае!) надо применять те приёмы, те способы, которые позволяют добиться своего... Ага – вот этим самым: «Минимальными усилиями и воздействиями»!

И только в крайнем случае – идти напролом. Как с сербами и султаном...

Она уселась на улице с книгой: сотворила себе учебник по истории для пятого класса. Затёртостью на форзаце он при-

ятно шершавил по ладоням, а пририсованные египетским крестьянам бороды и... кое-какие ещё причиндалы, (Явно книга побывала у мальчишки!) заставляли ностальгически краснеть... Но вот содержание! Оказывается, она пропустила столько интересного!

Собственно, это – дело настроения. Пока учишься – всё это белиберда о чём-то абстрактном, и жутко чуждом и далёком. Покрытом чуть ли не плесенью и пылью веков...

А вот когда столкнёшься лично!..

Чувствуешь себя полной идиоткой.

Неподготовленной.

От этого становится стыдно.

Мэтр Гриф как всегда оказался пунктуален до дрожи.

И сегодня он почему-то всерьёз взялся её гонять! Стиснув зубы, и встав в очередной раз с мягкой травки, она зашипела: ну погоди ж ты, обладатель пятого дана!..

Мотивация оказалась на высоте, техника и реакция – тоже. (Ещё бы – она применила Заклинание концентрации!) А уж про «выносливость» можно и не!.. Теперь уже она активно и безжалостно гоняла учителя по неплохо утоптанной ими же площадке перед домом. Даже Хамви за стеклом пялился словно в недоумении: что это с хозяйкой?!

Наконец, в очередной раз «уроненный» в пыль, мэтр взмолился:

– Сэра! Хватит. Довольно, говорю, на сегодня... Молодец.

Ну, теперь поняла, что значит – по-настоящему сконцентрироваться? И разозлиться? Можно «побить» кого угодно! – он тяжело дышал, и по лбу и щекам буквально ручьём текло.

– Так вы... Не поддавались? – она откинула со лба мокрую прядь.

– Вот уж нет... – он хмыкнул, – Ладно, дай руку.

Помогая ему подняться, она взглянула... Ну, так, как глядела всегда, когда хотела выявить подлинную суть... По-особому.

Гос-споди! Да это же...

– Мэтр Гриф! Простите бога ради... Так вы – *не человек?*

Мэтр насупился:

– Почему это я – не человек?! Очень даже я – человек.

– Ой, простите пожалуйста – не то брякнула! Я хотела спросить: вы – не... Гуманоид? – она закусила губу от собственной бестактности. Разумеется – он человек!

– А-а, вот ты о чём... Ну да. Меня правильной было бы называть – гидроид. Впрочем, у вас ведь тоже есть похожие на меня. Вы их называете осьминогами.

– Да, есть конечно. Но... Они, насколько я знаю, не очень разумны.

Мэтр фыркнул, дёрнув плечом:

– Ну да, конечно... Раз существа не строят домов и не ездят в автомобилях – они животные. Ну что за антропоцентризм! У меня на родине жилища, конечно, строили. И даже в космос летали. Но начинали мы точно так же, как сейчас

живут ваши осьминоги!

– Мэтр Гриф! Простите пожалуйста мою бестактность. – она стояла перед ним, красная как рак, ковыряя пыль носком кроссовки, – Я... Я не хотела оскорбить ни вас, ни ваших соплеменников. Просто... Испугалась вас, настоящего! Прямо до дрожи!

– Извинения приняты. А удивляет меня то, что ты смогла... Увидеть меня. Я ведь применяю очень сильное Заклятье... Да и мэтр Администратор здесь мне помогает. Жить.

Похоже, твои силы растут. Скоро, значит, обучение закончится, и мы расстанемся.

Она почувствовала, как сердце словно сжимает невидимый кулак. Опять! Уже третий человек кроме мэтра Андервуда и леди Рениллы говорит ей, что она научилась у них всему, чему было возможно, и пора кончать. Обучаться.

Страшно.

Ей придётся работать самостоятельно, полагаясь лишь на себя, свои силы, свой ум и навыки. Да и ладно: рано или поздно нужно преодолеть и эту ступень. И повзрослеть. И принять на «худенькие» плечи Ответственность.

Даст Бог, поработаем!

Но пока...

– Мэтр Гриф! Не считите за наглость, но... Вы не могли бы показать мне *ваш* Мир?

Мэтр, преобразившийся теперь для неё в бочкообразное существо с восемью мощными отростками-щупальцами, и

глазами с доброе блюдо, потёр друг о друга восьмым и седьмым щупальцами. Она уже знала, что в «переводе» на его человеческий облик это означает почёсывание затылка! Вот уж, похоже, озадачила!

– Н-ну... насколько я знаю, это не запрещено. А ты... Точно этого хочешь?

– Да. Мне и правда – интересно! А то что же я – всё к гуманоидам да к гуманоидам!

– Твоя правда. Развивать кругозор полезно. Ну хорошо – давай руку. Место называется Лирвана!

Лирвана (Вот незадача, да?!) оказалась полностью покрыта водой.

Да и могло ли, если разобраться, быть по-другому на планете «гидроидов»...

А материализовались они на островке из спутанной и жутко воняющей прелью, йодом, и гнилью, массы водорослей, застрявших, похоже, на отлогой песчаной отмели крохотного островка. Водоросли казались скользкими и серыми, зато небо было бирюзовым! Ух ты! Тут и солнце – словно голубое... Да нет, точно – голубое!

– Вот это да! – хоть это выражение ничего и не значило, она оказалась поражена величаво то приподнимающейся, то опускающейся громадой вод, что простирались за горизонт, сколько хватало взгляда, почему-то не покрытых, как дома, в Океании, волнами с барашками пены, а словно залитой зе-

леноватой, как бы тягучей, патокой.

Странно. Она подобралась, чуть не поскользнувшись, к краю: точно! Вода здесь словно более тягучая. Медленная какая-то... Почему-то её укололо в сердце – она вспомнила, что говоря о сородичах, мэтр Гриф употребил прошедшее время. Неужели?!..

– Мэтр Гриф! А почему вода такая... Тягучая, как мёд? Или – клей?

– Это просто. – она взглянула на мэтра. Странно. Его глаза полны... Что это – СЛЁЗЫ?!!! Да, Мэтр плакал! – Это последствия. Мы... – он запнулся. Потом продолжил, справившись с голосом. Вернее – мозгом. Теперь она не могла слышать, что он говорит, но, как обычно, автоматически перестроилась на те слова, что формулировались в сознании:

– Здесь за ход Истории отвечала Партия тех, кто считает себя «хорошими».

Поэтому никто не воспрепятствовал разработке и производству... Загустителя, назовём его так.

У нас, как, впрочем, и на всех Мирах с разумными расами, происходили войны. Но они долго не были глобальными. А их последствия... Катастрофически непоправимыми.

А потом какой-то умник изобрёл Загуститель – чтобы враги не смогли дышать. Ну, мы дышим почти как вы – кислородом, растворённым в воде. Вот только переносит его не гемоглобин, а... Ну, так же как и у ваших осьминогов – гемоциан. Голубая кровь, словом. – он горько усмехнулся. Она

вздрогнула – поняла.

И поняла, как тяжело ему... Возвращаться сюда.

– Последствия боевого применения предвидеть оказалось невозможно. Мы...

Словом – то же случилось бы и у вас, развяжи вы ядерную войну. Вот так.

Ноги почему-то стали ватными, и голова закружилась. Во рту появился медный привкус. Кровь – чтобы не грохнуть-ся в обморок, пришлось до крови прикусить нижнюю губу. Но ноги всё равно подогнулись, и она опустилась прямо на осклизлые вялые пучки явно мёртвых водорослей, и, не сдерживаясь, разрыдалась:

– Простите! Простите мэтр – я не должна была... Вам, наверное, это жутко тяжело... Какая я дура!.. – Господи, какая же у него должна быть выдержка и самоконтроль!..

Мэтр, стоя за её спиной, молчал. Попыток утешить, или переубедить не делал – понимал, что будет только хуже. И – неправдой.

Наконец она вытерла слёзы, размазав остатки по лицу:

– Но почему... Почему тут не проводили хроноформации?! Пусть даже принудительно! Или... Или почему не эвакуировали людей – хотя бы часть?!

– Согласно Договору, эту часть Галактики контролируют наши противники.

«Хорошие». Те, что за «невмешательство».

Правда, их силы год от года тают, а число выживших ци-

визаций неуклонно сокращается... Да и таких «перебежчиков» как я, или Маддалена, всё больше... Но мы не трогаем «хороших». Применение силы лишь вызвало бы межгалактическую войну. А так... Их миры предоставлены сами себе – то есть, полный карт бланш. Развились – хорошо. Не развились – значит, не Судьба. Ну, ты же помнишь Дарвина с его теорией естественного отбора: «выживают те, кто сильнее и умнее...»

Поэтому партия мэтра Администратора после долгих переговоров... – он запнулся, – приняла Конвенцию. О невмешательстве. Уже тридцать одно тысячелетие эта часть галактики развивается под их контролем и руководством, (Если это можно назвать так!) а наша... Ну – ты знаешь.

– Да. Знаю. Но разве... Им самим не жалко всех этих, и других, – она обвела рукой неспешно дышащие воды, – погибших людей?!

– На это у меня нет ответа. – Мэтр глубоко вздохнул, – Да и ни у кого из наших нет. Даже у мэтра Верховного Верховного – это шеф мэтра Администратора, который сейчас главный ответственный за соблюдение... Конвенции. С нашей стороны.

И если ты чувствуешь, что готова, можешь задать ему свои вопросы.

Ого! Похоже, она – важная шишка! Раз может задать свои «вопросы» на самом Высшем Уровне! Или – здесь настолько развита демократия и свобода?

Но вот эти самые вопросы... Они ещё не сложились. Не сформулировались точно.

Она ещё слишком мало знает, почти никаких Миров из *их* сектора не видела... Архивных материалов прочла... Ха – это не называется прочла! Чиркнула по поверхности – словно камушек по воде, брошенный рукой ребёнка... Вот именно – ребёнка.

– Простите ещё раз, мэтр Гриф. И... Спасибо!

Сегодня вы преподали мне самый Главный Урок в моей учёбе здесь.

Да, наверное, и в моей жизни.

– Пожалуйста, Сэра. Но это – не совсем так, – он концом отрока нежно дотронулся до её виска, и – сердца, – Главный Урок у каждого Человека – здесь! И – здесь!

И то, что человек извлечёт из него – зависит только от него самого!

Как он прав! Сколько ей ещё предстоит передумать, перестрадать, пропустив через... Мозг и Сердце! Но основное она, похоже, усвоила.

Ребёнка, лезущего под дорожный каток, *нужно* вытащить оттуда – пусть даже потом он будет хныкать и капризничать! Зато получит *возможность* повзрослеть.

И выбрать.

Но!

Здесь – нет врагов-личностей. Ярких и запоминающихся Индивидуальностей.

Никаких Воландемортов, или Сауранов-Саруманов, или Кощеев Бессмертных, то есть – реальных и конкретных *личностей*, врагов-какашек, которых можно *победить* – будь то в поединке один на один, или с армией солдат, вооруженных... Оружием.

Такое возможно только в наивных и примитивных детских сказках...

Здесь придется иметь дело – с *Системой*.

А она – безлика, и не имеет конкретного тела.

Поскольку это не, вот именно, волшебная сказка, а банальная Жизнь. А в жизни не бывает однозначных, или простых Решений. Как не может быть и чётких и однозначных определений: это – хорошо, а это – плохо.

Для *кого* – хорошо? Для *кого* – плохо?! Что – «чёрное», а что – «белое»?

Все эти определения определяет только точка зрения и личность определяющего. Так что выяснить, что всё-таки было *лучше* – можно только по конкретному *результату*!..

Например, и ежу понятно – раз планета мертва, вычищена от не только разумной, но и вообще – жизни – следовательно, это плохо.

Вот за то, чтоб не доводить до *такого*, она, и подобные ей «плохие» и должны...

Бороться и работать!

И её Дух – её главное оружие!..

Может, поэтому ей так трудно было вначале... Да и сей-

час: *не на кого* направить конкретные разрушительные чувства и действия!.. Враг – не личность, а «партия». Безликая и аморфно-абстрактная масса их противников. «Хороших».

Она развернулась к мэтру Грифу. Глянула ему в глаза. Он просто кивнул.

Не сговариваясь они взялись за руки.

Её ждала работа. Много работы.

– Я – здесь и не здесь! Я – везде и нигде! Я – в Авалоне!

В оформлении обложки использована фотография с <https://pixabay.com/> по лицензии ССО. (Ведьма. Женщина. Девушка.)